

БОРИС КРУМОВ

РОЗА СВОБОДЫ

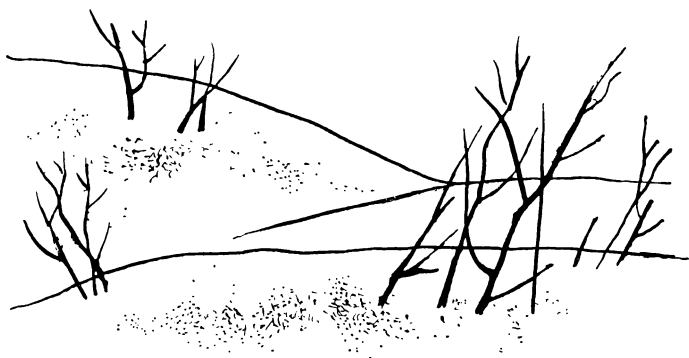

БОРИС КРУМОВ

РОЗА СВОБОДЫ

*Повесть
о юной партизанке
Иванке Пашкуловой*

*Перевод
с болгарского*

МОСКВА

"Детская литература"

1980

И (Болг)
К84

Борис Крумов
РОЗА ЗА СВОБОДАТА
София, Народна младеж, 1974

Перевел с болгарского В. Пономарев

Общая редакция Е. Андреевой

Художник М. Миронова

Scan AAW

Крумов Б.

К84 Роза свободы: Повесть/ Пер. с болг. В. Пономарева. Общая редакция Е. Андреевой. Художник М. Миронова.— М.: Дет. лит., 1980.— 159 с., ил.

В пер.: 45 к.

Повесть о юной партизанке Иванке Пашкуловой, отдавшей жизнь за свободу родной Болгарии в борьбе с фашизмом.

К 70803—444
М101(03)80 Без объявл.

И (Болг)

ВЫСТРЕЛЫ В ЛЕСУ

На опушке леса стояла девочка — высокая, худенькая, с толстой косой до пояса. Она внимательно оглядела поле, но людей поблизости не заметила. День был воскресный, а в праздничные дни редко кто из крестьян выходил работать в поле. И сегодня оно было пустынно.

Убедившись, что вокруг никого нет, девочка привязала к колючему кусту боярышника конец длинной веревки, на которой привела белую козу. Снова внимательно осмотрелась и, не увидев ничего подозрительного, побежала к лесу.

Следом за пастушкой трусцой побежала и большая пегая собака. Девочка вернулась, побранила собаку, сняла шерстяную безрукавку и положила под куст.

— Сиди, Шаро, здесь! Не смей уходить! Я скоро вернусь. Понял?

Пес едва ли понял, о чем говорила девочка, но покорно лег рядом с кофтой. Раз хозяйка оставляла одежду, он должен стеречь ее. Но ему явно не хотелось оставаться одному.

Пастушка скрылась в овраге.

Через несколько минут там прогремел выстрел. Пес поднялся, насторожил уши. Послышался второй выстрел, потом

третий... Шаро со всех ног бросился по следам хозяйки. Но у оврага остановился. Не посмел войти в лес.

А в густых зарослях глубокого оврага его юная хозяйка держала в правой руке маленький маузер и чуть ли не кричала:

— Попала! Я попала!

Невысокого роста, широкоплечий крестьянин, прищурившись, рассматривал синюю полицейскую фуражку, висевшую на сучке: в нее и стреляла девочка.

— Молодец, Иванка! — похвалил крестьянин. — Ну-ка, попробуй еще разок.

— Хорошо, папа. — И вдруг смутилась: — Только в живого человека я не смогу выстрелить...

— Эх, дочка, да разве можно назвать человеком такого, как наш сельский староста или сборщик налогов?! Это же звери, а не люди: подняли оружие против своего народа! Но придет день, когда не они нас, а мы их одолеем.

— Папа, а такой день придет? — тихо спросила девочка и пристально посмотрела в широкоскулое лицо отца.

— Обязательно придет, Иванка! Может, к тому времени ты уже будешь партизанкой, а может, и тут в селе останешься, но все равно без выстрелов не обойдется.

В этот момент на опушке яростно залаял пес. Шаро всегда лалял так при появлении чужого человека. Крестьянин сунул пистолет в карман и подтолкнул девочку:

— Ну, ступай, дочка. И веди себя, как я тебя учил.

Девочка побежала по оврагу к опушке леса.

Со стороны села к оврагу спешил рослый полный мужчина. Шел он быстро, широким шагом и сердито размахивал толстой тростью, какие обычно носят сельские богатеи.

«Сборщик налогов! — ахнула Иванка и застыла на месте, словно приросла к земле. — Что теперь делать?»

Ей вдруг захотелось повернуть обратно, догнать отца и вместе с ним убежать в лес. Пусть тогда ищет их этот ненавистный человек. Девочка нерешительно оглянулась и тут же вспомнила наказ отца: «Никогда не показывай вида, что ты встревожена. Держи себя в руках!»

«Ну, иди же, иди смелее, — приказала самой себе Иванка. — Иди вперед, смело, пока этот человек не заметил твоего страха».

СБОРЩИК НАЛОГОВ

Иванка спокойно направилась к козе и прикрикнула на собаку:

— Цыц, Шаро! Замолчи, а то уши надеру!

Сборщик налогов, тяжело дыша, подошел к девочке, то-ропливо вытер вспотевший лоб и прохрипел:

— Кто стрелял? Отец? Стрелять учитесь, да?

— Отца здесь нет.

— Так я тебе и поверил! Дома его тоже нету?

— Был дома. Может, пошел к соседям?

— А ты чего шастаешь по оврагам? Что там забыла?

— Да я... мне нужно было...

— Гм... знаю я, что вам нужно...

Он шагнул было к оврагу, но остановился. То ли передумал, решил, что ошибся в своих подозрениях, то ли побоялся забираться в чащу. Круто повернувшись к девочке, он с угрозой произнес:

— Ладно, сейчас проверим. Но пеняй на себя, если его не окажется дома! Вам обоим несдобровать. Пошли со мной!

Девочка сделала вид, будто обрадовалась.

— Да я и сама уже собиралась возвращаться. А то, пока доберешься до дому, совсем стемнеет. Страшно одной...

Иванка надела безрукавку, подошла к кусту боярышника и стала отвязывать козу. Она возилась долго, суетилась, пыхтела и что-то бормотала себе под нос.

— Ты что там копаешься? — нетерпеливо крикнул сборщик налогов. — Ну-ка, живее!

— Дядя Никола, — плачущим голосом отозвалась Иванка, — я никак не могу развязать узел... Эта зловредная коза, чтоб ей провалиться, затянула его... Вот я тебя проучу! — сердито крикнула девочка и принялась хлестать козу хворостинкой.

— Постой! Да погоди ты! Она же затянет узел еще крепче!

Сборщик налогов нагнулся и сам принялся распутывать узел. Однако и он возился долго, пыхтел и тихо ругался. Наконец ему удалось отвязать козу.

— Ох уж эти проклятые животные! Ну, вот и все, веди ее.

Они молча направились к селу. Впереди степенно шагал сборщик налогов, следом шла Иванка, за ней семенила белая коза. Шествие замыкал Шаро.

— Дядя Никола, — прервала молчание Иванка, — ты ничего не видел вон там, в овраге?

— А что там?

— Срубленные деревья. Хорошие, ровные бревна. Стащил их кто-то в овраг, на самое дно, и спрятал. Чтоб не видали.

— Да что ты? И где они?

— Во-о-он там! — указала девочка.

Сборщик налогов проворно спустился по крутому склону на самое дно. Иванка осталась наверху у края оврага. Она быстро оглянулась и обшарила глазами опушку и лес. Но как ни всматривалась, как ни вслушивалась, так и не смогла определить, успел отец уйти или все еще в лесу. Это встревожило девочку. Что, если придут они со сборщиком налогов в село, а отца не окажется дома? Тогда уж наверняка этот негодяй устроит какую-нибудь пакость! Не зря же его называют кровососом. Никогда не знаешь, какую он мерзость готовит. Верно люди говорят: от злобного корчмаря да сборщика налогов добра не жди.

Девочка спустилась в овраг, подошла к Николе и заговорила с ним, как умудренный опытом человек, знающий толк в строительных материалах. На что могут пойти эти бревна? Да на все сгодятся! Балки выйдут отличные для нового дома, для конюшни, для амбара. Кто-то, видно, собрался строиться, вот и припрятал, решил задарма взять то, что нынче и за деньги не купишь.

Сборщик налогов не слушал девочку. Он измерил тростью длину бревен, потом достал записную книжку и карандаш. Долго что-то подсчитывал, про себя, неразборчиво бормотал, на его лице расплылась довольная улыбка. Кто знает, может, он строил планы, как прибрать к рукам эти бревна? Он как раз затеял ремонт своего дома и большого флигеля, какого на селе ни у кого не было.

«Пусть его строит разные планы, лишь бы подольше задержать его тут!» — думала Иванка.

Никола закончил подсчеты и приказал пастушке следовать за ним. Опустив голову, девочка медленно брела позади. Сборщик налогов строго покрикивал на нее, чтобы поторапливалась. Но разве она могла спешить, когда чувствовала, что назревает беда? Придут к ним домой, а отца нет! И потом... потом его наверняка арестуют. Да и ей не поздоровится.

И откуда стало известно, что они учатся стрелять? Кто мог их видеть? В поле же не было ни души! А может, кто-то на прошлой неделе выследил и донес сельским властям?.. Но кто бы ни донес, они не могут по одним наговорам арестовать отца. Даже если их обоих арестуют, они будут молчать. Как бы

их ни мучили, ни словечка не скажут! Уж она хорошо усвоила: попадешь в общинную кутузку или в околийское¹ управление — молчи, ни в чем не признавайся. Вообще держи язык за зубами. Проговоришься — слетит твоя голова с плеч.

Неожиданно Иванка запела и побежала вперед. Вслед за ней побежали собака и коза. Девочка подпрыгивала, беззаботно и весело смеялась, словно расшалившийся ребенок, радующийся и зеленой траве, и кустам, и даже бурьяну. Всему, чему пожилые и серьезные люди радоваться не могут.

Добежав до канавы, Иванка решила перепрыгнуть через нее, но споткнулась и упала на дно. Девочка вскрикнула, да так пронзительно, что даже Шаро с перепугу залаял.

— Что с тобой? — недовольно спросил сборщик налогов.

— Ох, нога... ногу вывихнула! Ой, мамочка, больно!

— Да замолчи ты! погоди, сейчас что-нибудь придумаем, — успокаивал ее Никола, а про себя пробормотал: — «Ах, чтоб тебя! Окаянная! Связался на свою беду с этой девчонкой, что теперь делать?»

Он ощупал босую, исцарапанную колючками ногу, и девочка закричала еще громче и жалобней:

— Ой, больно! Ой, болит!

Никола совсем растерялся. Не знал, что и предпринять. Вправлять вывихи он не умел. Да и времени нет — надо спешить. Он снова стал ощупывать ногу девочки, и так сильно сжал ее, что Иванка громко вскрикнула. Потом сквозь слезы проговорила:

— Уже полегчало.

— Сможешь идти сама?

— Попробую. Только ты, дядя Никола, срежь мне палку, опираться.

Никола встал, огляделся по сторонам. Вокруг — ни деревца. Лишь в поле, на меже, росла кривая, высохшая груша. Он вздохнул и зашагал к меже. Когда он вернулся, Иванка уже встала. Сильно хромая, сделала несколько шагов.

— Вроде лучше... — виновато улыбнувшись, тихо сказала девочка, — совсем немножко болит.

— Ну, вот и хорошо, вот и хорошо! — обрадовался тот. — Добирайся до дому сама, а я пойду. Я и так опаздываю: дела в общине.

¹ О к о л и я — административно-территориальная единица в Болгарии.

ПЕРВАЯ ПОМОЩНИЦА

Сборщик налогов влетел в чужой двор, словно собирался схватить кого-то на месте преступления.

У небольшого домика, под навесом, возвышалась гора стружек. Тут же лежали оконные рамы и свежестроганные доски. Отец Иванки размечал доски столярным метром.

— У-у! — Никола оторопел от неожиданности, потом почти прорычал: — Ты дома?

— А где мне еще быть?

— Там, где был недавно.

— Я никуда со двора не выходил. Разве сам не видишь? По стружкам, кажется, мог бы сообразить: работаю уже не час и не два.

— Вижу. Все вижу. Только рано или поздно ты все равно попадешься. И тогда тебе придется туго.

Сборщик налогов ушел.

На пороге показалась худенькая женщина с болезненным лицом.

— Зачем приходил этот негодяй? — спросила она мужа.

— Да уж не на свадьбу приглашать! С чем добрым может он ворваться в чужой дом? Только чтобы напакостить!

Немного погодя скрипнула калитка, и во двор вошла Иванка. Девочка отбросила теперь уже ненужную ей палку и вопросительно посмотрела на отца. Он молча обнял дочку за плечи и повел в дом.

— Умница ты моя! — сказал отец, когда они вошли в комнату. — Видел, видел и все понял. Я поначалу шел следом за вами. Думал, уж не замышляет ли чего этот мерзавец. От него всего можно ожидать... Хотел было даже укокошить его и раз и навсегда избавить село от злобного пса. Но потом понял: хитришь ты, дурачишь его. И кинулся домой — прямо через сады и огороды. Успел, как видишь! Ты, дочка, заслуживаешь награды. Ну-ка, Илина, угости чем-нибудь мою первую помощницу, мою правую руку!

— Ее-то я угощу, а вот тебе голову намылю! Зачем таскаешь ребенка в лес?

— Ребенка? Да ты погляди хорошенько. Ей весной тринадцать стукнуло. Она у нас уже невеста!

— Ну, папа, скажешь тоже! — нахмурилась порозовевшая Иванка.

Через час девочка гладила собаку, нежно прижимая к щеке ее косматую голову:

— Молодец, Шаро! Видал, как мы его одурачили? Он так ничего и не понял, да, Шаро?

Потом она подошла к козе, обняла ее за шею:

— А ты, Белица, прости меня...

В дверях показался отец.

— Есть, дочка, важное поручение. Завтра ты любой ценой должна попасть в Паничеры и Старосел...

Девочка внимательно слушала наказ отца и молча кивала головой.

— Представь себе, Иванка. Я дал тебе «Работническое дело» и листовки и попросил отнести дяде Ангелу. Вышла ты на улицу, и вдруг навстречу сборщик налогов или Атанас Ищейка¹. Что ты будешь делать?

Каждое слово отца Иванка слушала внимательней, чем объяснения учителя на уроке. Она чуть помолчала, подумала и ответила:

— Пройду мимо спокойно, не останавливаясь, будто никого не встретила. Буду напевать песенку или насвистывать...

— Как мальчишка,— подсказал отец,— который вышел погулять. Можешь прикинуться даже глупенькой, чтобы не вызывать никаких подозрений.

Такие репетиции иногда продолжались часами.

Отец часто напоминал: то, чем он занимается,— дело очень опасное. За такую деятельность в полиции жестоко бьют, отправляют в тюрьмы и даже расстреливают. Тяжелые испытания ожидают и его помощника. Вот почему она должна быть ко всему готова, чтобы предстоящее не застало ее врасплох.

СЕЛЬСКИЕ ЗАПРАВИЛЫ

В большом кресле за письменным столом сидел сельский староста, которого в селе окрестили Крючком. Так его прозвали еще в молодости. Это был плотный мужчина среднего роста. Среди крестьян он выделялся сразу: по одежде, по разговору и походке было видно, что человек он городской.

Перед его письменным столом сидел сборщик налогов Никола.

— Коммунисты совсем распоясались, а мы и в ус не дуем,— говорил Никола.— Собираются в горах, учатся стрелять. Сегодня, похоже, Тодор был в глубокой балке, но успел улизнуть

¹ И щ е й к а — презрительная кличка сельского полицейского Атанаса.

от меня. Я застал у оврага только его дочку. Если бы он мне попался там, прикончил бы его на месте.

Староста помолчал. Побарабанил пальцами по столу:

— Такие дела, Никола, нужно делать осторожней, тоньше. Одной дубинкой нынче действовать нельзя. Это раньше мы усмиряли коммунистов саблями, а теперь автоматы лишь озлобляют людей и настраивают против нас.

— А ты хочешь, чтобы мы их по головке гладили?! — вскипел сборщик налогов.

— Я тоже считаю, что мы не должны их жалеть. Но повторяю: нынче такие дела надо делать осторожнее. Брать их на месте преступления, с поличным, чтобы не смогли потом выкрутиться.

Крючок вышел из-за стола и, прохаживаясь по кабинету, продолжал:

— Атанас должен смотреть в оба. Пусть побольше людей вербует, чтобы следили за коммунистами, подслушивали в корчах их разговоры. А ты проверяй, не ходят ли они в лес да в глухие балки учиться стрелять. Но только в одиночку не ходи. Они легко тебя могут пристрелить.

В кабинет вошел невысокий, тощий полицейский. Измятая фуражка была надвинута на самые брови, под облупленным козырьком бегали маленькие глазки.

Он неловко козырнул и шелкнул каблуками.

— Звали меня, господин староста?

— Звал, Атанас. Разговор у меня к тебе не очень приятный.

— Нешто плохо службу исполняю?

— Службу-то ты несешь исправно, а вот другое упустил. Вчера я побывал в Карлово. И там в полицейском управлении жаловались мне на твоего сына. Водится с коммунистами, в его квартире нашли запрещенные книги. Я ничуть не удивлюсь, если твоего парня исключат из гимназии.

— Да я ему все кости переломаяю! — угрожающе прошипел Атанас и сдвинул фуражку на затылок. — И как только я его не вразумлял — и по-хорошему и ремнем... Но, видать, урок не пошел впрок.

— Делай как знаешь, но направь сына на путь истинный, иначе не знаю, чем и кончится эта история.

— Ах, паршивец! Ну, он у меня отведает березовой каши!

— Гляди, Атанас, в оба! Как бы он на тебя беды не накликал.

— Господин староста, да нешто я его не держал в ежовых рукавицах!

— Похоже, ты его уже упустил! Смотри, как бы и младший не пошел по кривой дорожке.

Сборщик налогов равнодушно слушал разговор сельского старосты с полицейским и думал о чем-то своем. Но когда услышал о младшем сыне Атанаса, оживился и спросил:

— В каком он классе?

— Кончает прогимназию¹.

— Вместе с дочкой Тодора Пашкулова учится?

— Одногодки они...

— Хорошо, очень хорошо. Ну-ка, присядь, поговорим...

Часом позже сборщик налогов был в своей корчме. За прилавком стоял его сын. Никола не любил сам прислуживать посетителям. Заглядывая в корчму, он расспрашивал сына, как идут дела, давал ему советы, здоровался со знакомыми, присаживался к кому-нибудь из своих приятелей, выпивал по стопке-другой ракии² и уходил.

В тот вечер он не успел еще выпить свою обычную порцию, когда в корчму влетел мальчишка лет тринадцати, окинул зал быстрым взглядом и направился прямо к хозяину корчмы:

— Дядя Никола, я к тебе. Отец послал. Говорит, ты что-то хочешь поручить мне. Чтоб помогал тебе по службе...

Сборщик налогов недовольно засопел, невнятно буркнул что-то и вышел с мальчишкой из корчмы через черный ход. Он завел его в прихожую и сердито сказал:

— В другой раз не входи в корчму. Проходи прямо в дом, жена меня вызовет. А теперь слушай внимательно. И запомни: никому ни слова про то, что услышишь. Ты дружишь с Иванкой Пашкуловой?

— В одном классе учимся.

— Та-ак, хорошо! Слушай, Нино, что нужно делать. Если исполнишь все в точности, я щедро награжу тебя. Да и своему отцу поможешь.

К ДОБРУ ЛИ?

Под старой акацией в школьном дворе собрались ученики. Среди них выделялась высокая, тоненькая Иванка. Каждое утро, до уроков, она просматривала здесь домашние задания

¹ Прогимназия — неполная средняя школа.

² Ракия — болгарская водка.

у своих одноклассников. Некоторых девочка подзывала, а другие сами спешили к ней:

— Иванка, проверь задачку...

И она проверяла, исправляла ошибки, объясняла.

Прозвенел второй звонок. Все направились в класс. Иванка почувствовала, что кто-то взял ее за локоть. Девочка обернулась — Нино.

— У меня к тебе важное дело, — таинственно шепнул мальчишка.

Иванка отошла в сторонку от подружек. Нино, такой же рослый, как и она, шел следом.

— Хочешь, будем с тобой учиться стрелять?

Иванка остановилась и озадаченно посмотрела на паренька. Его напряженное, взволнованное лицо застыло в ожидании.

— Стрелять? — переспросила Иванка медленно, чтобы выиграть время.

— Ну да, из пистолета, из винтовки. Все может случиться. Может, доведется уйти к партизанам, так надо подготовиться к этому.

Иванка продолжала рассматривать мальчишку. Лицо у него оставалось все таким же напряженным, застывшим. Он явно чего-то выжидал и боялся. Девочка не раз слышала от отца, что Атанас Копой гнет хребет перед сельскими заправилами. Рассказывали, что он задолжал большие деньги сборщику налогов, чтобы старший сын мог учиться в гимназии. Иванка знала, что сам Нино никогда никакой политикой не интересовался. Но его старший брат был ремсистом¹. С кем Нино — с братом или с отцом?

— Стрелять? — задумчиво повторила Иванка. — Знаешь что, Нино, давай в другой раз поговорим об этом...

Нино охотно согласился. И они вместе заторопились в класс.

Шел урок истории. Иванка слушала учительницу, но время от времени осторожно поглядывала на левый ряд у двери. Там, за третьей партой, сидел Нино. Учительница закончила объяснение и, как обычно, спросила:

— Кто будет отвечать?

Могла бы и не спрашивать. Обычно стоило учительнице взглянуть на Иванку, как девочка тотчас вскакивала и толково пересказывала новый материал, хотя еще не прочитала в учебнике ни строчки.

¹ Ремсист — член РМС (Рабочего Союза Молодежи).

Встала она и на этот раз, но ничего рассказать не могла. Учительница заметила смущение Иванки, подошла к ней, попыталась помочь наводящими вопросами. Однако и это не помогло.

После звонка учительница подошла к Иванке и озабоченно спросила:

— Что случилось?

Девочка пожалала плечами:

— Ничего особенного.

И действительно, ничего особенного не произошло. Просто Нино встревожил ее своим предложением. А вдруг он догадывается, что она ходит с отцом в лес и там, в глухом овраге, учится стрелять? Может, хочет выпытать, а потом донести старосте? Потому, наверное, он так и нервничает, торопится. Но неужели на такое способен одноклассник, брат ремсиста?!

Правда, отец его яхшается со старостой и сборщиком налогов. Но за ним самим раньше никогда ничего дурного не замечали. А вдруг это ловушка? Нет, не может этого быть! А если не ловушка, то совсем неплохо было бы подобрать надежных парней и девчат и вместе учиться стрелять.

А что? Неплохо придумано! Она создаст молодежную группу, создали ведь такие группы в их селе коммунисты и ремсисты. Присмотрится получше к одноклассникам, отберет самых достойных и верных. А когда отцу потребуются на важное дело подготовленные и преданные люди, она скажет: «Вот они, отец! Поручай им любое задание!» Здорово! А то что же получается: занимается она пустяковыми, курьерскими делами — этому сообщи то-то, тому передай то-то. Разве это настоящая подпольная работа? Да и отец, когда узнает, что она сама научила своих товарищей стрелять, скажет: «Браво, дочка! Молодец!» Да, но... Пожалуй, надо все-таки сначала рассказать обо всем отцу, посоветоваться. А может, сделать все тайно и уж потом удивить его?

На перемене Нино опять разыскал Иванку и доверительно спросил:

— Ну, надумала?

— Хорошо бы, но...

— Вот и отлично. Значит, принимаемся за работу. Вот только где нам достать оружие?

— Да... я...

Она вдруг запнулась, прикусила губу и с испугом подумала: «Уж не попала ли я на крючок, как глупая рыбка?»

Ей очень хотелось сказать: «Я достану оружие». Просто

так, чтобы поделиться радостью, своими успехами в стрельбе. Но она вовремя спохватилась, вспомнила строгий отцовский наказ: «Никому об этом ни слова!» И решила про себя: «Сначала поговорю с отцом, а уж потом отвечу Нино».

— Да... я, я, как тебе сказать...— сбивчиво заговорила Иванка.— Я боюсь. Зачем нам это?.. Ни в партизаны уходить, ни воевать с кем бы то ни было я не собираюсь!

Нино стал горячо и подробно объяснять, как важно научиться метко стрелять. Но Иванка слушала его с притворным равнодушием и чуть ли не с насмешкой отвечала:

— Ах, Нино, оставь! Не наше это дело!

А про себя подумала: «Что-то уж слишком он настаивает и горячится».

То ли потому, что ее озадачило предложение Нино, то ли по другой причине, но Иванка так и не успела решить: как же ей выполнить задание отца? Как обойти соседние села, не вызвав ни у кого подозрений?

Отец говорил, что созывается совещание районного комитета партии. Оно состоится у них дома. Необходимо, чтобы из Старосела и Паничер прибыли представители. Но Иванка должна их об этом известить. Сам отец пойти туда не может. Если полицаи и их помощники увидят его в чужом селе, то сразу же арестуют. Или же установят слежку и обнаружат место подпольного совещания райкома. И тогда уже всех арестуют и отправят в тюрьму. И так нехстати Нино прицепился к ней, как репейник, ходит по пятам, глаз с нее не спускает. Разве можно с таким опасным «хвостом» выполнить тайное задание?

После уроков, когда все покинули школьный двор, Иванка как бы между прочим сказала:

— Девчонки, а знаете, что я вчера узнала? В Старосел завезли канву и цветные нитки для вышивания. Давайте сходим и купим!

— Идти в Старосел?! — удивились подруги.

— Ну и что? Подумаешь, далеко! К вечеру вернемся. А иначе потом придется ехать за ними в Пловдив.

Девочки согласились. Но тут Нино заявил, что и он отправится с ними! И приятеля с собой прихватит, заскочит с ним в чей-нибудь сад и наберет для всех яблок или груш.

Девчонки зашумели, слышались возгласы:

— Нет! Не нужны вы нам!

— Мы одни пойдем!

— Не надо нам мальчишек!

Нино вопросительно смотрел на Иванку: что она скажет?
— Пусть идут,— согласилась она,— веселее будет.— А сама подумала: «Пусть идут, а там посмотрим...»

УДАСТЯ ЛИ ВЫПОЛНИТЬ ПОРУЧЕНИЕ ОТЦА?

Иванка вернулась домой к обеду. Она хотела рассказать отцу о разговоре с Нино, но он куда-то ушел.

Девочка на скорую руку поела и выбежала на улицу.

На школьный двор, где подруги уговорились встретиться, Иванка пришла первой. Потом подошли и остальные. Здесь были и лучшие ее подруги: маленькая стеснительная Лика и медлительная толстушка Стана.

В Паничеры шли весело: смеялись, шутили, бегали взапуски. Нино дождался, когда Иванка осталась одна, и нетерпеливо спросил:

— Ну, решила?

— Ты о чем? — она сделала вид, будто не понимает, о чем идет речь.

— Будем учиться стрелять?

— А-а, ты опять за свое! Я уже и забыла. Это, Нино, не нашего ума дело.

— Глянь на заросли. Видишь ту чащобу? Никто нас там и не увидит.

— Да ты, я вижу, совсем спятил! Ты хоть понимаешь, чем предлагаешь заняться?

— Вот уж не знал, что ты такая трусиха...

— А я и не скрываю: боюсь и не хочу вмешиваться в глупые затеи.

Вскоре они вошли в село Паничеры. Девчонки хотели было зайти в здешний магазин, но Иванка предложила не задерживаться и идти сразу в Старосел. Она подхватила под руки Лиду и Стану и быстро зашагала вперед. Мальчишки заявили, что дальше не пойдут, а будут ждать их тут.

«Тем лучше!» — подумала Иванка, но ничего не сказала, будто и не слышала мальчишек.

Но в Староселе ниток для вышивания не оказалось: их продали неделю назад.

— Ух, девчонки, как я проголодалась! — воскликнула Иванка.— Подождите меня здесь, я сбегаю к нашим родным, возьму хоть кусок хлеба.

Подружки остались ждать ее на площади. Иванка свернула

в проулок. Никогда раньше она тут не бывала. Девочка осторожно заглядывала во дворы. Считала ворота и вспоминала план, который вчера вечером нарисовал ей отец, объясняя, как попасть к нужному человеку. Наконец она остановилась перед старыми, покосившимися воротами.

Вечерело. Во дворах слышался говор. Неподалеку мужчина покрикивал на овец, женщина сзывала кур, пронзительно визжала голодная свинья.

Во дворе, перед которым остановилась Иванка, никого не было. Девочка не хотела громко звать хозяев. С площади на улицу свернул какой-то человек. Но ее никто не должен здесь видеть!

Иванка тихо открыла калитку и проскользнула во двор. Она забыла спросить у отца, нет ли в доме собаки.

Девочка ступала осторожно, на цыпочках, готовая в любой момент броситься назад. Окажись тут собака, шума не избежать. Верный страж дома не потерпит в своем дворе чужака...

«Смотри же, чтоб тебя никто не увидел, когда будешь входить в дом», — наказывал отец.

Девочка прошла через двор, тихо постучала в дверь. На стук вышла пожилая женщина. Руки у нее были в тесте. Иванка поздоровалась и спросила:

— Дядя Иван дома?

Крестьянка ответила не сразу. Она подозрительно оглядела незнакомую девочку:

— Откуда ты?

— Из Старо-Железаре. Я дочка Тодора Пашкулова.

— Иванка?

— Да, я.

— Входи, входи же! Ивана нету дома, но он скоро придет.

— Я спешу. На площади меня ждут подруги. Я им сказала, что зайду к родным и попрошу хлеба. Все проголодались.

— Хлеба у меня, доченька, нету. Только-только тесто поставила. Но я вам дам чего-нибудь...

— Передайте дяде Ивану: в воскресенье вечером он должен быть у нас. Отец сказал, что это очень важно.

— Ох, детка, и ты... и тебя втянули... — заохала женщина и стала торопливо шарить по полкам.

Она, продолжая причитать, наполнила карман девочки сушеными грушами и яблоками.

— Вот вам на дорогу. Больше у меня ничего нету. А ты, доченька, сидела бы дома. На взрослых не гляди. Они, старые, играют с огнем. А тебе-то зачем? Ты же еще совсем дитя. Ну,

ладно, беги, а то опоздаешь. До Старо-Железаре путь не близкий. Ивану я все передам, не беспокойся.

Иванка бежала до площади во весь дух. Раздала подругам сушеные фрукты.

В Паничерах Нино и его приятель все еще ждали девочек на площади. Это встревожило Иванку: она думала, что мальчишки давно ушли.

В здешнем магазине ниток тоже не оказалось. Девочки расстроились. А Иванку беспокоило иное: как ухитриться забежать к дяде Видолу и не вызвать подозрения?

Ватага двинулась в обратный путь. А Иванка все никак не могла ничего придумать. Неужели она уйдет из села, так и не выполнив важного задания?..

Они уже вышли из Паничер. Иванка молча шла позади всех, не отзываясь на шутки и подтрунивания одноклассников. Неожиданно она остановилась и крикнула:

— Ой, девочки, я совсем забыла! Вы потихоньку идите, а мы с Ликой забежим к одним знакомым. Надо кое-что взять. Мы вас догоним.

Девочки устали. Никто не захотел возвращаться с Иванкой назад. Даже Нино. Лике тоже идти не хотелось, но она поймала на себе выразительный взгляд подруги и пошла вместе с ней.

Когда минут через пятнадцать девочки догнали одноклассников, Иванка развернула пеструю вышитую скатерть и воскликнула:

— Смотрите, какой чудный рисунок!

Ничего особенного в рисунке не было. Но Иванка так восторгалась им, что и подруги решили скопировать рисунок для себя. Иванка повеселела. Она много шутила и так громко смеялась, что подруги с удивлением поглядывали на нее.

— Что с тобой? — не удержался Нино. — То ты грустная, то вдруг веселая...

— Такая уж есть! Когда что накатит, — улынулась Иванка и громко крикнула: — Того, кто меня догонит, угощаю бузой¹.

И понеслась по дороге. За ней вдогонку помчалась вся компания...

Иванка спала глубоким сном, как и всякий усталый ребенок. На краешке деревянной кровати сидел отец. Он укрыл дочку до подбородка, поправил разметавшиеся косы.

¹ Б у з а — безалкогольный напиток.

И на этот раз девочка выполнила задание, с каким не каждому из взрослых подпольщиков удалось бы справиться. Посмотрим, как пройдет совещание...

Отец заглянул в лицо дочери, которая во сне чему-то улыбалась, и невольно сам улыбнулся.

ПИСЬМА НИНО

Письмо первое

Здравствуй, брат!

Ты недавно уехал из дому, но за это время тут такие дела приключились! Про такое вслух не говорят. Отец, сам знаешь, всегда ходит хмурый и злой. А в последнее время он по вечерам так кричит на мамку, что она непрерывно плачет...

Ругает ее за тебя. Говорит, что все от нее и что ты пошел в ее родню. Что-то говорили про лесничего. Он вроде чем-то недоволен. А чем, я так и не понял. Отец в тот вечер выгнал меня во двор, чтоб я не слышал их ругани.

А мамка, ты же знаешь, всегда так: стоит ему заговорить о нас с тобой, сразу — в слезы. Все переживает, будто на нас беда какая вот-вот свалится. В общем, случилось кое-что, и я хочу посоветоваться с тобой. Напиши, как мне быть, что делать.

В тот вечер отец после сам позвал меня, но был уже совсем другим — добрым да ласковым, как никогда раньше. Он велел мне немедленно идти к сборщику налогов Николе. И выполнять все его поручения. И никому об том ни словечка!

Я так и сделал.

Ты знаешь, брат, а сборщик налогов не такой уж плохой человек, как о нем говорят. Верно тебе говорю! Потолкуешь с ним — совсем другой. Он обещал дать отцу еще денег, чтобы и я смог поехать учиться в Карлово. Мне очень хочется выучиться, стать большим человеком, а не оставаться в селе.

Дядя Никола велел мне подружиться с Иванкой, дочкой Тодора, плотника. Она вроде бы и неплохая девчонка, но уж очень задирает нос. Все норовит командовать, любит, чтоб ее слушались. И все шушукается с Ликой и Станой. Все у них какие-то тайны.

А отец Иванки, видать, коммунист. Сборщик налогов называл его преступником. Мол, бандит он, только и думает, как бы поживиться чужим добром. Ладно бы еще, на добро богатеет зарился, а если станет грабить и простых людей, то худо.

Тогда уж лучше пусть его снова посадят в тюрьму.

Мне плотник никогда ничего плохого не говорил. А вот Ангел Абаджия, как увидит, взглянет так, будто я забрался в его амбар. И процедит сквозь зубы:

— У-у, легавый щенок!

Он называет нашего отца ищейкой, а я для него тоже легавый. Честно признаться, я боюсь его, стараюсь держаться от него подальше. Ты видал, брат, как он справляется с быками? Схватит за рога и скрутит шею! Однажды с медведем, говорят, боролся.

Я уже тебе говорил, что сборщик налогов велел мне подружиться с Иванкой. Она будто бы ходит в лес с пистолетом, учится с кем-то там стрелять, чтобы потом воевать против законной власти.

Я ничего такого не видал, но, сказать по правде, Иванка способна на все. Порой так глянет на старосту, что, кажется, готова задушить его. И чего она занимается запрещенными делами?

Отец очень злится на таких, и правильно делает. Ругает их. Говорит, что они сеют смуту в селе, подбивают народ на бунт. Потому в лавках и полки пустые. Хоть шаром покати — ни керосина, ни гвоздей нету.

Да, забыл сказать. Ходил я с Иванкой и ее подругами в соседнее село. Старался что-нибудь узнать, да так, чтобы она не догадалась, что я за ней слежу. Но она не проговори-лась: затаилась, как рыба в мелкой воде.

Ходили мы в Паничеры и Старосел. Девчонки хотели там купить ниток для вышивания. Смотрю, а Иванка опять о чем-то шушукается с Ликой и даже перемигивается.

Неспроста эти их шушуканья.

А мне, по правде, очень хочется научиться стрелять из пистолета. Если Иванка согласится, будем вместе ходить в лес. Дядя Никола говорит, что у коммунистов есть припрятанное оружие. Иванка, наверное, берет пистолет у отца. Хочется мне и стрелять научиться, и сборщику налогов заодно помочь. Отец сказал, что если он не даст нам денег, то ты не закончишь гимназию, а я не смогу поступить туда нынче осенью.

Пишу тебе все это потому, что здесь мне не с кем погово-рить по душам. А еще потому, что дядя Никола заставил поклясться и, самое важное, — пригрозил: никому ни слова! Жду ответа. Лично мне напиши, чтоб отец не знал.

Твой брат Нино.

...Сборщик налогов сидел в конторе старосты с каким-то листком бумаги в руке.

— У меня руки так и чешутся: схватить бы его за шиворот да так отлупить палкой, чтобы на всю жизнь запомнил! — злобно цедил он. — Сопляк, нашел у кого совета просить!

— Это, Никола, не страшно, — успокаивал сборщика налогов староста и рассеянно листал какой-то журнал. — Ты не держивай письмо, отправь его. Мы перехватим ответ старшего брата. Я даже думаю, что стоит дать пацану какой-нибудь старый пистолет. Только действуй осторожней, чтоб никто ничего не пронюхал.

— В белых перчатках хочешь работать, Крючок, — недовольно проворчал сборщик налогов и аккуратно сложил письмо.

— А ты думаешь, палкой лучших результатов добьешься?

— Добьюсь! По крайней мере, заткну им глотку.

— Глотку-то заткнешь, а вот на их мысли замок не повесишь.

— Пока их головы подумают, мы можем собственные потерять.

— Одно время и я был такой приткий. Но потом понял: власть на дубине долго не держится. Вместо того чтобы усмирять недовольных и смутьянов, мы иногда сами их подталкиваем, превращаем в фанатиков, в заклятых врагов.

— Да ежели с ними церемониться, то не коммунисты, а мы сами скоро окажемся за решеткой.

— Запомни, Никола! На каждого брошенного в тюрьму, расстрелянного или повешенного мы получаем, по крайней мере, десять новых заклятых врагов.

— Что же нам делать?

— Да я же тебе битый час о том толкую! Будем и под суд отдавать, и без суда ликвидировать самых опасных. Но без лишнего шума. Надо действовать тихо, с умом! Найди верных людей, которые смогут втереться в доверие к коммунистам и сообщать нам, что они там делают. А если удастся, еще и сбивать их с пути, это будет совсем хорошо...

Письмо второе

Милый братец!

Почему ты не отзываешься? Не стряслось ли чего с тобой? Mamka беспокоится, что ты не пишешь. Да и мне обидно, что не ответил на письмо.

У нас все по-старому, Иванка отказывается ходить в лес и учиться стрелять. Да и холодно уже, не сунешься в лес. Но дядя Никола обещал дать мне пистолет. А мне так хочется иметь оружие! Может, он сдержит свое слово.

Жду ответа. Напиши мне обо всем.

Твой брат Нино.

...Сборщик налогов Никола и староста Крючок сидели за отдельным столом в корчме. Никола отпивал из стопки по маленькому глотку и говорил шепотом, чтобы не слышали крестьяне, сидевшие за соседними столиками.

— Пацан, сын Атанаса, написал брату уже второе письмо. Жалуется, что не получил ответа. Видно, в Карлово перехватили его письмо или же гимназист не хочет отвечать.

— Наверняка перехватили,— подтвердил староста.

— В таком случае надобно связаться с Карловской полицией и попросить их не задерживать письмо. Пусть старший брат получит его. Кроме того, надо дожидаться его приезда в село. В один из воскресных дней он обязательно объявится.

— А ты мне нравишься, Никола. Начинаешь работать тонко.

— Начинаю, потому что ты на этом настаиваешь. А иначе я бы расправился с этими сопляками, они бы меня на всю жизнь запомнили.

НА ПОСТУ

Смеркалось. Из центра села доносился грохот барабана. Играли свадьбу, и на площади крестьяне плясали хоро¹.

Тодор Пашкулов вышел из сарая, подошел к крыльцу и крикнул:

— Дочка, ты готова?

— Готова, отец.

Иванка сидела за столом над раскрытым учебником. Она убрала книгу и вышла во двор.

— Ну, действуй! — сказал отец и скрылся в сарае.

Девочка позвала Шаро и вышла с ним на улицу. Она прогуливалась вдоль каменной ограды, играла с собакой.

Неожиданно Шаро вскинул голову и зарычал. На улице показался человек.

¹ Хоро — болгарский народный танец.

Иванка погладила по голове своего неразлучного друга:
— Тихо, Шаро!

И пошла навстречу прохожему. Девочка узнала его, но не остановилась. Проходя мимо, тихо бросила:

— Все спокойно, дядя Евтим.

Человек продолжал свой путь как ни в чем не бывало. Не оглядываясь, он вошел в дом Тодора Пашкулова.

Через полчаса появился еще один прохожий, потом — сразу двое.

Сельские дворы поутихли. Теперь музыка слышалась еще отчетливее. Со стороны корчмы доносились пьяные голоса, тянувшие какую-то песню. Иванка продолжала расхаживать по пустынной улице.

Соседи, возвращавшиеся домой, удивленно спрашивали:

— Иванка, ты что так поздно гуляешь?

— Да вот ходила к дяде за липовым цветом. Мама расхворалась, — отвечала девочка таким жалобным голосом, что ей больше уже не задавали вопросов.

Для односельчан Иванка была обычным ребенком, разве что более послушным да более смекалистым, чем другие дети.

Иванка тоже считала, что задания, которые ей поручали, могла бы выполнять почти каждая из ее подружек.

Сейчас ей казалось, что она стоит на посту, как часовой в Карлово, который охраняет штаб полка. А в их доме заседает штаб.

Старый коммунист дед Рангел так и сказал об участниках совещания — штаб революции. Коммунисты — и те, что заседают с отцом, и те, что остались дома, — солдаты. Они не носят военную форму, не маршируют, но все равно они — солдаты, всегда готовые выполнить приказ своего штаба.

В конце улицы показался полицейский. Иванка узнала его по фуражке. Девочка подошла к воротам дома и стала насвистывать нехитрую детскую песенку.

Хлопнула дверь. Девочка услышала осторожные шаги. Наверное, это отец. Он сейчас сжимает в кармане большой пистолет, который называет «черногорцем», затаил дыхание, прислушивается: какая опасность грозит им? Потому что насвистывание — это сигнал опасности.

А вдруг полицейский сейчас направится к дому и столкнется с отцом? Как его отвлечь? Если он решит войти в дом, отцу придется стрелять... А что потом?

Полицейский подошел к воротам. Остановился, широко расставил ноги и уперся руками в бока.

- Ты что так поздно на улице, девочка?
- Отец заболел, я ходила за липовым цветом.
- С чего это он вдруг захворал? Я ж его видел днем.
- Кто ж его знает?! В последнее время он часто болеет.

Да и маме нездоровится...

Полицейский пробормотал что-то себе под нос и пошел прочь — все так же неторопливо, уверенным шагом.

Иванка притаилась у калитки и следила, куда он пойдет. Вскоре он скрылся в темноте. Девочка услышала шепот:

— Ушел?

— Да.

— Молодец, дочка! Лучше действовать хитростью. «Черногорец» — крайняя мера...

Стало совсем темно. Огни в окнах домов гасли один за другим. В нижнем конце села прокукарекал петух.

Иванка зашла во двор и села возле ворот, у каменной ограды, сжалась в комочек, подозвала Шаро и велела лечь рядом, чтобы он согревал ей ноги.

Глаза у нее слипались, голова то и дело падала на грудь, тело расслабилось, и, несмотря на холод, по нему разлилось тепло. Ей казалось, что она погружается в прогретую воду реки. Иванка поплыла по этой теплой реке. Нет, не по реке, а по высокой траве незнакомого луга, где-то на краю света.

Вокруг тихо и безлюдно. Она собирает ромашки. Потом ложится на спину. Хорошо лежать в мягкой траве, смотреть на пушистые белые облака, слушать приглушенный шум реки. Но вот какие-то непонятные удары нарушают тишину. Они все громче и ближе. Трещат и падают сломанные ветви, срываясь со скал, катятся каменные глыбы...

Словно грозовая туча, в небе появляется огромный змей.

Змей приближается. Иванка вскрикивает и... просыпается.

Девочка достает булавку, втыкает ее в воротник острием вверх, прячет руки в карманы пальто. Но вскоре перед глазами снова расстилается незнакомый луг. Голова опять клонится и падает на грудь. Девочка резко вскидывает голову. Булавка впилась в подбородок, и сон словно рукой сняло...

БЛАГОДАРНОСТЬ ПАРТИЗАН

В доме Пашкуловых было тихо и темно. Плотное одеяло закрывало окно. Уже за полночь во двор вышел отец и позвал Иванку в дом.

В комнате было душно и накурено. На кровати и за столом сидели мужчины. Иванка знала всех, кроме представителя партизанского штаба. Теперь она внимательно оглядела высокого худощавого незнакомца, стараясь понять, чем он отличается от остальных. Одет он был по-городскому, оружия при нем она не заметила. Девочка представляла себе партизан увешанными гранатами, пистолетами и автоматами. А по внешнему виду этого человека невозможно определить, чем он занимается. Если бы Иванка встретила его в Пловдиве, то не обратила бы внимания. Вот только улыбка у него была какая-то особенная. Улыбнется, и ты невольно улыбаешься.

— Подойди поближе,— сказал он Иванке.— Дай руку.

Он взял ее руку, задержал в своей и сказал:

— Товарищи из штаба поручили передать тебе привет и поблагодарить за помощь. Помогая отцу, ты помогаешь нам. Говорят, ты хорошо декламируешь стихи?

— Хотите, я вам что-нибудь прочитаю? — оживилась Иванка.

— Хотим, да сейчас не время... Куда думаешь поступать после окончания сельской школы?

— В карловскую гимназию.

— А потом?

— Потом? Не знаю... Хотелось бы стать балериной, играть на сцене...

— А ты видела балет?

— Учитель физкультуры часто рассказывает нам о софийском балете. У нас в школе есть балетная труппа, и мы каждую неделю репетируем, разучиваем новые танцы. Я уже выступала — сначала вместе со всеми, а потом и одна.

— А о чем еще ты мечтаешь?

— Может, стану учительницей. Или инженером.

— В театре ни разу не была, артистов в глаза не видала, мечтаешь стать учительницей, а твой талант в другом,— задумчиво произнес представитель партизанского штаба.— Когда закончишь гимназию, если будем живы-здоровы, отправим тебя учиться в далекую страну...

Глаза девочки загорелись восторгом. А гость добавил:

— Но об этом мы будем думать позже. А пока помогай отцу, будь сообразительной и осторожной.

ОТЦОВСКИЕ РАДОСТИ И ТРЕВОГИ

Члены районного комитета партии разошлись перед рассветом. Отец Иванки и представитель партизанского штаба остались в комнате одни. Хозяин принес хлеб, брынзу и сало. Гость жевал медленно, будто через силу.

— Похудел ты, Тодор,— заметил он.

— Да мало ли забот и тревог,— ответил плотник и подумал, что всего несколько лет назад он жил совсем иной жизнью. Куда легче! Но сейчас он стыдился этой легкости.

Тогда он занимался своим плотницким делом и не интересовался политикой, на все смотрел беззаботно и весело. Как и другие парни в их селе, он нередко ввязывался в потасовки. В одной из таких драк он ранил ножом своего сверстника и оказался в пловдивской тюрьме. Там Тодор подружился с политическими заключенными. Они-то и открыли ему глаза...

...Коммунисты окрестных сел избрали его секретарем районного комитета партии. Тодор Пашкулов теперь уже иначе смотрел на жизнь. Но вместе с новой радостью пришли новые заботы и тревоги.

— Как чувствует себя Илина? — спросил гость.

— Сам видел — неважно. Болеет часто.

— Зато дочка тебе помогает.

— Если бы не она, не знаю, что бы и делал...

— Слушай, а ты не боишься, что она может нечаянно поговориться и подвести нас?!

— Я своей дочери верю.

— Может, как раз то, что ты ей доверяешь, и дает ей силы заниматься такими не по возрасту серьезными делами?

— Ты прав. Но есть тут и другое. Она читает все, что проходит через мои руки,— книги, листовки, газеты.

Они помолчали. Слышно было, как гость с трудом глотал сухую пищу. Потом он задумчиво сказал:

— Интересный ты человек, Тодор. Имеешь единственную дочку, а подвергаешь ее такому риску... Нет, я не упрекаю. Просто хочу понять...

— Многие в селе смотрят на Иванку как на малое дитя. Им и в голову не приходит, чем она занимается. Иванка умеет скрывать свои намерения. И все же я всегда как на иголках. Пошлю куда-нибудь, а сам ни минуты покоя не знаю, прислушиваюсь... Стану за верстак, а ни голова, ни руки не слушаются. Успокаиваюсь только тогда, когда увижу ее во дворе. А она приходит довольная, что выполнила мое задание. По моим

глазам догадывается, что и я доволен, горжусь ею. Мы оба улыбаемся, а в груди у меня холодок, будто ледышка там засела. Сколько раз решал давать ей поменьше заданий. Но дело-то делать надо. И опять начинаю учить ее, советовать, ведь сделай она один неверный шаг, и конец... А тогда, браток, не знаю, как мы с Илиной и жить будем.

СТАРШОЙ И МЕНЬШОЙ

Старшой и Меньшой. Так Атанас Ишейка называл своих сыновей. Он редко обращался к ним по именам.

Меньшой так и не получил от Старшого ответа. Он часто встречал почтальона на улице, ходил и на почту. Но мальчишке всегда отвечали одно и то же:

— Тебе ничего нет.

Субботние вечера Нино проводил на сельской площади, подбегал к каждой подъехавшей телеге, но брата все не было. Из Карлово приезжали его товарищи, гимназисты, но никто ничем не мог порадовать Нино. Что творится с его старшим братом? Видно, дела у него идут неважно. Ходит, как в воду опущенный, не встречается со своими прежними друзьями. По вечерам, когда все уходит на танцы, он один сидит дома. Его вызывали в полицейский участок, но о чем там спрашивали, что он отвечал, никто не знает.

Эти вести встревожили Нино, но ему не с кем было поделиться, посоветоваться. Об этом нельзя было говорить ни с мамой, ни с приятелями. А с отцом тем более.

Тревожное предчувствие, что с братом случилось что-то неладное, не давало Нино покоя. Однажды вечером он набрался смелости и, как бы между прочим, спросил у отца:

— Скоро приедет брат?

— Откуда я знаю,— небрежно ответил Атанас и, обращаясь к матери, добавил: — Заварил он такую кашу, что не знаю, как и расхлебывать.

Нино больше не отважился расспрашивать, чтобы не злить отца, а то, чего доброго, еще схватишь оплеуху.

Вечерело. Сумерки сгущались. Нино играл на улице с мальчишками, когда неожиданно в вечернем мраке он заметил сгорбленную фигуру, направлявшуюся к их дому. Какой-то парень в рваной гимназической шинели, с сумкой за плечами подходил к их двору.

Он, старший брат! Но чего он так сгорбился? Почему

шагает так устало? Нино бросился к брату и крикнул:

— Братан! С приездом!

Гимназист остановился. Меньшой подбежал, обнял Старшего, радостно засуетился:

— Ну, наконец-то! Приехал?!

— Приехал.

— А почему ни разу не написал?

— Не было времени...

— Как?.. Не нашлось и минуты на письмо?..

— Да, не нашлось... Очень тяжелые задания. Экзамены на носу...

Старшой говорил неохотно и явно что-то скрывал. Меньшой почувствовал в его голосе раздражение и умолк. Попросил только брата поскорее поужинать и потом вместе пойти на площадь, погулять. Нино очень хотелось, чтобы ребята увидели: его брат вернулся домой. В селе поговаривали, будто старший сын Атанаса уже не вернется в село. Но гимназист никуда не захотел идти.

Мать встретила старшего сына причитаниями, словно раненого солдата с фронта. Отец не дождался, пока он поужинает, выгнал Меньшого из комнаты и начал за что-то бранить Старшого.

Происходило что-то странное, но что именно — Нино не мог понять. Он подошел к окну, прислонился к стене. До него доносились лишь обрывки фраз, из которых он понял, что брата чуть не исключили из гимназии, что сборщик налогов Никола ездил в Карлово и заступился за него. Теперь все зависело от самого брата. Он должен сдержать слово, которое дал сборщику налогов. Но что это за слово, Нино так и не понял.

Отец не кричал, как обычно. Сдерживая гнев, он лишь угрожающе шипел: пусть гимназист знает, если случится худшее, он просто выгонит его из дома и публично откажется от него.

Нино стало жалко брата, которому не дали даже поест спокойно. Он вошел в комнату.

— Ты чего пришел? Кто тебя звал? — набросился на него отец.

— Я замерз.

— Ты тоже мотай себе на ус! Не будешь вести себя как следует, пойдешь по дорожке Старшого — шкуру спущу! — пригрозил отец.

Вечером Меньшой и Старшой легли спать вместе. Нино спросил, что у него за скандал вышел с отцом.

— Помолчи хоть ты! Надоел со своими вопросами,— рассердился брат.— Оставь в покое и Иванку, и сборщика налогов. Знай свое дело — учись как следует!

— Как это оставь в покое?! Я нужен дяде Николе. Да если я не стану ничего делать, он сам не оставит меня в покое. Через день допытывается, о чем говорит Иванка в школе.

— Ты что, слов не понимаешь? Ни с кем никаких дел! И никаких писем больше не пиши. Никаких! Понял?!

— Но дядя Никола обещал...

— Да выкинь ты из головы этот дурацкий пистолет. А не то я тебя так отлуплю, что собственное имя забудешь...

Нино помолчал, потом тихо пробормотал:

— И ты начал угрожать, как отец...

Он ни о чем больше не стал расспрашивать. Видно, не пришло время для такого разговора. Непонятно, отчего брат такой злой. Ладно. К сборщику налогов он может и не ходить. Не очень-то честно передавать посторонним, о чем говоришь с друзьями. Но дядя Никола обещал, что ничего плохого Иванке не сделает. Расспрашивал только так, чтобы знать, о чем говорят в селе, не готовится ли бунт против властей.

Старшой повернулся к брату спиной, положив руку поверх одеяла. Нино услышал, как он тяжело вздохнул. И, сам того не ожидая, погладил руку старшего брата. Гимназист обнял его и дрогнувшим голосом сказал:

— Давай спать. И запомни, что я тебе сказал. Учись и — ничего больше! Никакой политики! Ни опасной дружбы, ни доносов. Только учись!

Нино ничего не ответил. Лишь теснее прижался к брату.

ВЫСТРЕЛ В СЕКРЕТАРЯ РАЙКОМА

Это произошло в феврале 1943 года. В сельскую библиотеку неожиданно вошли сборщик налогов Никола, полицейский Атанас Ищейка и жандарм из города. Никола стукнул толстой тростью по гнилым доскам пола:

— Ишь ты, гляди, где коммунисты свили гнездо,— пробормотал он и громко крикнул: — Всем выйти вон!

Парни и пожилые крестьяне, читавшие за столами книги и газеты, подняли головы. Но никто не сдвинулся с места.

— Вы что, оглохли? Не слышали, что я приказал?! Ваша читальня будет опечатана. Вы превратили ее в коммунистическое гнездо!

Из-за стола поднялся Тодор Пашкулов и спокойно спросил:
— На каком основании вы хотите опечатать избу-читальню? Вам же известно, что работает она по разрешению окружного управления!

— А ты что за адвокат?

— Никакой я не адвокат,— так же спокойно ответил Тодор.— Я член правления библиотеки и хотел бы знать, по какому праву вы ее закрываете.

— Я уже объявил: потому что вы превратили читальню в коммунистический притон.

— Это голые обвинения!

— А книги, что вы тут читаете, пьесы, что ставите,— это не доказательство?!

— Эти книги свободно продаются в любом книжном магазине. Пьесы, которые мы ставим на вечерах,— из тех же книг.

— Меня не интересует, где вы их покупаете. Но я не позволю вам заниматься коммунистической деятельностью. Выходите все. Освободите помещение!

— Вы не имеете права гнать нас отсюда,— твердо заявил Тодор.

Но тут вмешались жандарм из города и полицейский Атанас Ищейка. Они вытолкали на улицу Тодора и остальных крестьян. Тодор успел сказать потихоньку нескольким парням:

— Расходитесь по домам, я вам после объясню, что делать.

Книжные шкафы опечатали. На входную дверь сборщик налогов и полицейский повесили огромный замок...

Холод разогнал людей по домам.

Ушел в контору общины и сборщик налогов с полицейским.

Ночью Никола и Атанас обходили село. Они шагали, засунув руки в карманы полушубков. Под ногами поскрипывал снег. Шли они молча. Проходя мимо дома Пашкуловых, прислушались. Неожиданно Атанас разглядел впереди, в сумерках, хрупкую фигурку и процедил сквозь зубы:

— Кто-то идет.

Оба остановились. Человек, которого они заметили, тоже остановился. Видимо, и он их заметил. Постоял минутку и вдруг свернул в переулочек.

Никола и Атанас бросились следом. Но человек неожиданно вынырнул из переулочка и торопливо зашагал им навстречу. Это была Иванка. Она шла быстро, как будто торопясь домой.

— Ну-ка, стой! — рявкнул сборщик налогов и схватил девочку за ворот.— Куда ходила?

— К Стане, задачи решали...

— Врешь! Где ты была? — прорычал сборщик налогов.
— Можете проверить и убедиться.
— А чего побежала, когда нас увидела?
— Испугалась и хотела пройти другой дорогой.
— Чего испугалась?
— Не узнала вас. Вижу — двое мужчин, думаю, может, бандиты...

— Гм, бандиты... Иди домой, да в другой раз не ходи так поздно.

Оба пошли дальше. Остановились у поворота в переулок, откуда только что вышла Иванка. Атанас осветил карманным фонарем свежий след в снегу, ограду, но ничего подозрительного не заметил. И они свернули к зданию общины.

Иванка выждала за оградой, пока они ушли, и, крадучись, вернулась в переулок. Перелезла через ограду в сад и подняла торбу с книгами, которую бросила туда, когда увидела сборщика налогов Николу и полицейского Атанаса. Сгорбленную фигурку Ищейки она узнала еще издали и решила избавиться от торбы, чтобы у нее не нашли книги.

То, что друзья Тодора Пашкулова почти без сопротивления покинули избу-читальню, показалось сельским заправилам подозрительным. Нет, неспроста эта покорность! Теперь жди от них какого-нибудь подвоха, решили они. И не ошиблись.

На другой день Никола и Атанас отправились осматривать избу-читальню. Печать на сургуче была не тронута, но полки в шкафу опустели чуть ли не наполовину! Ночью кто-то унес книги.

Сборщик налогов ругался, кричал, угрожал.

Вызвали старосту. Позвонили в околийское полицейское управление. И в конце концов пришли к выводу: кто-то ночью влез в окно, вынул стекла из шкафа и взял нужные ему книги. А кто это сделал, им было ясно. И они решили вечером арестовать плотника.

Тодор работал дома. Он был один. Жена ушла к соседям, Иванка еще не вернулась из школы. Он мастерил под навесом у верстака какой-то шкафчик. Во двор вошли староста, сборщик налогов Никола и полицейский Атанас Ищейка.

— Ты арестован! — коротко отрубил сельский староста. — Пошли!

Тодор отложил в сторону рубанок и долго вытирал руки о штаны. Похоже, что-то обдумывал. Потом спокойно спросил:

— На каком основании вы меня арестовываете?

— А тебе разве не ясно?

— Вы обязаны сказать.

— Не прикидывайся простачком, шагай!..

Пока шел этот разговор, сборщик налогов обыскивал дом. Вскоре он с перекошенным от злобы лицом заорал:

— Где книги? Куда ты их спрятал?

— Какие книги?! — недоуменно спросил плотник.

Его спокойствие еще больше взбесило Николу. Он замахнулся толстой тростью и хотел было ударить Тодора, но староста схватил его за руку:

— Не устраивай базар! Есть место, где во всем разберутся...

Сборщик налогов грязно выругался и злобно процедил:

— Ну, погоди, красная шваль, я еще с тобой расквитаюсь.

Плотника повели в общину. По разговору Тодор понял, что и другие уже арестованы. Наверное, их всех отправят в околийское полицейское управление. Среди арестованных найдутся и слабые духом, не выдержат истязаний, заговорят, и начнутся новые аресты. Партийная организация будет обезглавлена. Партизаны их края останутся без помощников.

Да, нужно бежать. Но как? Если его замысел разгадают, то он получит пулю в затылок. Но, может, все же удастся бежать? А не удастся — конец. Наверняка убьют.

Полицейский открыл общинный подвал. Хотел было уже толкнуть туда арестованного. Но плотник вдруг круто повернулся и бросился к ближайшему переулку.

Староста и сборщик налогов онемели от неожиданности. Атанас Ищейка выхватил из кобуры пистолет и, не целясь, наугад выстрелил в беглеца.

Тодор упал. Староста, сборщик налогов и полицейский обрадовались: теперь-то уж Тодор не уйдет! И бросились к нему. Но в этот момент плотник снова поднялся на ноги и побежал в переулок. Его преследователи, стреляя на ходу, устремились за ним.

ГДЕ ОТЕЦ?

Шел последний урок. Иванка, как самая рослая, сидела на последней парте, у окна. В последнее время она тщательно учила уроки. Понимала она все, но многое не запоминалось. Все чаще и чаще девочка ловила себя на том, что мысли ее далеки от классной комнаты, от уроков. Девочка думала о товарищах отца, о партизанском отряде, о том, что скоро придется уходить в горы.

Эти мысли отвлекали Иванку от уроков, и она старалась прогнать их. Но вскоре снова замечала, что не слушает учителя.

Задумалась она и на этом последнем уроке. Внезапно прогремели пистолетные выстрелы. Иванка вздрогнула и прислушалась. Послышались новые выстрелы и неясные крики. Она выглянула в окно. На улице никого не было. Выстрелы доносились с площади, где находилось здание общины. Ей мучительно хотелось узнать, что случилось. Но она побоялась попроситься выйти из класса: это вызовет подозрения.

Иванка попыталась сосредоточиться, внимательно слушать учителя географии, но это ей не удавалось. Девочка сидела как на иголках. И как только прозвенел звонок, она собрала книги, чтобы сразу выскочить из класса. Но учитель, как назло, продолжал рассказывать и, похоже, не собирался кончать урок. Наконец он сунул под мышку классный журнал и направился в учительскую. За ним первой выскочила Иванка.

Она не стала, как обычно, ждать подружек и заторопилась домой одна. Временами бежала, прислушиваясь. На улицах прохожие встречались редко. В эти вечерние часы крестьяне предпочитали сидеть дома. Девочка вглядывалась в лица запоздалых путников, но ничего особенного не замечала.

На углу одной из улиц, уже недалеко от своего дома, Иванка увидела сборщика налогов Николу и перешла на шаг. Мимо него прошла спокойно, поздоровалась кивком головы. Он не ответил на приветствие и проводил ее враждебным взглядом. Иванка снова побежала. На другом углу она встретила Атанаса Ищейку с незнакомым жандармом. Снова перешла на шаг и прошла мимо, не здороваясь.

— Змееныш! — донесся до ее слуха голос Атанаса.

Перед своим домом Иванка увидела старосту Крючка. Он прохаживался с жандармом, которого она тоже видела впервые.

— Стой! — окликнул ее староста. — Куда ушел твой отец? «Ушел? — с удивлением подумала девочка. — Он или не приходил, или его преследуют...»

Иванка пожала плечами — в таких случаях лучше ничего не говорить.

— Скажи, куда ушел твой отец?

Староста говорил негромко, его голос напоминал приглашение учителя: «Ну-ка, Иванка, расскажи нам домашнее задание».

Девочка посмотрела Крючку в лицо. Оно выглядело добродушным, но в глазах была враждебность.

— Ну, говори же!

Голос его звучал елейно. Этот человек притворялся добряком. Но это означало, что с ним нужно держать ухо востро, быть куда осторожней и осмотрительней, чем с кем-либо другим.

— Чему ты улыбаешься? Радуюсь собственному несчастью? Ты же останешься без отца!

«Радуюсь, что у меня такой отец!» — подумала Иванка, но тут же упрекнула себя, что не смогла скрыть от этих людей своих чувств.

— Я только что из школы, — уклончиво ответила девочка.

— Ладно, иди домой.

Иванка вошла в дом. Мать сидела у погасшей печки и плакала. Как только Иванка вошла в комнату, она встала, обняла дочь, прижала к себе и запричитала:

— Отца... Твоего отца ищут эти кровопийцы. Они стреляли в него, ранили... Но отец сумел скрыться. Вот они и бесятся.

«Если меня арестуют, попытаюсь бежать, — вспомнила Иванка слова отца. — Но ты не смей убегать без разрешения. Даже если пригрозят арестом — не убегай! Если ты на допросах ничего не скажешь, они вынуждены будут тебя освободить».

Раз отец считает, что она не должна уходить из села, значит, так и будет, она останется дома. Хотя это и тяжело. Ведь впереди ее ждут, скорее всего, еще более тяжелые испытания. К кому теперь идти за советом, за помощью?..

Иванка сидела на кровати расстроенная и растерянная, она никак не могла прийти в себя. Девочка чувствовала себя одинокой и покинутой. Над ней нависла беда... Стоит выйти за порог, как беда обрушится на нее...

Но несмотря на эти предчувствия, Иванке не сиделось на месте. Надо выяснить, где отец... Вряд ли он мог так быстро вернуться из Старо-Железаре. Скорее всего, он прячется в селе. Но где? Как его найти, как помочь?

Мать плакала, проклиная и полицейских и мужа, который, губит и себя и дочь.

Иванке было тяжело слушать рыдания и причитания матери. Она направилась было к двери, но мать остановила ее:

— Ты куда? Сиди дома, я сама пойду искать отца!

— Никуда я не уйду. Просто хочу выйти во двор.

Из-за выпавшего недавно снега ночь казалась светлой. По-

чуяв близко человека, в конюшне заржал конь. Иванка пошла к нему. Конь шумно всхрапнул и радостно забил копытом. Ясли у него были уже пустые, и он звал хозяина. В другом конце помещения буйволица лениво пережевывала жвачку. Возле буйволицы лежала коза. Она вскочила, подошла к девочке, ткнулась мордой ей в руки, обнюхала их. Иванка ласково потрепала Белицу по шее.

В дверях конюшни показался Шаро и завилял хвостом. Иванка подошла к собаке со смутной надеждой: может, она знает, где ее хозяин? И девочка ласково сказала:

— Ну, Шаро, отведи меня к отцу.

Шаро вильнул хвостом и потерялся об ее ноги.

Иванка вздохнула и легонько отстранила собаку. Приоткрыв калитку, девочка осторожно выглянула на улицу. Нигде ни живой души. Не слышно ни людских голосов, ни шума. Может, дед Рангел или дядя Данчо знают, где отец? Сейчас отец, наверное, ждет от нее помощи, ведь она не раз помогала ему в трудные минуты. Может, он тяжело ранен и ему еле хватило сил забраться в какой-нибудь сарай, зарыться в сено... Теперь он лежит один...

На кухне мать продолжала всхлипывать и причитать. Время от времени она звала:

— Иванка! Иванка, доченька!

Но Иванка не отзывалась. Да разве в такой момент можно сидеть сложа руки! Надо действовать!

«ВЕДИ МЕНЯ К ОTCY!»

Девочка проскользнула мимо соседского двора. Она решила добраться глухими улочками до дома их родственника — дяди Ангела. Однако не успела она пройти и двухсот шагов, как услышала за спиной скрип снега под тяжелыми шагами. Она пошла быстрее. Скрип стал громче и ближе. Иванка украдкой оглянулась и похолодела: Атанас Ищейка, сельский полицей! Тот самый, что стрелял в ее отца! Этот легавый без колебания пустит пулю и ей в затылок. Разве это человек?! Настоящий зверь. Права мама, когда предупреждала: «Будь поосторожней с Нино. Яблочко от яблоньки недалеко падает!..»

Иванке захотелось побежать и шмыгнуть в какой-нибудь двор. Девочка вся напряглась, набрала полную грудь воздуха, — но не побежала... Если броситься наутек, то выдаст себя,

навредит и себе, и отцу, и тем многим хорошим людям из окрестных сел, с которыми отец связан.

Ищейка был от нее уже шагах в тридцати. Девочка лихорадочно думала, что же ему ответить, если он ее остановит. От испуга она дрожала всем телом. Ей казалось, что сейчас случится что-нибудь страшное. Полицай, наверное, отведет ее в общину, и там ее будут пытать и мучить. И об отце она так ничего и не узнает.

Шаги полицейского становились все громче.

Ищейка догнал Иванку и преградил ей дорогу. Он впился в девочку глазами и злобно прошипел в лицо:

— Ну, води меня к отцу!

От полиция несло винным перегаром и табаком. Иванка отшатнулась.

— Куда? — пролепетала она испуганно.

— Сама знаешь! Ты ведь к нему идешь?!

— А-а... Откуда мне знать, где он? Я была в школе.. Я иду...

И вдруг она запнулась. Но через мгновение нашлась с ответом:

— Я иду к вам... Хочу узнать у Нино, что нам задали по алгебре...

Атанас Ищейка схватил девочку за отвороты пальто и, приподняв ее, яростно захрипел:

— Слушай, ты, я размозжу тебе голову! Води меня к отцу! — и отшвырнул от себя.

Она еле удержалась на ногах. Потом вывернулась из рук Атанаса, поправила воротник пальто и уверенно зашагала по улице, словно к кому-то спеша.

Атанас Ищейка жил недалеко. Иванка смело открыла калитку, вошла во двор, не позвав хозяев, не боясь собаки. Нужно было показать, что она шла именно сюда. Она уже не слышала за спиной тяжелых шагов полицейского. Видимо, Ищейка остался на улице. Это немного успокоило девочку, и она остановилась. Следовало обдумать каждое слово предстоящего разговора с сыном полиция.

И ей действительно удалось взять себя в руки и казаться озабоченной только школьными делами: забыла, что задали по алгебре. Они разговаривали с Нино в сенях.

Мать мальчишки пригласила Иванку в комнату. Но девочка ответила, что у нее нет времени, она торопится домой.

Нино с готовностью и даже заискивающе, чего раньше Иванка за ним не замечала, все ей объяснил, показал свою

тетрадь. Он не стал расспрашивать ее об отце, ни словом не обмолвился и о своем желании обучаться стрельбе из пистолета. Предложил проводить до дома — ведь уже поздно.

Он явно чувствовал себя виноватым. Но в чем? В том, что его отец стрелял в ее отца? Если это так, то не такой уж он плохой человек, есть, значит, у него совесть...

Она выбежала на улицу, делая вид, что торопится домой. Осмотрелась. На улице никого не было. Едва ли Ищейка ушел. Скорее всего, где-нибудь прячется. Идти сейчас к дяде Ангелу или к кому бы то ни было другому — опасно. Можно привести за собой и эту полицейскую ищейку Атанаса. Лучше вернуться домой.

Она шла и прислушивалась. Никаких шагов. Но вскоре до ее слуха донесся осторожный скрип снега. Девочка украдкой оглянулась: позади маячила мужская фигура. В сумраке она не смогла разглядеть человека, узнать его. У калитки своего дома снова тайком оглянулась: так и есть — Атанас Ищейка!

«Ну, что? Съел?! — радостно подумала девочка. — Пусть видит, что я вернулась домой».

Мать встретила ее упреками и даже пригрозила отшлепать. Мало ей забот с отцом, так и дочка туда же... «И что ты все перечишь?! — рассердилась она, когда Иванка стала оправдываться. — Молчи и не смей никуда уходить». Иванка замолчала. Но не могла усидеть в комнате и вышла во двор.

«НИЧЕГО НЕ ЗНАЮ!»

Она прошла по двору, зябко передернула плечами, засунула руки в карманы старенького пальто. Холод загнал людей в дома: не слышно было ни шума, ни говора.

Вдруг резко скрипнула калитка, во дворе послышался топот тяжелых сапог.

В дверь громко забарабанили. Так могли стучать только полицейские. Видно, пришли за матерью. Иванка бросилась к крыльцу. Так и есть!

Сборщик налогов и двое жандармов выводили из дома тетю Илину. Один из жандармов схватил Иванку за плечи и толкнул к матери.

— И ты пойдешь с нами!

Иванка взяла мать под руку, чтобы поддерживать ее в темноте.

Жандармы отвели их в кабинет старосты. Тесно прижав-

шись друг к другу, они стояли посреди большой комнаты. Перед ними прохаживался, подбоченясь, дюжий жандарм с массивной нижней челюстью.

— Говорите, где прячется Тодор, иначе вам несдобровать! Мать и дочь молчали.

— Не хотите говорить?! Ладно. Тогда мы поговорим с вами иначе!

Их втолкнули в арестантскую. Тусклая лампочка едва освещала каменный подвал с густой паутиной в углах. У одной из стен были сложены дрова. Жандарм, тот, что пониже ростом, остался у входа, а другой — порылся в поленице, выбрал палку подлиннее, долго разглядывал ее, как бы при-
меряясь.

Мать порывисто обняла дочку, прижала к себе.

— Ну, будете говорить?

Жандарм перекидывал палку из руки в руку.

— Что говорить, если мы ничего не знаем?! — всхлипывая, ответила тетя Илина. — Вы же были в доме, все обыскали и сами убедились, что дома его нет.

— Не знаешь, значит, а? Говори, где твой муж?

Жандарм замахнулся палкой. Иванка рванулась вперед, заслонила собой мать и крикнула:

— Мы ничего не знаем! Понимаешь — не знаем!

Жандарм отбросил палку в сторону, уперся кулаками в бо-
ка и, склонившись над девочкой, впился в нее злыми глазами.

— Ага, звереныш зубы показал! Ну, значит, ты мне и ска-
жешь, где твой отец!

Он ухватил девочку за косы и, словно на веревке, потащил за собой. Потом начал бить, таскать за косы по полу, пинать сапогами.

Мать с криком бросилась к дочери, но второй жандарм крепко схватил ее за руки:

— А ты пока погоди! Смотри, смотри на дочку. Потом и тобой займемся...

Иванка слышала рыдания матери, но ничего уже не ви-
дела...

Когда девочка очнулась, вокруг стояла мертвая тишина. Где-то далеко прокричал петух. Под потолком каменного под-
вала она разглядела густо засиженную мухами электрическую
лампочку. Земляной пол леденил ей спину, а все тело пылало.

— Пи-и-и-ть! — едва слышно, с усилием прошептала де-
вочка распухшими губами.

Знакомая рука приподняла ее голову. Иванка разглядела

склонившееся над ней родное лицо — все в синяках и кровоподтеках. И слышала материнский голос:

— Ожила! Доченька, кровинушка моя, ожила!

— Мама!

— Ожила, ожила, моя девочка! — сквозь рыдания шептала тетя Илина, смахивая слезы.

Распухшие от побоев пальцы нежно касались лица дочери, поправляли ее изорванное платье, старались прикрыть голые ноги.

— Воды-ы, пи-и-ить!

И снова тяжелое забытие унесло ее во тьму...

Нескоро Иванка пришла в себя. И опять увидела над собой измученное, встревоженное лицо матери. Почувствовала нежную ласку материнских ладоней. Эта ласка заглушала боль, делала ее не такой острой и пронзительной, жажду — не столь мучительной. Да и мрачный сырой каменный подвал, и все, что еще предстояло в нем пережить, казалось не таким уж страшным.

Тетя Илина помогла Иванке встать на ноги. Опираясь о стену, девочка, будто слепая, сделала несколько неуверенных шагов.

Из окошка — дыры размером с небольшую сковородку — в подвал проникал яркий свет и морозный воздух. Эта холодная струя освежила девочку, будто ледяная вода.

Над подвалом, в канцелярии общины, скрипел прогнивший дощатый пол. Каменная лестница содрогалась от тяжелого топота сапог. За узким оконцем по размякшему снегу неслышно шлепали царвули¹, доносился приглушенный говор крестьян. Жизнь в селе шла своим чередом — с будничными заботами, радостями и печальями.

Иванка стояла у оконца и бормотала чуть слышно:

— Как отец сказал, так и получилось... Теперь надо держаться, надо молчать...

— Ты что бормочешь? Никак, бредишь, доченька?! — тревожно спросила мать.

Иванка ничего не ответила. У дома напротив она увидела какого-то мальчишку и стала пристально вглядываться. Мальчишка сгорбился, засунул руки в карманы, видно, крепко продрог. Он прислонился к стене и, не двигаясь, неотрывно смотрел на оконце общинного подвала.

¹ Ц а р в у л и — самодельная крестьянская обувь из сыромятной кожи, похожая на лапти.

— Нино! — тихо ахнула Иванка.

Почему он смотрит на подвал? Отчего такой задумчивый и печальный?

Девочка устала стоять. Ноги у нее подкашивались. И она опустила на голый земляной пол рядом с матерью.

В СЕНЕ ЧТО-ТО ПРОШЕЛЕТЕЛО

Вечером тетю Илину и Иванку отпустили. Взявшись за руки, поддерживая друг друга, они добрались до своего дома.

Мать затопила печку, чтобы вскипятить козьего молока, а Иванка решила выйти во двор и поискать Шаро. Но на пороге столкнулась с двумя тетками, сестрами матери. Женщины заохали и заставили ее вернуться в теплую комнату. Вскоре пришли и другие родственники и соседи. Принесли еду. Насильно заставили Иванку поест, уложили в постель. Укутали девочку в свежие овечьи шкуры, чтобы утихла боль в избитом теле. Только глубокой ночью они разошлись по домам. Иванка сбросила овечьи шкуры, чтобы встать и выйти на улицу. Но теперь уже мать не пустила ее: боялась, что девочка простудится.

— Лежи! Куда это ты собралась среди ночи?

— Никуда я не собралась. Просто хочу подышать свежим воздухом.

Девочка вышла во двор и села на скамейку под абрикосовым деревом. До ее слуха донеслось повизгивание собаки. Она заглянула под навес. Шаро там не оказалось. Зашла в сарай, тихо позвала — и тут его не было. Это озадачило ее. Девочка пересекла двор, подошла к каменной ограде соседнего дома, где жил ее дядя.

Шаро скулил по ту сторону ограды, беспокойно повизгивал, вертясь возле сарая. С чего это он? Обычно он так скулил, когда искал ее отца. И находил по запаху, как и всякая собака отыскивает своего хозяина. Шаро, видать, чувствует хозяина, но не может его обнаружить!

В окнах дядиного дома света не было. На улице — мертвая тишина. Село спало. Неужели отец укрылся поблизости? Но ведь сборщик налогов и жандармы все здесь обшарили — чердаки, овины, сараи, сеновалы. И ничего не нашли.

Девочка проскользнула через калитку во двор дяди и, чуть слышно ступая, направилась к Шаро. Пес заскулил радостно, забегал вокруг сарая и даже стал лапами царапать дверь.

Иванка тихо приоткрыла ее. Темнота испугала девочку, и она кашлянула. Шаро проворно шмыгнул в сарай. Он шумно обнюхивал помещение, не переставая скулить и повизгивать. Иванка кашлянула громче. В сене что-то зашуршало. Девочка в испуге отпрянула. И удивилась, что Шаро не залаял.

Словно прочитав ее мысли, пес негромко тявкнул. Но не угрожающе, а радостно. Иванка услышала знакомый голос:

— Закрой дверь.

Девочка быстро закрыла дверь. И, вытянув руки вперед, в крошечной тьме шагнула к сеновалу. Скоро она коснулась твердых, мозолистых ладоней отца.

— Шаро помог найти меня? — тихо спросил отец.

— Да.

— Мог и подвести меня. Хорошо, что никто не обратил на него внимания.

Иванка рассказала отцу, как их с матерью арестовали и допрашивали в подвале общины. Отец слушал ее, не прерывая. Его теплая ладонь коснулась головы дочери. Он притянул девочку к себе, прижал к груди. По молчанию отца и его прерывистому дыханию Иванка чувствовала, как сильно он взволнован.

— Ладно, дочка, все теперь позади! — наконец произнес он.

— Если меня арестуют снова, я могу и не выдержать... — всхлипывая, сказала Иванка.

— Вот тебе раз! Там выдержала, а тут расплакалась! Вытри слезы и слушай, что я тебе скажу.

Когда девочка успокоилась, отец объяснил:

— Сложи в торбу продукты, а мать пусть соберет одежду...

— А ты... ты сегодня ночью уйдешь к партизанам?

Голос девочки задрожал. Она громко шмыгнула носом и зажала рот рукой, чтобы не разрыдаться. И снова ощутила на голове, потом на плече твердую, мозолистую ладонь отца.

— Я не буду плакать...

— Сегодня не смогу. Жандармы начеку и могут меня легко схватить... Я и завтра еще здесь буду. Ну, иди. И заberi вот эту миску и салфетку.

— А что это за миска?

— В ней была еда.

— К тебе кто-то уже приходил до меня?

— Приходил.

— Кто же?

— Ты ведь у меня сообразительная, сама догадаешься. Узнаешь миску и салфетку?

— У тебя была мама?
— Да.
— Но когда?
— Наверное, когда ты ходила к Нино.
— Почему же она мне не сказала?
— А ты думаешь, что знаешь каждый ее шаг?
— Не доверяете мне, да?
— Мать поступила умно, ты не сердись на нее. Даже когда она бранит тебя за неосторожность или ворчит на меня за то, что подвергаю тебя опасности, она делает это из любви к нам. Представь: ты знала бы, где я укрываюсь, а при допросе не выдержала бы и проговорилась?

— Но я им не сказала ни слова!
— Молодец, дочка! Но ведь я не знал, как ты себя поведешь... Теперь вижу — держалась молодцом, выдержала трудный экзамен на «отлично»! И еще вот что: я дал матери одно поручение, но, пожалуй, лучше за него взяться тебе. Сходи к дяде Ангелу и дяде Рангелу. Передай им, что я скоро ухожу, но буду неподалеку. Если к тебе или к ним придет незнакомый человек и назовет пароль, то полностью доверяйте ему. Он должен сказать: «Куплю розы». Вы ответите: «Розы сейчас не цветут». Он возразит: «Сейчас не цветут, но почки уже набухают, чтобы распуститься весной». Запомнила? Вы должны помочь ему, выполнять его поручения.

Тодор поцеловал дочку в лоб.

— Ну, все. Иди! Мама принесла мне пистолеты, но забыла про смазку. Она под яслями в сарае. Смазку тоже положи в торбу.

Иванка вернулась домой. Отец жив и здоров! И она будет ему помогать. Оказывается, она не обо всем знает, что происходит в их доме. А ей так хочется принимать участие во всех делах! Она считала себя самым нужным отцу человеком, думала, что ей он доверяет больше, чем другим. Но, видно, это не так...

Иванка не поставила миску на полку, а нарочно отдала матери в руки и пристально посмотрела ей в лицо, стараясь прочесть в нем то, чего до сих пор не замечала.

— Эх ты, буйная головушка! — укоризненно покачала головой тетя Илина. — Иной раз так торопишься, что, сама того не желая, можешь накликать беду. И себе навредишь, и всем нам. Ты же обещала никуда не уходить? Вышла подышать свежим воздухом! Чего заглядывала во все углы? Решила, что мать испугалась, не думает об отце? Потому

и пошла искать его сама. Никто, мол, кроме тебя, о нем не позаботится. Да только запомни, непослушная дочь: в твоих жилах течет моя кровь! Так вот, без моего разрешения шагу из дому не смей делать. Ясно?

— Хорошо, мама. Прости меня,— прошептала Иванка.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ ИДЕТ ПО ПЯТАМ

Полицейские и днем и ночью сновали по улицам, стояли на перекрестках, прислушивались к чужим разговорам, выпытывали, вынюхивали, но так и не обнаружили следов, которые привели бы их в убежище раненого секретаря подпольного райкома партии.

Сборщик налогов требовал вызвать войска из Карлово и блокировать все село. Но староста не согласился на это. Попросишь помощи, а там подумают: значит, не могут справиться своими силами. А он вовсе не желает, чтобы начальство считало его таким беспомощным. Он приказал своим людям занять перекрестки, взять под наблюдение все входы и выходы из села. Если не сегодня ночью, то завтра, послезавтра Тодор Пашкулов оставит свое укрытие и окажется у них в руках. Нужно установить слежку за его друзьями: они могут знать, где прячется этот главарь коммунистов!

Так и порешили.

Недалеко от дома Пашкуловых, за плетнем, в засаде укрылся Атанас Ищейка. Он глаз не спускал со двора Тодора.

Минувшей ночью Атанас простудился. Теперь кашель душил его. Чтобы не выдать себя, полицейский то и дело крепко зажимал рот рукой. Отправляясь на свой пост, Ищейка захватил с собой бутылку вина, чтобы не мерзнуть. Но еще в погребке, у бочки, он не выдержал и залпом осушил кружку. Потом налил вторую. Ждал, что согреется, но вместо этого его стало клонить в сон. А заснуть в такой холод на улице — это гибель. К утру превратишься в сосульку. Поэтому он решил не пить больше ни глотка. Однако трудно держать в кармане бутылку и не отхлебнуть ни глоточка. Сушая мука! Большого наказания для него не мог бы придумать и заклятый враг.

И чтобы не терзаться, Атанас Ищейка решил выбросить бутылку. Он достал ее из кармана, повертел в руках и заколебался. Разве можно выбрасывать добро?! Совсем спятил!

Полицейский поднял бутылку, запрокинул голову и с наслаждением стал пить прямо из горлышка. Вскоре он почувствовал, как голова наливается тяжестью, а ноги слабеют и подкашиваются. Эх, поболтать бы с кем-нибудь! А тут сиди, выжидай! Может, опять всю ночь придется коченеть под этим плетнем понапрасну?! Он будет мерзнуть, а Тодор Пашкулов отлеживается себе в тепле. Собачья жизнь! Вот бы, на его счастье, Тодор взял да выбрался из своего укрытия именно сейчас! Столько в душе накопело против этого смутьяна! Выследить бы его! Под дулом пистолета он как миленький пойдет в общину! Здорово было бы, если бы ему, Атанасу, выпало счастье доставить в общину главаря коммунистов со связанными руками и сказать старосте и сборщику налогов: «Вот он, цел-целехонек! Ну, что, плохо я несу службу? То-то же! Хватит упрекать, что зря жалованье получаю».

В первую ночь Тодор не появился. Во вторую тоже. Но не век же ему прятаться в такой холод! Наверное, забрался в какой-нибудь сарай или на сеновал. А может, на чердаке прячется. Разве долго усидишь в таком месте?..

Калитка Пашкуловых легонько скрипнула. На улицу выскользнула дочка Тодора. Атанас так и прилип к плетню. Он чувствовал, что острый сучок впился ему в бедро. От боли полицейский зажмурился, но не шевельнулся.

Наконец-то! Девчонка вышла посмотреть, нет ли поблизости людей. Вон даже с какой-то торбой. Наверняка тащит отцу одежду или еду. Ага, идет куда-то. Смотри, как оглядывается! Боится! Конечно, к отцу идет, а то чего бы ей так озирааться...

Только бы не упустить ее из виду! Надо держаться подальше, чтобы она не заметила слежки. Что это — снег скользкий или ноги подкашиваются?! Ничего, девчонка далеко не уйдет! Вот, остановилась! Стоит, как столб. Опять пошла. Снова остановилась, оглядывается — не следят ли за ней. Ах ты соплячка, думаешь, так просто обнаружить бай¹ Атанаса?! Он не новичок в таких делах. Стреляный воробей! Этим себе на хлеб зарабатывает, за это околийское начальство его хвалит. А у тебя еще молоко на губах не обсохло, птенец желторотый! Иди, иди, наконец-то доберемся до твоего отца! Да и тебя заодно арестуем.

Помогаешь коммунистам — отправляйся за решетку!

Смотри-ка, опять остановилась. Уж не прячет ли чего?

¹ Бай — уважительное обращение к старшему по возрасту.

Снова пошла. Кружит, петляет по улицам, как заяц. Ищет кого-то или забыла, куда нужно идти? Уж больше получаса мотается по улицам. Слава богу, вошла во двор. Наконец-то попалась, проклятая девчонка! Теперь — быстро за сборщиком налогов, оцепить этот двор со всех сторон!

Через несколько минут староста Крючок, сборщик налогов Никола и один из городских жандармов были возле того двора, в который вошла дочь сбежавшего секретаря подпольного райкома Тодора Пашкулова.

Ищейка суетился, разыскивая калитку, за которой скрылась Иванка. Казалось, он попал в чужое село и не знает, кто где живет.

— Говори, куда она вошла? Хватит тебе суетиться! — с досадой набросился на полицейского староста.

— Вот сюда...

— Да ты что, белены объелся? Это же твой дом!

— Сюда вошла...

— Тогда веди нас.

Атанас переминался с ноги на ногу, заискивающе поглядывая то на старосту, то на сборщика налогов, и не решался вести их в дом. Он сразу протрезвел.

Сборщик налогов приказал жандарму следовать за ним и первым вошел во двор полицейского Ищейки. Атанас понуро плелся позади всех, растерянно оглядывался, словно выжидал удобный момент, чтобы удрать.

Во дворе царила полная тишина: не слышно ни шагов, ни голосов. Пустой и безмолвный двор, каким Атанас помнил его вот уже лет тридцать. И все же эта тишина пугала его, казалась подозрительной и даже коварной. Ну конечно же, Тодор Пашкулов нарочно спрятался у него! Знает, что в доме полицейского его искать не станут. Вдруг его поразила неожиданная мысль: а что, если его Меньшой замешан в этом деле? Дочка плотника подговорила его! Вдруг плотник затаился, чтобы из засады открыть стрельбу? Не успеешь пистолет вскинуть — и конец! Позорный конец!

Сельское начальство скрылось в доме. Атанас задержался во дворе. Он ждал, что сейчас услышит осторожные шаги, затрещит плетень... Он бы не стал преследовать плотника — пусть бежит! Пусть себе удирает, проклятый коммунист! Только бы никто не узнал, что он тут скрывался. Тогда можно притвориться, что в темноте не разглядел, в какую калитку вошла девчонка. Да разве может коммунист скрываться у сельского полицейского?! Конечно же, Тодор Пашкулов пря-

чется в другом месте, а ему, Атанасу, просто померещилось, будто девчонка вошла в его двор. А даже если и вошла, то это еще не значит, что она к отцу направлялась...

Но стоять перед дверью дальше было опасно.

Атанас тяжело вздохнул, тщательно смахнул веником снег с обуви и вошел в дом. Посреди комнаты стоял Меньшой — взъерошенный, сонный: его подняли с постели. Рядом с ним переминалась с ноги на ногу его мать — тоже растрепанная, в наспех наброшенном платье.

— Только за этим и приходила? — допытывался у мальчишки сборщик налогов.

— Да, — уверенно ответил Нино. — У нее было два моих учебника, и она их принесла. Говорит, вспомнила поздно. А держать у себя побоялась — вдруг они понадобятся мне.

— Гм, не нравится мне все это... Ну, а как с тем поручением.

— Да она и слышать ни о чем не хочет. Говорит, не нашего ума это дело.

— А ты не отказывайся, убеждай, настаивай. Старайся войти в доверие...

Мальчишка опустил голову.

ВРАЖДА ОТЦОВ

Ночные гости ушли.

Атанас Ищейка сел на кровать и долго чесал затылок, вздыхал, морщился. Все его сомнения и страхи оказались ничемными. А в душе из-за них пустота. И впереди ни радостей, ни надежд, ни желаний. От забот и неприятностей он устает и стареет, а, по всему виду, наступают дни еще горше. До каких же пор ему терпеть все это? Неужто вся жизнь пройдет в тревогах?

— Отец, почему вы меня не оставите в покое? Зачем впутываете в свои дела?

Перед Атанасом стоял Меньшой. Отец и не заметил, как он появился. Никогда прежде Атанас не видел его таким. Раньше Нино никогда не смел перечить ему!

— Оставить тебя в покое легко, сынок. А что будет потом? Я по горло в долгах. Без денег Николы твой брат не сможет кончить гимназию, а осенью и тебя надобно отправлять учиться. Уж лучше ты слушайся сборщика налогов, делай, что он велит, а там видно будет. Да и смутьяны совсем распояса-

лись — тюрьма по ним плачет. Особенно этот Тодор... С ним у меня свои счеты, еще с молодых лет...

— Вот и своди с ним счеты, при чем тут я?

— Делай то, что тебе поручают, а об остальном не думай.

— Делать-то я буду, но только все это мне не нравится.

Отец ничего не сказал.

В другое время за подобную дерзость он бы влепил сыну оплеуху, а сейчас смотрел на него почти одобрительно: хорошо, что сын хочет идти своей дорогой, жить собственным умом. Но разве можно в такое тревожное время идти своей дорогой?

* * *

Пока Иванка ходила по улицам, из глухого переулка вышел человек в полушубке, с мешком за плечами. Он немного постоял у крайней лачуги. Видимо, опасался выходить на открытое место. Прислонился к ограде, прислушался. Потом, сильно прихрамывая и опираясь на палку, пошел проселочной дорогой на север, туда, где на фоне ночного неба вырисовывались силуэты гор.

Куда выведет его эта узкая тропка? В лес или в одну из глухих горных деревушек, в дом надежного человека? Вероятно, в более безопасное место, чем село, которое оставлял.

Иванка вернулась домой и спросила мать:

— Ушел?

— Ушел.

— Все обошлось. Здорово я их провела! Ходила, кружила по улицам, чтобы выиграть время, а сама все время прислушивалась... Ну как грянет где-нибудь выстрел! Но пока я так петляла по улицам, отец наверняка успел уйти далеко!

— Что обошлось-то? Ведь отец ушел из дому! Что тут хорошего? Дом остался без хозяина! Легко ли вести хозяйство без мужчины?! Ты думаешь, его простят и он вернется домой? От этих зверей добра не жди. Пока их не уничтожат, не будет жизни простым людям.

— Пусть теперь гоняются за ним по горам...

— Эх, дочка, не знаешь ты, какие это мерзавцы! Особенно Ищейка. Твой отец и Ищейка давно возненавидели друг друга. Они еще парнями дрались на ножах.

— Из-за чего дрались-то?

— Из-за чего... Из-за девушек, конечно. Атанас никак не мог простить своему отцу, что на него заглядывались самые красивые девушки.

— Это было давно.

— Верно, давно. Но теперь у них больше оснований для вражды. Твой отец вышел из тюрьмы коммунистом, а Ищейка бросил землю и стал сельским полицаем. Их ненависть так велика, что они с ней и в могилу уйдут. А ты, гляжу, в последнее время сдружилась с сыном Ищейки. Не знаю, как относится к этому отец. Но если ненависть отцов перейдет и к детям, тяжело тебе будет, дочка. Ох, тяжело! Хоть вы не враждуйте.

— Если каждый из нас будет подражать своим отцам, то вражды не избежать.

— Вот это и пугает меня.

— Да я же, мама, встречаюсь с Нино, чтобы не вызывать подозрений. Я просто дурачу Ищейку.

— Это, дочка, все равно, что ходить по острию ножа. В конце концов он разгадает твою хитрость, и тогда тебе достанется и за то, что его дурачишь, и за отца.

— Важно хорошо выполнять поручения, а враги пусть делают со мной что хотят. Я уже ничего не боюсь.

— Ах, дочка, дочка! Не боишься, потому что разум у тебя еще детский.

ТАНЕЦ РОЗ

Зимние дни проходили в напряженном ожидании и для матери, и для дочки. От отца не было никаких вестей.

По вечерам Иванка возвращалась из школы, поила, задавала корм скоту, рубила дрова. Помогала матери по хозяйству. И делала все старательнее, чем раньше, когда отец был дома. Ей хотелось, чтобы мать легче переносила его отсутствие. И хотя девочке было очень тяжело, она старалась выглядеть спокойной и даже веселой.

Иванка ждала, что однажды вечером к ним в дом придет человек, посланный отцом. Но никто не приходил.

Может, с отцом случилась беда? А может, он теперь не уверен в ней? Или боится, что ее снова арестуют и она не выдержит побоев? А тогда провал организации неизбежен...

Иванка не утерпела, пошла к дяде Ангелу.

Ангел Абаджия был старым другом Тодора Пашкулова. Подружились они еще в молодости, а последние годы вместе руководили подпольной партийной организацией района. Это

был сорокалетний мужчина богатырского сложения. О нем недаром говорили, что он может голыми руками повалить быка; ходил он неторопливо, немного вразвалку, словно моряк.

Дядя Ангел ввел гостью в комнату, расспросил, как они живут, чем занимаются, что у нее в школе.

Иванка отвечала коротко и все ждала, что не она, а он станет рассказывать. Но дяде Ангелу нечего было рассказывать. Он узнал только то, что отец ее жив и здоров. А где он, ему не сообщили. Через верного человека отец передал, чтобы о нем не беспокоились. И все! Так что пусть Иванка и мать не тревожатся о нем.

Девочка вернулась домой успокоенная и ободренная.

Дома Иванка застала гостя — своего дедушку. Она передала ему слова дяди Ангела. Но дедушка вздохнул тяжело:

— Обманывают тебя, внучка. Ежели так долго отец не подает о себе вестей, с ним что-то приключилось.

Иванка похолодела. Она улыбалась через силу, чтобы не выдать свою боль.

Прошло несколько дней. Учащиеся прогимназии устроили вечер. Зал был забит до отказа: ведь школьные вечера были единственным развлечением для крестьян.

Занавес из зеленоватой бязи давно уже потерял свой цвет, и на нем с трудом можно было рассмотреть изображение лесной поляны. Занавес раздвинулся. На сцену вышла Иванка в черной юбке и черной шерстяной кофточке. Пышные косы спадали до пояса. Девочка молчала, ожидая, когда в зале установится тишина. В первом ряду она увидела старосту Крючка, сборщика налогов Николу и других сельских заправил. Где-то в середине зала сидели ее дедушка, мать, дядя Ангел Абаджия и их друзья.

Взгляд Иванки остановился на маме. Она и тут украдкой вытирала слезы. Если так будет продолжаться и дальше, она совсем сляжет от горя. Как утешить ее, чем ободрить?

В притихшем школьном зале внезапно зазвенел трепещущий девичий голос: он увещевал и внушал что-то ласково близкому, родному человеку:

Скажи мне, мама, что плачешь?
Быть может, отца схватили,
схватили или убили,
и ты осталась вдовой
печальной и безутешной?..

За окном бушевал февральский ветер, швырял в окна снег. Жалобно позвякивали стекла. Старая акация под окном скрипела и стонала, гудели телефонные провода у входа в школу.

Староста нахмурился, исподлобья глядя на девочку.

— Яблочко от яблони недалеко падает! — процедил он.

Сборщик налогов шепнул ему:

— Я сейчас пойду и выгоню ее со сцены, чтобы впредь не смела читать такие стихи...

— Нельзя так, Никола. Она не сама придумала эти слова. Их написал Ботев.

— Кто бы их ни написал, вредные это слова, — недовольно буркнул Никола.

За кулисами волновался худощавый учитель в измятом костюме и съехавшем набок галстуке:

— Ох, не надо было пускать ее на сцену! Ох, погубит нас эта упрямая девчонка-а-а!

Ангел Абаджия тихо проговорил:

— Стихи за самое сердце хватают... Только не надо хлопать. Может, обойдется без последствий.

А Иванка продолжала:

Скажи, что мне делать, мама,
ведь ты меня одарила
сердцем отважным, юнацким...

Девочка поклонилась залу и убежала за кулисы. Послышались жидкие рукоплескания. Из задних рядов кто-то выкрикнул:

— Браво, Иванка!

Абаджия привстал и недовольно обернулся к молодежи, сидевшей в задних рядах. А матери Иванки сказал:

— Вытри слезы, Илина. Не срамись!

Потом две школьницы пели песни. После них на сцену снова вышла Иванка. Вернее, не вышла, а вылетела. На ней была белая туника. Казалось, на сцену бросили огромный белый букет цветов. Дяде Ангелу не понравился ее наряд — перед всем селом в таком виде! Он непременно отругал бы ее при всех, тут же, в школьном зале.

Иванка повернулась к музыкантам и крикнула флейтисту:

— Танец роз!

Флейтист дремал. Очнувшись, он растерянно замычал, уставился сонными глазами на школьницу в белой тунике и невнятно пробормотал:

— Но мы вчера его не репетировали.

Музыканты сердито одернули своего товарища:

— Ты же месяц назад играл его, а она танцевала.

— Да играй же, играй!..

Иванка пробежала по сцене — легко, почти не касаясь пола. Она так заразительно улыбалась, что многие в зале невольно тоже заулыбались. В помещении, казалось, стало светлей.

«Что с ней происходит? — недоумевал дядя Ангел. — То она чересчур печальная, то не в меру веселая...»

А Иванка была в своей стихии и танцевала так, как никто никогда не танцевал на школьных вечерах.

Флейтист играл танец роз, а людям в зале казалось, что они слышат эту мелодию впервые, хотя танец и раньше разучивали в школьном балетном кружке.

...Девушка потерялась в лесу. Ее пугали тишина, безлюдье, неизвестность. Девушке казалось, что ее преследуют звери, ей даже слышался треск сухих веток под их лапами. Она пряталась за деревьями, но не уходила из леса, а шла все дальше, углубляясь в чащобу и преодолевая свой страх.

И вот наконец она увидела того, кого искала, — брата, отца, друга, просто дорогого сердцу человека, который, наверное, тоже искал ее. Танец стал радостным и стремительным. Девушка ликовала. Она обнимала кого-то. Крепко, долго, благодарно. Уверяла, что больше никогда с ним не расстанется...

Зрителям передавалась ее печаль, потом ее радость... Она не произнесла ни одного слова. Может, теперь-то ей не будет грозить опасность, если зрители отблагодарят ее горячими аплодисментами за этот танец.

Многие не могли понять перемены в настроении Иванки. Никто не знал, что перемена наступила после разговора с незнакомым ей парнем...

...Он подошел к Иванке, когда та стояла за кулисами, огляделся и, убедившись, что их никто не услышит, шепнул:

— Куплю розы.

От неожиданности Иванка раскрыла рот и впилась взглядом в незнакомца. Если его послал отец, то почему он заговорил с ней в таком месте? Может, это провокация? Случайно узнали пароль? Схватили отца и он не выдержал истязаний? Нет! Как бы его ни мучили, отец слова не проронит!

Но незнакомец не похож на провокатора.

Парень взглядом предложил ей отойти в сторону и повторил:

— Куплю розы.
— Розы сейчас не цветут.
— Сейчас не цветут, но почки уже набухают, чтобы распуститься весной.

Их руки соединились в крепком пожатии, два смеющихся взгляда встретились.

— Отец передает вам привет. Просит не беспокоиться о нем. Когда вечер закончится, нам нужно увидаться. Я передам кое-что...

Иванка радостно закивала головой: хорошо, хорошо!

Парень ушел, а Иванке хотелось прыгать, петь, танцевать!

Девочка торопливо надела чужую тунику и бросилась на сцену.

Г Р Я З Ь

Прозвенел звонок, оповещая о конце занятий. Вскоре во двор высыпала детвора. Ученики расходились по домам, шагая по раскисшим улицам. Над селом зазвенели ребячьи голоса.

Иванка шла одна. Ее догнал Нино.

— Чего это ты всех сторонисься, всегда одна уходишь? — спросил он.

— Спешу домой — помогать матери по хозяйству.

— А я думал, что ты сторонисься меня по другой причине.

Иванка ответила не сразу. Она остановилась и пристально посмотрела ему в глаза. Мальчишке показалось, что на ее губах заиграла улыбка. Да и в голосе он почувствовал насмешку.

— По какой же другой причине, если не секрет?

— Не знаю... Ты стала какой-то...

— Какой?

— То нос вешаешь, то веселее тебя нету...

— Я всегда одинаковая.

— Не скажи! Особенно после того, как отец твой бежал из села.

Она снова пристально посмотрела мальчишке в лицо, взгляды их встретились. Теперь в ее глазах Нино прочел не только насмешку, но и презрение. Иванка молча пошла дальше. Но шагать рядом и молчать было еще тяжелее, чем выдержать ее осуждающий взгляд.

— А ты вчера вечером здорово выступила! — заговорил Нино. — Так читала, что чуть не до слез проняла! А танец! Знаешь, я в жизни ничего подобного не видел. С кем ни

встретишься, только о тебе и говорят. А что за парень провожал тебя домой? Он что, из соседнего села?

Иванка в третий раз остановилась и словно обожгла его негодующим взглядом. У Нино сразу пропало желание набиваться ей в друзья. Он собрался было извиниться, сказать, что не хотел ее обидеть, но не успел.

— Ты все шпионишь? А я-то думала, что ты стал честным человеком.

Ее негромкие слова были как пощечина.

— Да я просто так... Случайно увидел вас на улице... Что тут такого? Ну, провожал парень, что с того?.. Я... я не завижусь...

— А ты не суй нос в чужие дела!

И быстро пошла вперед, но неожиданно обернулась и резко бросила:

— И ты, и твой отец, и твой брат — все вы лизоблюды. За миску бобовой похлебки готовы богатеям пятки лизать. Понял, кто вы?

Иванка круто повернулась и торопливо зашагала прочь. Вскоре она была уже далеко. А Нино стоял огорошенный, с открытым ртом. Ему казалось, будто он увяз в глубокой грязи. Он не решился остановить девочку, объяснить ей, что он и в самом деле случайно увидел ее с незнакомым парнем. И пусть не воображает, будто его это интересует... Да-а! А все-таки она правду сказала об его отце и старшем брате. Но чего она нос задирает? Чего важничает?

А может, он не окликнул ее потому, что в глубине души сам чувствовал: она имеет право подозревать его в шпионстве... Нино пошел домой — растерянный, подавленный, с опущенной головой.

Стемнело, а он все медлил, топтался у своих ворот, ждал. А вдруг Иванка выйдет погулять? Они встретятся, и он все ей объяснит.

Но Иванка не вышла. Не было на улице и других ребят. Нино собрался было вернуться, но тут со стороны площади показался сборщик налогов. Шел он, как всегда, быстро, широко размахивая толстой тростью.

— Ты-то мне и нужен, — сказал он Нино и заставил мальчишку войти во двор. — Что нового?

— Ничего.

— Так уж и ничего! Ты, парень, не слишком утруждаешь себя моими поручениями.

Нино не ответил.

— Что за демонстрацию устроила Иванка вчера вечером? Читала бунтарские стихи, танцевала какой-то странный танец. Кто ее выпустил на сцену? Сама выскочила?

— Не знаю. А разве эти стихи бунтарские?

— А ты как думал?!

— Откуда мне знать! Она в школе лучше всех декламирует стихи. И правильно, что выпустили ее на сцену.

— Правильно то, что укрепляет власть! А все, что ее подрывает,— неправильно. Понял?

Нино утвердительно кивнул. На самом же деле в голове у него смешались самые противоречивые мысли.

— Ну, что, ты мне так ничего и не скажешь?

— А что я могу сказать?

— Ох, парень, что-то ты крутишь! Все-то ты ничего не видел, ничего не слышал, ничего не знаешь. Смотри, как бы я не заподозрил, что ты с ней заодно. Неужто она ни с кем не встречается, не говорит о запрещенных вещах?

Это была уже угроза, и Нино знал, чем она может кончиться. Он испугался и, чтобы Никола не подумал, будто он что-то скрывает, заискивающе ответил:

— Ничего особенного, дядя Никола, я не замечал. Правда, вчера вечером видел ее с каким-то парнем из другого села. Но мне показалось, что она ему просто приглянулась.

— Из другого села, говоришь?

— Да, не наш, не из Старо-Железаре.

— А может, дело тут вовсе не в симпатиях? Ты должен бы сразу прийти и сказать мне об этом чужом парне.

— А что, и про такие дела надо рассказывать?

— Может, это как раз конспиративные дела. Ты понимаешь, что упустил?!

Нино похолодел. Но совсем не из-за того, что подвел сборщика налогов. Его огорчило, что он так глупо проговорился. Откуда же он мог знать, что у них там за дела?! Он просто хотел отделаться от дотошных расспросов Николы. Плохо получилось! Вместо того чтобы защитить Иванку, отвести от нее подозрения, он и ее запутал, и себя поставил в дурацкое положение.

Когда Никола ушел, Нино опустился на деревянную колоду. Он проголодался, но идти в дом не хотелось. В последнее время мальчик все чаще чувствовал себя чужим в родном доме. Ему легче было в школе или на улице, среди ребят. Нино задумался.

Похоже, что Иванка давно уже плохого мнения об их

семейке, сегодня просто не сдержалась. С братом и в самом деле что-то происходит неладное. Раньше он часто ходил в библиотеку, бывал на молодежных вечерах, играл в школьных спектаклях. А теперь, после возвращения из Карлово, безвылазно сидит дома. А с ним самим что происходит?

Пожалуй, Иванка права — он действительно шпион и доносчик! А еще — трус! Испугался сборщика налогов... Обманывает и себя и других.

А ему так хотелось, чтобы уважали его, чтобы мать могла им гордиться.

К Нино подошла кошка и стала ласково тереться о его ноги, радостно мурлыкать. А у него на душе было так скверно! Нино оттолкнул кошку ногой. Потом снял с плеча сумку с учебниками и швырнул в телегу под навесом, как ненужную вещь. Идти в дом не хотелось, но что делать, не знал. Он вышел на улицу и зашагал, не глядя себе под ноги и не думая, куда идет. Нино и сам не понимал, что с ним. Ясно одно: не сегодня он попал в это положение!

В последние дни февраля потеплело. Выпавший накануне снег быстро растаял, и земля набухла, раскисла. Нино брел прямо по глубокой грязи, но не замечал этого, не ощущал холодного, пропитанного влагой воздуха. Шел он посередине улицы, с громким чавканьем вытаскивая ноги из липкой грязи. Перед чьим-то освещенным окошком мальчишка оторопело остановился и огляделся по сторонам. Только теперь он увидел, что идет по грязи. И вдруг понял, почему чувствует себя подавленным, отчего ему так тяжело. Ну, конечно, Иванка права...

Нино выбрался на сухую тропу, бегущую вдоль домов. Здесь идти было легко и приятно. И воздух был свежим и легким.

НОВЫЙ АРЕСТ

Иванка вбежала во двор с радостным криком, размахивая свидетельством об окончании прогимназии.

— Мама, мама! Посмотри! Одни шестерки!¹

Тетя Илина возилась у печки — готовила обед. Она вытерла руки о передник, поправила платок на голове, застегнула кофточку, словно готовилась к встрече дорогих гостей. И только после этого взяла у дочери свидетельство.

Иванке не сиделось на месте. Она отщипнула перышко

¹ В Болгарии принята шестибалльная система отметок.

зеленого лука, взяла пригоршню жареных бобов, отломила краюху хлеба и все говорила, говорила. Рассказывала, как директор вызвал ее первой, подарил ей книгу стихов Христо Ботева, наказал учить их. А она и так многие стихи помнит наизусть. Она тут же выбежала на сцену и прочитала несколько стихотворений. Все дружно захлопали. И она снова читала — до тех пор, пока один из учителей не остановил ее.

Иванка не стала обедать с матерью, схватила свидетельство и побежала к бабушке. Встретив на улице подружек, она заговорила с ними. Девочки весело болтали, когда вдруг чья-то сильная рука взяла Иванку за локоть и больно сжала:

— Иди вперед!

Она хорошо знала этот голос жандарма. Девочка почувствовала, как по телу вдруг пробежала противная дрожь. Иванка с ужасом подумала: «Опять?!» Снова ее бросят в подвал общины, снова будут побои, допросы...

Сама того не ожидая, Иванка жалобно залепетала:

— Дяденька, отпустите... за что вы меня?.. Я же ничего плохого не делаю...

— Иди, иди, нечего разговаривать!

И она пошла, в ужасе от того, что ее ожидало. Иванка шла впереди жандарма, а ее зубы выбивали дробь. Ноги ступали неуверенно, будто она шла по скользкому льду.

Крестьяне работали в поле. В селе остались одни старики да дети. Из калиток украдкой выглядывали любопытные старушки. А босоногая детвора гурьбой бежала следом.

Иванка озиралась по сторонам, пыталась побороть страх, взять себя в руки. Ее уже арестовывали, она знает, что надо стиснуть зубы и молчать.

Страх постепенно отступал. Уже не ползли по коже отвратительные холодные мурашки. Девочка уняла дрожь в теле, вскинула голову, выпрямилась и твердым шагом пошла вперед.

— Ого, гляди-ка! — ухмыльнулся жандарм. — Она, кажись, спешит в арестантскую! Знаешь, что тебя ждет в подвале?

Иванка знала. Хорошо знала, что ее ждет, и внутренне приготовилась ко всему. Арестовали ее неожиданно, в самую радостную минуту. Эта внезапность, видно, и испугала. Хорошо, если никто не заметил ее растерянности. Иначе потом стыдно будет глядеть в глаза своим друзьям, товарищам отца.

Вот и знакомый подвал, запах плесени, вонь. В памяти, вставали жуткие картины недавно пережитого здесь...

— Где твой отец? — гаркнул жандарм.

— У кого он скрывается?

- Как зовут парня, который тебя провожал?
- Зачем ты читала бунтарские стихи?
- Кто заставил тебя выйти на сцену?
- Говори!

На девочку обрушился град ударов. Ее били кулаками, коваными сапогами...

И вдруг все завертелось, закружилось в какой-то липкой кровавой мгле. Лишь на другой день Иванка пришла в себя...

* * *

Было горячее время сельских работ. На улице редко встречались прохожие.

Женщина, идущая за водой, увидела впереди себя сгорбившуюся девочку в изорванном окровавленном платье, со спутанными волосами. Она шла как слепая — спотыкалась, падала. Крестьянка торопливо поставила ведра на землю, подбежала к девочке, подхватила под руки и осторожно повела к дому...

* * *

Иванка сидела на коврике под абрикосовым деревом. Она даже не притронулась к еде, которую принесла ей мать: молоко, абрикосы, брынза, еще теплый каравай хлеба. Девочка сидела, уставившись в одну точку. Больше она не выдержит таких пыток! И зачем было декламировать стихи? Ведь предупреждал отец: «Старайся зря не мозолить глаза сельским законами!»

Хотелось насолить им, а все вышло боком. Себе навредила!

Со стихами дело ясное — их слышали все. Но как они узнали о парне, посланце отца? Неужели Нино выдал? А может, кто-то другой их увидел?

Почему у нее так получается: делает то, чего делать нельзя. И сама же потом страдает.

Почему у взрослых все по-иному? Наверно, они продумывают каждый свой шаг. Может быть, в этом и заключается воля, о которой она не раз слышала от подпольщиков? А у нее, видно, нет воли...

Стыдно дрожать при виде полицейского. И когда только она избавится от этих отвратительных мурашек на коже, перестанет трусить при мысли, что ее арестуют, что она может не вернуться домой никогда!

Поскорее бы оставить село и уйти к своим в горы!.. Да только когда это случится?

Лежа на коврике под деревом, она неожиданно услышала осторожные шаги и почувствовала, что кто-то наблюдает за ней. Девочка оглянулась. За оградой стоял Нино.

И его виноватый взгляд, и напряженное лицо показались ей неестественными и странными. Это было не праздное любопытство и не сострадание. Казалось, мальчишка хочет понять что-то очень важное для себя.

Иванка встала с коврика и медленно, чуть пошатываясь, подошла к своему однокласснику. Нино не поздоровался, он продолжал пристально глядеть на нее. Девочке показалось, что в эту минуту он готов сделать для нее все, стоит ей лишь пожелать. И ей вспомнилось, как он подолгу стоял возле общины, когда ее арестовали впервые.

Взгляд Нино скользнул по распухшим рукам Иванки, и на глаза у него навернулись слезы. В его взгляде сквозили и раскаяние, и горечь, и сочувствие. Такое она могла ожидать от кого угодно, но только не от Нино.

— Я... я не хотел,— заикаясь, заговорил он.— Я ничего... а они требовали... угрожали, настаивали... Я сказал только о том парне, который провожал тебя... Но я тогда думал, что ты просто приглянулась ему...

Мальчишка пугливо оглянулся и вдруг заторопился прочь, ничего больше не объясняя, не дожидаясь ответа.

В конце улицы показался полевой сторож. Нино, видно, не хотел, чтобы кто-то видел, как он разговаривает с Иванкой.

Иванка оставалась спокойной. Теперь она уже не боялась даже ареста — все знакомо, все пережито, испытано. Но ее удивило поведение Нино. Оно сейчас занимало ее больше, чем появление полевого сторожа. Понятно, о связанном отца сказал он. А теперь рассказывает. Его заставляют шпионить. Но, похоже, это дело ему не по душе.

Честный он парень или такая же ищейка, как его отец?

Как бы там ни было, он решил прийти к ней сейчас, когда ее перестали навещать даже подруги. Боятся, видно, пострадать из-за нее. А с ремсистами ей дружить нельзя, это усилит подозрения полиции и сельских властей. Безопасней всего ей встречаться с Нино, хотя с ним надо держать ухо востро. Нельзя посвящать этого запутавшегося мальчишку в свои заботы. Но его сочувствие и доброе отношение к ней сейчас могут помочь ей.

Но не окажется ли его сочувствие минутным порывом?

Обычно днем Атанас Ищейка отсыпался дома, потому что с вечера до полуночи он обходил село. Он рыскал по улицам и в эту ночь. Останавливался у каменных оград, затаивался у плетней, подолгу прислушивался. Но ничего подозрительного не обнаружил.

Лениво лаяли собаки, перекликались загулявшие парни, где-то плакал грудной ребенок. Пахло цветущей акацией и сиренью. Такие ночи напоминали Атанасу молодость, когда и он был беззаботным парнем. Тогда он не думал о доме и детях. Не выслеживал коммунистов. Не слушал упреков старосты и сборщика налогов, что, мол, плохо несет службу, раз до сих пор не выследил и не поймал ни одного партизана, ни одного из тех, кто им помогает...

Упреки и брань обижали Атанаса. Но разве можно возражать начальству?! Боже упаси! Может, его и в самом деле следует уволить, раз он ничего не сумел сделать. Забросил дом, хозяйство; даже собственных детей заставляет служить своим начальникам. А чего ради? Чтобы схватить кого-нибудь из партизан! Напрасно он не спит по ночам, попусту теряет время, треплет нервы, губит здоровье! Стал посмешищем для всего села.

Вот и сейчас, вместо того чтобы сидеть дома, он шастает по селу. Так недолго ночью получить партизанскую пулю. И что потом? На кой ляд ему все эти тревоги, заботы, унижения?

Атанас долго сидел притаившись у плетня на окраине села. Наконец он встал, тяжело вздохнул, размял заочевенные от ночного холода плечи и зашагал к общине. На перекрестке он столкнулся с каким-то человеком, но узнать его не смог.

— Эй, ты, стой! — крикнул полицейский незнакомцу.

Прохожий не остановился. Он продолжал идти шагах в десяти впереди и даже не оглянулся.

— Эй, слышь? Стой, тебе говорят! Кто такой? — снова крикнул Атанас и полез в карман за пистолетом.

Незнакомец стремительно обернулся и несколько раз выстрелил в полицейского. Ищейка почувствовал резкую боль в ноге и рухнул на землю. Он хотел было приподняться, но не смог. Попытался разглядеть в темноте стрелявшего: где там! В ушах у него стучало — то ли это отдавались шаги убегающего человека, то ли так громко колотилось его собственное сердце.

Ищейка направил пистолет в ту сторону, куда, по его пред-

положению, убежал незнакомец, и выстрелил несколько раз. Он стрелял наугад, от злобы, не надеясь попасть. И потом — ему нужна была помощь! И помощь подоспела: примчались общинные власти и жандармы. Из объяснений Атанаса они поняли, что незнакомец был невысоким кряжистым мужчиной, похожим на Тодора Пашкулова. Ищейку понесли в больницу, а жандармы ринулись к дому плотника Тодора Пашкулова.

К обыскам, брани и побоям Иванка, можно сказать, привыкла. Они уже не вызывали у нее панического страха. Девочка проснулась при первом же стуке и спокойно встала вместе с матерью. Из разговоров поняла: ищут ее отца, он стрелял и ранил Атанаса Ищейку. Не поняла, однако, главного: ранен ли отец? Но все равно, если отец скрылся, — значит, рана не тяжелая.

До утра Иванка не сомкнула глаз. Ворочалась в постели. Но на душе у нее было радостно: отца не схватили!

В тот день Иванка собиралась пасти на опушке леса козу и буйволицу. Но теперь решила их не выгонять. Она вышла на улицу, бесцельно побродила, дважды сходила к колодцу и принесла на коромысле четыре ведра воды. Встретила Нино, остановилась. Однако мальчишка прошел мимо, даже не поздоровался, будто и не заметил Иванку.

— Куда это ты ходил? — окликнула его девочка.

— Тебя это очень интересует? — хмуро ответил мальчишка.

— Спрашиваю просто так.

— Ходил к отцу. Твой отец его чуть не убил.

— Моего отца здесь нету. Ночью приходили с обыском, проверяли.

— Правда, отец не узнал его в темноте. Но только твой так стреляет в человека.

— Любой партизан может выстрелить в полиция, если он идет по следу.

— У него такая служба.

— Его служба — днем сидеть в общине, а ночью спать дома, а не рыскать по улицам, не вынюхивать...

— Ну-ну, полегче, не очень-то болтай!

— А ты не злишь понапрасну. Когда твой отец ранил моего, я тебе ни слова не сказала. А ты сейчас даже не знаешь, кто стрелял в твоего отца...

— Если бы отец успел выстрелить раньше, он бы уложил твоего на месте!

«Значит, отец не ранен?! Не ранен отец! Куда же он скрылся?»

Если она пойдет искать его по домам коммунистов или сочувствующих им, то наверняка приведет за собой «хвост»: за ней, наверно, уже следят. Но и сидеть сложа руки тоже не годится. Надо что-то придумать.

И тут случилось такое, чего Иванка совсем не ожидала.

В обед к ней пришел Нино. От его хмурого вида не осталось и следа. Выглядел он веселым и беззаботным. Рассказал, что врач осмотрел его отца. Пуля пробила только мягкие ткани, кость не задета. Так что отец через недельку встанет на ноги.

Прошел час, два, а Нино все не уходил. Ясно, он нарочно тут вертится, специально пришел к ним. Ишь как поглядывает в сторону овина и сарая! Вынюхивает! Вряд ли он пришел по своей воле. Похоже, его и раньше заставляли. Она это чувствовала. Давно. Может, его послал и не отец. Ищейке теперь не до этого. Скорее всего, подослали его староста Крючок и сборщик налогов Никола.

Поначалу догадка смутила Иванку. Она никак не могла отделаться от Нино, чтобы отправиться на поиски отца. Какой же он все-таки безвольный парень! И шпионит за ней, и побавляется ее, и стыдится себя. Как она могла подумать, что он ей сочувствует? Сейчас по его виду не скажешь, что его мучает совесть. Похоже, что он с удовольствием исполняет миссию сыщика.

Иванка пошла с Нино погулять по селу. Они бродили по улицам, побывали на площади, встречались с друзьями, болтали о пустяках. На обратном пути Иванка забежала в бакалейную лавку купить спичек. Выходя из лавки, она столкнулась на пороге с бабушкой Велой — маленькой, прямой как жердь крестьянкой. Старушка шепнула:

— Отца не ищи. Он здоров. Я дам знать, когда можно будет к нему прийти...

Иванка согласно кивнула головой, хотела о чем-то спросить, но старушка предостерегающе нахмурила брови:

— Покуда хватит с тебя! Кланяйся матери... Ну, беги, постреленок, гуляй! Да гляди в оба, остерегайся сына Ишейки...

Девочка выскочила из лавки пулей: шумная, веселая, как не в меру расшалившийся мальчишка. Дернув Нино за рукав, крикнула: «Догоняй!» И они помчались наперегонки. Остановились только возле ее дома. Раскрасневшаяся, с румяным от быстрого бега лицом, Иванка никак не могла успокоиться.

Когда Иванка скрылась во дворе, Нино долго смотрел ей

вслед. Он едва сдерживался, чтобы не броситься вдогонку... Схватить бы ее за руку и побежать вдвоем. Бежать, бежать, пока не выбьются из сил и от изнеможения не упадут лицом в траву.

Но он не бросился за ней, только вздохнул и понуро побрел домой по пыльной дороге.

Несколько дней назад отец сказал ему:

— Эту девчонку хоть режь — слова из нее не вытянешь! Упрямая! Только, может, она ничего и не знает про отца. Может, зря время с ней теряем...

«Знает! Все она знает, да хитрит! — подумал Нино. — Она вся горит изнутри, и от того огня рядом с ней теплее».

ТА И Н И К

Они пробыли вдвоем до позднего вечера.

А утром вместе отправились пасти коз.

— Куда ты их гонишь? — спросил Нино.

— К сливовым садам.

— Давай пасти их вон на тех полянах. Зачем гнать их через все село?

— Стидишься, что пасешь коз?

— Чего это мне стыдиться?! Просто не хочется зря тащить-ся в такую даль.

— Там трава лучше.

«Чего с ней спорить? Знаю ведь, какая она упрямая!» — подумал мальчишка, а вслух насмешливо спросил:

— Ты не могла прихватить торбу побольше?

— Эта в нашем доме самая большая, — тем же насмешливо-шутливым тоном отпарировала Иванка.

— И чего ты в нее напихала?

— Всего понемножку. Сам увидишь...

Они прошли немного молча. Неожиданно Иванка сказала:

— Ты, Нино, гони и мою Белицу, а я забегу к бабушке Веле, захвачу и ее козу. Она меня вчера вечером попросила попасти и ее козу.

— А ты не прихватишь там еще чью-нибудь?

— Кто знает! Если захочется, соберу коз со всей Верхней слободы. Ладно, гони, я быстренько.

Бабушка Вела встретила Иванку упреком:

— Да ты что, спятила?! Срежь бела дня пришла с полной торбой! Совсем голову потеряла?!

— Не ругайся, бабушка. Я все обдумала. Ух-х, какие ты пышки испекла! Жалко, нету времени попробовать. А зачем я пришла, ты сама знаешь.

— Я-то знаю! Вот задам тебе трепку, узнаешь у меня. Совсем голову потеряла, вертихвостка!

— Хорошо, хорошо, бабуля, после будешь сердиться, а сейчас надо спешить. Времени — в обрез.

Бабушка Вела вышла во двор и, крестясь, проворчала:

— Ох, не сносить тебе головушки! Береги тебя бог...

Старая женщина сделала вид, будто собирает хворост у дровяного сарая. Покрикивая на кур, она подходила к калитке и украдкой оглядывала улицу...

Иванка проскользнула в коровник, разрыла солому в яслях.

Показалось дно, заложенное кирпичами. Девочка стукнула по кирпичу один раз, потом — еще четыре раза с небольшим интервалом. Из тайника последовал такой же сигнал, но звук был глухим.

Кирпичи, уложенные квадратом, приподнялись и сдвинулись в сторону. В узком отверстии показалось улыбающееся лицо отца. Он вылез из тайника. Отец и дочь обнялись. Неожиданно Иванка расплакалась: то ли от радости, что видит отца живым и здоровым, то ли оттого, что ей так тяжело без него. Они присели на охапку соломы, внимательно разглядывая друг друга.

— Мне страшно, папа.

— Люди тебя хвалят, а ты — страшно! Чего ты боишься?

— Я... я могу не выдержать... Сама себя боюсь. Вырвется что-нибудь ненароком, и тогда...

— Так, значит! Палачей не боишься, а себя испугалась?

— Испугалась.

— Однако все выдержала! Правда?

— Правда, но только я знаю, папа, чего мне это стоило.

— Боишься, что заговоришь? Или хочется поскорее уйти к партизанам?

— Да, очень хочется...

— Ты думаешь, дочка, там легче?

— Не знаю, где легче, но тут оставаться не хочу.

— Ох, отчаянная головушка! Моя смелая дочурка, что ждет поры цветения роз. Слышал, слышал... Все узнал и понял, доченька. Вот только бы ты поменьше... как бы это объяснить... поменьше бы ты им солила... Старайся зря не лезть властям на глаза.

— Но те стихи... Они и от горя, и от радости...

— Как вы там с матерью живете?
— Все хорошо. Но есть у меня просьба...
— Какая?
— Я хочу стать ремсистой. Я тоже хочу работать в одной из пятерок, ходить на молодежные сходки и собрания. А то я все одна да одна!..

— Нельзя, дочка! Я тебе уже говорил: твоя работа — особая. Ты ведь курьер районного комитета партии. Поэтому ни в какую пятерку тебе входить нельзя.

— Курьер... — недовольно нахмурилась Иванка.

— Если все курьеры будут такими мастерами своего дела, как ты, провалов станет куда меньше.

— Но я всегда одна... А мне хочется, чтобы другие знали, что и я работаю.

— Кому нужно, тот давно знает. Ладно, дочка, расскажи лучше, как там наша мама?

— Хочет повидать тебя.

— Пусть приходит сегодня вечером.

— Вчера она весь вечер готовила: испекла твой любимый слоеный пирог и слобный каравай, сварила курицу. Видишь, сколько всего я принесла?

Иванка достала из торбы продукты.

— Как же ты пронесла все это среди бела дня?

— Нашла способ. Похоже, сына Ищейки, Нино, приставили шпионить за мной. Ни на шаг не отходит. Сейчас послала его вперед с козами, я его догоню.

— Значит, и он пошел по отцовским стопам?

— Он и сам не знает, чего хочет.

— Ты на всякий случай остерегайся. Не очень-то увлекайся игрой в прятки. Это все равно, что ходить по краю пропасти. Не рискуй зря!

— Хорошо, папа, я буду осторожней. Обещаю. Но и ты дай слово, что мне не придется все время сидеть в селе.

— Если почувствуешь, что тебе угрожает арест, сразу уходи. Не жди моего сигнала.

— Ладно. А ты что делаешь в этой яме?

Она склонилась над отверстием, заглянула в тайник. Это была действительно яма — большая, широкая; на дне ее лежал толстый слой соломы и стоял кувшин. Иванка разглядела пастушеский плащ с капюшоном, завернутую в полотенце еду, на небольшом ящике — раскрытую книгу, пистолет и две гранаты.

Толстая сальная свеча освещала тайник. В ее тусклом

свете убежище выглядело особенно таинственным, хотя Иванке оно было хорошо знакомо: еще прошлым летом она принимала участие в его подготовке.

— Мне остается только читать да отлеживаться. А ты, дочка, передай матери, чтобы пришла сюда после захода солнца, когда хорошенько стемнеет. А потом мне надо повидать дядю Данчо и дядю Абаджия.

НЕЛЬЗЯ ЖИТЬ ЧУЖИМ УМОМ

Иванка догнала Нино уже за селом.

— Ну, знаешь! Уйдешь — как в воду канешь! Не могла побыстрей?

— Не смогла! Бабушка Вела напекла целое блюдо пампушек, а я так проголодалась, что готова быка съесть. И потом, сам знаешь, что она любит поговорить.

— Чего же ты мне ничего не принесла?

— Не принесла! А ты посмотри!

Иванка достала из торбы три пышки и, сглотнув слюну, подала их мальчишке. Там, у бабушки Велы, ей уже не хватило времени съесть хотя бы одну, а теперь приходилось делать вид, что сыта.

— Вот тебе и еще кое-что...

Девочка разостлала перед Нино потрепанный коврик.

— Ты все допытывался, что я напихала в торбу. Теперь видишь — что? Я же знаю, ты любишь полежать в тенечке...

Нино ел теплые пышки и пытливо смотрел на Иванку. Он был растерян и озабочен.

— Тебя не поймешь. Вроде ты хорошо ко мне относишься, но порой такое скажешь...

Иванка побежала за козами, чтобы не видеть, с каким аппетитом Нино ест теплые пышки. Боялась, что он заметит, как она глотает слюну.

Они не расставались и на другой день. А на третий, когда сидели на скамейке перед домом Иванки, она вдруг спросила:

— Ну, теперь убедился, что я не искала отца? Мы столько дней ходим с тобой вместе, а я и не старалась отделаться от тебя. Если бы отец был в селе, то я бы постаралась избавиться от тебя. И попыталась бы его найти. Напрасно ты шпионил за мной. И вообще, Нино, нечего тебе жить чужим умом!

Нино вытаращил глаза. Хотел было оправдываться, но Иванка оборвала его:

— Хочешь дружить со мной? Но тогда перестань следить за мной и доносить. Пускай наши отцы стреляют друг в друга, а мы можем быть друзьями. Если хочешь, передай наш разговор тем, кто послал тебя шпионить за мной. Мне, в общем-то, все равно. Я уже привыкла ко всему и ничего не боюсь. Но если ты будешь и дальше вынюхивать, то худо тебе будет. А теперь уходи, мне некогда. Я должна помогать маме. До свидания.

Иванка встала и, хлопнув калиткой, ушла во двор.

Нино долго смотрел на закрытую калитку. Вся эта история закончилась для него неожиданно. Выходит, и он и те, кто заставляют его шпионить, остались в дураках. Ему явно не везет. А все потому, что занялся делом, которое ему не по душе.

Стал посмешищем в ее глазах! И ребята засмеют, узнай они обо всем. Стыдно будет на улице показаться. Хорошо, что Иванка не из болтливых! Уж этого у нее не отнимешь!

А вообще-то она не такая уж невинная, как выглядит со стороны. Ну и пусть себе занимается, чем хочет. Кто знает, похоже, Иванка права. Если она против богатеев, то, конечно, права. Но неужели нельзя обойтись без стрельбы, неужели нельзя договориться обо всем по-хорошему?

Он усмехнулся. Хитрая и умная девчонка! Что правда, то правда. Тут уж ничего не скажешь.

— А ловко она меня вокруг пальца обвела!

Услышав собственный голос, Нино испуганно оглянулся. На улице — ни души. Иванка возилась у амбара, бранила буйволицу. Никто его не слышал. Хорошо, что его не слышала Иванка. Надо же, сам с собой стал разговаривать!

ДЕТИ СВОИХ ОТЦОВ

Повозку нагрузили навозом, соломой, стружками — в тот день чистили сараи и дворы. На самом верху уселись Иванка и Нино. Оба выглядели веселыми, словно ехали на праздник. Иванка дергала вожжи и задорно покрикивала на коня.

— Надо было пораньше выехать, — сказал Нино.

— Я была занята. Помогала матери стирать половики.

— В другой раз могли постирать. Вон уже вечереет. Теперь провозимся дотемна.

— Ты что, боишься? Расхныкался! Я девчонка и то не боюсь. Разгрузим телегу, быстро наберем хворосту. Половину

завезем вам, половину — нам. Вот тебе и топливо на зиму! Да, не забыть бы, мама наказывала ореховой лозы нарезать. Корзины прохудились.

— Почему нам не свалить мусор тут? Чего мучить коня, гнать его до самого леса?

— Пока ты будешь собирать хворост, я разгружу телегу.

— А у тебя тут один только мусор?

— Уж не думаешь ли ты, что я спрятала там оружие?

— Откуда мне знать? Может, ты и меня хочешь втянуть в свои опасные дела?

— А что, может, и вправду спрятала?! Ты проверь! Поройся в навозе, авось чего найдешь!

— Ладно тебе, хватит издеваться, мне-то какое дело...

— Сам говоришь, что это не твое дело, а съешь во все нос.

— И чего ты все насмехаешься?! И зачем таскаешь меня с собой?

— А мне приятно, что мы вместе. Ты сам убедишься, что не такая уж я плохая, как некоторые пытаются тебе внушить.

— Опять за свое?

Они помолчали. Нино оглянулся, внимательно осмотрел мусор и заметил:

— Почему не сожгла этот хлам во дворе? Придумываешь себе лишнюю работу.

— Снова червячок точит? Подозреваешь? Ну, посмотри, убедись сам. Кроме мусора, тут ничего нету!

Девочка разрыла мусор в передке повозки до самого дна. Нино остановил ее:

— Не надо, я и так тебе верю.

— Веришь, а никак не успокоишься. Видно, и ты такой же, как твой отец,— выпалила Иванка.

— Ну, поехали! Теперь уже отцом попрекаешь! Оставь хоть его в покое.

— Так, к слову пришлось.

— Отец отслеживает партизан. А твой отец слишком уж задиристый...

— Ладно, давай оставим отцов в покое. Пусть они воют, а мы с тобой должны понимать друг друга.

Когда они подъехали к лесу, Иванка распорядилась:

— Я разгружу повозку, а ты возьми топор и сходи наруби лозы.

Нино вскинул топор на плечо и отправился в лес. Но не прошел и нескольких шагов, как вернулся.

— Сначала я помогу тебе.
— Сама управлюсь.
— Устанешь, мусора вон сколько!
— Опять подозреваешь, думаешь, партизанам что-нибудь привезла?

— Ну и задира ты! Пристаешь, как репейник!

Нино скрылся в лесу.

Иванка приподняла боковую перегородку повозки. Вытащила из-под мусора две больших торбы, доверху набитых одеждой и продуктами, положила на землю и торопливо засыпала мусором. Потом отъехала в сторону метров за сто и распрягла коня.

Нино вернулся и спросил:

— Ты с кем тут разговаривала?

— С конем, с кем же еще?

— А почему мне показалось, что тут был человек?

— Потому что ты слишком подозрительный.

Нино присел на корточки и, не глядя на Иванку, стал щепкой ковырять землю.

— Ты, кажется, сама сказала — будем друзьями, а разговариваешь со мной, как с сопливым мальчишкой. Мне и в самом деле послышалось, что ты с кем-то разговаривала. Да и сказать по правде — хочется мне увидеть партизана. Я бы никому слова об этом не сказал.

— Даже своему отцу?

— Никому!

— И сборщику налогов?

— Я же сказал — никому!

— И мне хочется увидеть, но они сюда не приходят.

— Ты все хитришь. Не могу этого доказать, но чувствую: ты не доверяешь мне. А я сейчас сказал правду. Могу поклясться в этом!

— И я говорю правду: не можем мы увидеть партизан. Они встречаются только с верными людьми. Мы же ничем не заслужили их доверия.

— А чем его можно заслужить?

— Делами.

— Я готов поклясться, что не выдам их!

— Клятвы мало. Нужно делом доказать, что мы их друзья.

Он глянул на Иванку: нет ли подвоха в ее словах? Но она молча смотрела ему в лицо, словно спрашивая: «Ты сейчас говоришь правду?» — «Клянусь!» — отвечал его взгляд. Иван-

ка продолжала испытующе глядеть ему в лицо, как будто видела его впервые.

— Странная ты девчонка. Говорят, ты встречаешься с партизанами. У нас много парней-коммунистов. Но ни о ком из них такого не говорят. Только о тебе! Может, тебе это покажется смешным, но я порой стыжусь самого себя. Часто спрашиваю себя: почему я не такой, как она? Мне тоже хочется никого не бояться, никого не слушать, жить своим умом.

— Захочешь — сможешь. Поучись у Овода. Думаешь, случайно я дала тебе эту книгу?

— Захочешь — сможешь... — задумчиво повторил Нино.

Они нагрузили повозку сушняком и хворостом и отправились в обратный путь. К разговору о партизанах больше не возвращались. В селе Нино никогда не говорил так, как там, на опушке леса, когда он не боялся, что его слова услышат и передадут сборщику налогов или отцу. Он молча сидел рядом с Иванкой и со злобой спрашивал себя: «Почему я поехал с ней? Потому что дядя Никола заставляет следить за ней или мне самому хочется быть рядом? Лучше об этом не думать, а то все больше запутываешься, голова идет кругом от этой путаницы!»

Вечером во дворе его встретил старший брат. Он спросил Нино, где тот был целый день, и, не дожидаясь ответа, ударил его. Нино расплакался. А гимназист лупил Меньшого и приговаривал:

— Сколько раз твердил тебе, не связывайся с этой девчонкой, сиди дома, учи уроки.

Нино наконец вырвался из цепких рук брата и, отбежав на безопасное расстояние, крикнул:

— Ты мне не брат! Ты — дезертир!

— Кто-о-о?

— Дезертир, вот кто! Капитулянт!

— Ага, это она тебе сказала! — злобно процедил Старшой и бросился за Меньшим.

— Кто бы ни сказал! А ты — дезертир!

Нино выскочил за калитку, и его босые ноги зашлепали по дорожной пыли.

Видно, слова Меньшого больно задела гимназиста. Он растерянно остановился посреди двора, сжав кулаки. Потом вдруг тряхнул головой и широким шагом направился к зданию общины.

— Ну, погоди! Я покажу тебе дезертира! — повторял он.

Нино толкнул калитку, но она оказалась закрытой изнутри на задвижку. Громко позвать хозяев он побоялся: могли услышать соседи. Он перескочил во двор через ограду. Шаро залаял и бросился к нему, но мальчишка приласкал собаку, и она успокоилась. Дверь дома открылась, и в освещенном проеме показалась Иванка.

— Кто там? — спросила она.

— Это я. Выйди на минутку.

Иванка подошла к Нино. Он торопливо стал объяснять:

— Меня сейчас вызывали в общину. Мой брат сообщил им, что мы с тобой отвезли в лес мусор. Расспрашивали, не прятала ли ты в мусоре чего-нибудь для партизан. Я сказал, что нет. Но мне не поверили и сейчас туда отправится целый отряд. Если ты что-нибудь там оставила, давай опередим их и спрячем это в другом месте.

Он ожидал, что Иванка поблагодарит его, что они немедленно вместе отправятся на опушку леса. Но девочка ничего не сказала и никуда с ним не пошла.

— Ты понимаешь, они сейчас туда поедут и все обнаружат! — в отчаянии воскликнул мальчишка.

— Пусть едут. Ничего они там не найдут, — спокойно ответила Иванка.

— Ладно, не доверяешь мне. Потом пожалеешь!

Нино ушел, а Иванка вернулась в дом и передала матери их разговор.

— В такое позднее время тебе никуда нельзя ходить, — твердо сказала мать.

— И я так думаю. Они обещали забрать торбы, как только стемнеет. И потом, я боюсь, что это ловушка.

...Минут через тридцать опять залаял Шаро. Тетя Илина открыла дверь: на пороге стоял Нино.

— Иванка дома?

— Нет, ушла куда-то.

— Ушла? А те сейчас поедут туда... Хорошо... Хорошо, что ушла! — и, не дождавшись ответа тети Ирины, он выскочил на улицу и что есть духу побежал к лесу.

«Ну и хитрюга! — думал Нино, мчась по ночному полю. — Уверяла, будто ничего не прятала в мусоре. А как только я ушел, полетела перепрятывать оставленное в другое место. Пусть себе думает, что я за ней шпионю. Сама потом убедится, что я не обо всем рассказываю Николе. Сообщаю ему обо

всяких пустяках — чтоб не догадался, что я не хочу выполнять его поручений».

Как она решилась в такое позднее время пойти к лесу через пустынное поле одна?! Не побоялась! Вот удивится, когда увидит его! Только бы успеть, опередить тех, из общины! Да поскорей найти Иванку, а то натерпится страху одна. Может, лучше сесть на коня и помчаться туда галопом? Но его могут увидеть отец или брат! И тогда ему несдобровать.

Запыхавшись, он добежал до опушки леса. Но Иванки тут не было. Нино лихорадочно разрыл руками кучу мусора. Ничего нет! Затаил дыхание, прислушался. Стояла тихая летняя ночь, стрекотали сверчки.

— Иванка-а! — крикнул в темноту Нино.

Никто не ответил. Мальчишке стало страшно — одному, на опушке ночного леса. Напрасно он торопился, бежал... Теперь надо поскорее убираться отсюда, пока не нагрянули староста и сборщик налогов с жандармами.

— Иванка-а-а, где ты? Это я, Нино. Выходи! Надо спешить! Ты слышишь, Иванка-а? Где ты?

— Здесь,— слышалось из лесу.

Нино резко обернулся. У него перехватило дух: слышался ему голос или взаправду откликнулся человек? Мальчишка не осмеливался больше кричать. И не было сил броситься наутек.

Из леса вышел мужчина и подошел к Нино. Человек как человек — без палки, без торбы, без рюкзака. Оружия при нем тоже не было. Припозднившийся крестьянин.

— Ты откуда? — спросил незнакомец.

— Из Старо-Железаре.

— Чей будешь?

— Атанаса... Атанаса Малинова.

— Сын Ищейки?

— Да.

— А тут что делаешь?

— Так, нужно...

— Какую Иванку ты звал?

— Пашкулову.

— Что, вы тут свидание назначили?

— Нет. Но кое-что случилось... А ты... ты не партизан?

— Нет. Я лесоруб, задержался тут малость.

— Лесоруб? — недоверчиво спросил Нино. — А где ж твоя телега?

— За оврагом. Услышал, что кричишь, вот и пришел

— Ну ладно... Но... но если ты партизан, то скорей уходи.

Сюда едут староста Крючок, сборщик налогов Никола и несколько жандармов. Они решили, что Иванка сегодня что-то спрятала для партизан в этой куче мусора, и едут проверять.

— Смотри, какая новость! И от кого ее слышу?! Хорошо, парень. Что дальше собираешься делать?

— Пойду домой.

— Тогда беги скорее, пока тебя здесь не застали. А я, если увижу партизан, передам твои слова.

Нино быстро побежал к селу, а незнакомец вернулся в лес. Когда мальчишка скрылся из виду, он кого-то спросил:

— Слыхал?

— Все слыхал.

— Надо скорее уходить — нам ни к чему лишние стычки.

— Эх, а какую засаду можно устроить! Ухлопали бы всех до одного.

— Пошли, пошли! Мы уже все взяли, — настойчиво повторил первый.

Нино услышал конский топот и остановился. Со стороны села приближалась телега. Пожалуй, не телега, потому что не было слышно скрипа колес. Видать, общинный фаэтон.

Мальчишка быстро свернул с дороги и спрятался среди виноградных лоз. Фаэтон мягко прокатил почти рядом. В нем сидело человек семь-восемь. Ехали молча, и потому Нино никого не узнал. Когда фаэтон отъехал, мальчишка со всех ног бросился бежать в село, но на полдороге он вдруг остановился как вкопанный. «Конечно, незнакомец был партизаном! — осенило его, и Нино невольно оглянулся, словно хотел еще раз увидеть незнакомца. — Ясное дело — партизан! Но почему у него не было ни автомата, ни гранат? Может, Иванка еще днем с ним встречалась, а меня все время дурачила?» Он снова побежал, обругав себя: «Поздно до меня дошло! Эх, до каких же пор я буду таким олухом?»

Нино пришпорил воображаемого коня и галопом помчался домой. Но на душе у него было весело, хотя он и знал, что его ждет, если дома узнают, куда он бегал.

ПОВЕШЕННЫЙ ПАРТИЗАН

Нино не знал, который час. Если судить по редким огонькам в домах — довольно поздно. В эту пору все мальчишки уже сидят дома. Хотя ведь он уже не школьник! Теперь он, так сказать, свободный гражданин и может возвратиться до-

мой, когда хочет. Вот только матери и старшему брату наверное придется отвечать.

Он мог бы, конечно, лечь спать в телеге под навесом. В июле ночи теплые, он бы не замерз. Но как он потом объяснит свой поступок? Ведь он всегда спал в доме. Может, забраться в комнату через окно? Брат наверняка давно спит, но мать, конечно, ждет его. Услышит, тогда разговоров и упреков не оберешься. Раз он влезает в окно, значит, сразу станет ясно, что дело нечисто. Лучше всего войти в дверь. Он не станет зажигать лампу, и домашние не увидят, который час. Надо только войти как ни в чем не бывало.

«Скажу, что засиделся у приятеля... Назову первое пришедшее на ум имя. Там, скажу, и поужинал... Хотя, по правде сказать, голодный как волк...»

Мать встретила его упреками: время нынче тревожное, все может случиться. У отца много врагов, и ничего удивительного, если выместят злобу на сыне. Она глаз сомкнуть не может, когда его нет дома.

Старший брат лишь процедил с угрозой:

— Приходи домой вовремя. Еще раз явишься поздно — пеняй на себя.

Нино понимал, что в таких случаях лучше всего молчать.

Он забрался под одеяло и свернулся калачиком на жестком соломенном матраце.

Пропели первые петухи, прокричали и вторые. И только тогда Нино услышал шаги: возвращался отец.

— Наконец-то! Я уже извелась! Где тебя носит в такую пору? — сердито набросилась на него мать.

— Искали партизан.

— Так ведь тебя и застрелить могут...

— Могут...

Скрипнул стул, звякнула ложка. Наверное, отец сел ужинать. Так и есть. Жует и рассказывает. Вот бы и ему съесть хоть бы горбушку хлеба или миску луковой похлебки!

Нино несколько раз сглотнул слюну. Но испугался, что его услышит брат, и затаил дыхание.

— Я и сам порою сыт по горло этой службой. Рад бы ее бросить, — говорил отец. — Да только что после делать? Чем зарабатывать на кусок хлеба? У меня нету никакого ремесла, нету и земли. А гнуть горб на чужих полях — какая корысть? Много ли этим заработаешь? Да и отвык я от земли. Вот и приходится тянуть лямку. И надо стараться, иначе, того и гляди, вышвырнут, как котенка.

«Значит, ничего не нашли,— радостно подумал Нино.— Очень хорошо! А то бы Иванку сразу уличили в связях с партизанами и немедленно арестовали. А его, Нино, упрекали бы, что он не заметил этих связей и не сообщил о них в общину, сборщику налогов Николе. А могли бы подумать и что он нарочно скрывал Иванкины дела! А отца могли бы застрелить в перестрелке. Да и партизанам лучше держаться подальше от таких людей, как староста Крючок и сборщик налогов Никола».

Теперь Нино мог спокойно заснуть. В комнате быстро светлело. Видно, наступал рассвет.

Проспал Нино до обеда.

Проснувшись, он наспех поел и выскочил на улицу. Никого из ребят он не встретил. Не было видно и взрослых. Село будто вымерло. Только на площади, у общины, гремела музыка. Странное дело! Праздника сегодня нет. В пору жатвы и свадьбы не справляют. Чего же музыка гремит? И Нино отправился на площадь.

Но и там народу не оказалось. Перед общиной стоял староста Крючок в окружении нескольких полицейских и жандармов. Чуть в сторонке играл военный духовой оркестр. А на шелковичном дереве...

— Человек! — ахнул Нино.

Он взгляделся: да, повешен человек! В измятой одежде, босой, на груди дощечка. На дощечке выведено крупными буквами: «Это ждет всех партизан».

— Партизан?! — пролепетал мальчишка.

— Партизан, легавый щенок, партизан! — зло бросил кто-то.

Нино оглянулся. За его спиной стоял незнакомый мужчина. Мальчишка хотел было оправдаться, но крестьянин смотрел на него с такой ненавистью, что Нино поспешил уйти.

Он зашагал к дому. Нехорошо стоять тут и смотреть на повешенного, когда все люди попрятались по домам. Жаль, что отец этого не понимает: вертится возле общины. И чего не уйдет оттуда! Похоже, он нарочно вертится возле старосты, доказывает свою преданность.

Нино вернулся домой. Брата не было, тот взял коня и уехал на виноградники. Мальчишке не сиделось на месте. Да и не хотелось слушать материнских причитаний.

Он снова вышел на улицу и зашагал к околице. О чем бы он теперь ни думал — о своем отце или о сборщике налогов Николе, об Иванке или об ее отце, перед глазами у него стоял повешенный партизан.

Нино вдруг остановился и с недоумением посмотрел на красивые дощатые ворота, старательно покрашенные рукой доброго мастера. Да это же дом Иванки! Как он здесь очутился? Он ведь не собирался приходить к этому дому!

Он думал, что теперь не посмеет глядеть Иванке в глаза. И вот тебе нá — пришел к ее дому! Но повернуться и уйти, не повидавшись с ней, он уже не мог: ему надо было с кем-то поделиться своими тревогами.

Мальчишка немного постоял и открыл калитку. Иванка встретила его сдержанно. Но он был рад и этому. Хорошо, что не обозвала его легавым щенком, как тот крестьянин.

— Ты уже знаешь?

Иванка кивнула в ответ:

— Его казнили еще вчера ночью, а теперь жандармы возят труп по селам, чтобы запугать народ.

— Значит, не этой ночью? — с облегчением вздохнул Нино и увидел, что Иванка улыбнулась ему.

— Я так и не понял, — снова заговорил Нино, — ты дома была или ходила туда, к лесу?..

— Все время сидела дома.

— Но почему твоя мать сказала, что тебя нет?

— Боится, когда меня спрашивают ночью.

— А там... на опушке было что-нибудь спрятано?

— Нет. Не было.

— А я... я туда ходил.

— Ходил?

— Ну да. Решил, что ты пошла туда, и тоже побежал. Одной же страшно.

— Ну и что?

— Встретил там одного человека. Он вышел ко мне из лесу. Назвался лесорубом. Но по всему видать, никакой он не лесоруб...

— С чего ты взял? Наверняка лесоруб, — заверила его Иванка.

— Но почему тогда он так... странно...

— Послушай, Нино, если ты человек честный, то поменьше любопытствуй! И... держи язык за зубами...

— Почему ты все не веришь мне, все подозреваешь... — с обидой произнес Нино.

— Ни в чем я тебя не подозреваю. Верю. Но любопытство в таких случаях опасно...

Иванка предложила Нино вместе пасти коз. И он сразу согласился. Лучше не слушать разговоров о повешенном партизане, уйти из дома куда-нибудь подальше, чтобы не видеть отца.

Они возвращались домой уже поздно вечером, в сумерках. Когда подходили к площади, Иванка неожиданно остановилась и тихо, почти шепотом сказала:

— Ты утром спрашивал, зачем я таскаю с собою пустую торбу. Я ничего тебе не ответила, промолчала. Так вот, торба не пустая. В ней букет красных роз. Я набрала их, чтобы положить к ногам повешенного партизана. Сам понимаешь, я не могу отнести туда букет. Это мог бы сделать ты. Конечно, если захочешь, если... хватит смелости. Но сначала подумай хорошенько. Дело серьезное. Конечно, можно сделать это незаметно, так что никто не догадается.

— Как?

— Значит, ты согласен?

— Да.

— Сделать это просто. Пойди домой, возьми еду для отца. Он наверняка еще не ужинал: все время крутится на площади. Положи еду в торбу, а на обратном пути, когда будешь идти мимо тутовника, незаметно положи букет у ног казненного. Завтра утром люди пойдут через площадь и увидят у виселицы алые розы. Понимаешь, какое впечатление это произведет?

— Давай сюда торбу.

Все складывалось хорошо, пока Нино не подошел к площади. Но при виде казненного партизана у него подкосились ноги. Мальчишка и сам не мог понять, почему ему так страшно. Нино казалось, что мертвец сейчас зашевелится и заговорит.

Нино невольно отпрянул от шелковицы, обошел дерево стороной и поспешно юркнул в здание общины. Отец и незнакомый жандарм сидели в кабинете сборщика налогов Николы.

— Пап, ты, наверное, проголодался. Я принес тебе поесть.

— Молодец, сынок! Давай сюда!

Нино достал из торбы завернутые в полотенце хлеб, брынзу и сало и подал ему.

— Принести отцу ужин догадался, а о другом и не вспоминаешь,— недовольно проворчал сборщик налогов.

— И другое мальчонка сполнит, Никола. Дай срок — все сполнит. Он еще зеленый, неопытный в наших делах.

- Как знать! Может, его самого уже окрутили?!
- Больше ты ничего не принес? — спросил сына Атанас.
- Нет... Ничего...

«А вдруг он спросит, что там еще в торбе? Сборщик налогов глаз с меня не сводит! Ох, спросит, обязательно спросит! Лучше поскорей уйти отсюда!»

— Постой-ка,— крикнул ему вдогонку Никола.— Что там у тебя?..

«Что там у тебя в торбе?» — с ужасом подумал Нино.

— Что там у тебя нового?

— Пока ничего, дядя Никола... — выдохнул Нино.

— Чего еще принес отцу? — допытывался сборщик налогов.

— Больше ничего. Только сало, хлеб и брынзу.

— Зачем притащил такую большую торбу? — не унимался Никола.

— Я сегодня пас коз, вот и взял эту торбу с едой,— объяснил Нино. А мысль лихорадочно работала — вот сейчас он скажет: «Меня на мякине не проведешь — я стреляный воробей. Ну-ка, покажи торбу!»

— Меня ты...

— Вот оно, начинается... — испуганно прошептал мальчишка.

— Ты что там бормочешь? — вмешался отец.

— Я... я ничего... так просто,— пробормотал Нино.

— Меня ты не проведешь, парень. Не валяй дурака, старайся лучше,— продолжал сборщик налогов.— Да смотри в оба, не теряй голову, действуй осторожней!

— Понял, дядя Никола... хорошо, дядя Никола, буду осторожней,— пообещал Нино и, пятась, вышел из канцелярии.

На крыльце он остановился, перевел дух, вытер рукавом потное лицо.

Нино оглядел площадь — ни души. Можно было спуститься с лестницы и сразу положить букет красных роз у шелковицы... Но Нино медлил. Ну как в этот момент на крыльцо выйдет сборщик налогов Никола и увидит его с цветами у тутовника? Что тогда? Его сразу же схватят и насмерть забьют! Может быть, завтра сказать Иванке, что розы положил, а ночью кто-то унес букет?

Да, но Иванку не так просто обмануть. Она сразу догадается.

Легко ей. Все ей удастся. Ему трудней! Завтра староста и сборщик налогов увидят цветы и обрушатся с бранью на отца! Куда, мол, ты смотрел, почему не видел, что творят коммунисты

у тебя под носом?! Может быть, даже выгонят со службы.

— Ты кого ждешь, малый? — грянул над ухом чей-то голос.

От неожиданности Нино вздрогнул. За спиной стоял незнакомый жандарм из города.

— Приходил к отцу. Ужин ему приносил.

— А я гляжу, чего это ты вздыхаешь? Может, жалеешь бандита, что висит на тутовнике?!

— Да я... не... У меня своих забот хватает...

— Ладно уж, не оправдывайся... — ухмыльнулся жандарм и скрылся за дверью общины.

Нино медленно спустился по лестнице. На площади было все так же тихо и безлюдно. С замирающим сердцем он подошел к шелковице. Быстро оглянулся, трясущейся рукой вытащил букет роз и торопливо положил под дерево, а потом со всех ног бросился бежать прочь, подальше от виселицы. На мгновение только он остановился, оглянулся. Эх, не кончится выдумка Иванки добром ни для него, ни для отца, ни для всего их дома! Однако вернуться к дереву и забрать розы не решился. У дома Пашкуловых Нино негромко позвал Иванку. Не дождавшись ответа, перекинул пустую торбу через ограду и помчался домой.

На следующий день Атанас Ишейка за обедом сказал Нино:

— Ну, попадись только мне мерзавец, что подкинул букет красных роз к ногам повешенного! Я ему, подлецу, пулей тут же продырявлю черепушку. Понимаешь, что эти негодяи натворили? Надсмеялись: «Вы, мол, вешаете, а мы плюем на вас!»

Нино забился в угол, опустил голову и крепко, до боли стиснул коленями кисти обеих рук.

— Кто посмел это сделать, кто?! — негодовал Ишейка, повернувшись лицом к младшему сыну. — Эх, узнать бы! Осрамили, опозорили меня: это я ведь недоглядел! Хоть бы ты мне помог... Надеялся, рассчитывал на тебя, а ты баклуши бьешь... Олух несчастный! Вот останешься без куска хлеба, узнаешь, как трудно на него зарабатывать!

Нино не поднимал головы. А в мозгу лихорадочно стучало. «Отец прав! И зачем мне понадобилось впутываться в эти дела? Чего слушаю Иванку, как глупый баран? Вот так и получается, когда живешь женским умом... Больше я ей не помощник! Дудки! Вон как отца подвел!»

«ДОЧЕРИ ПАРТИЗАНА — НЕ МЕСТО В ГИМНАЗИИ!»

Несколько мальчишек и девчонок из Старо-Железаре отправились на подводе в Карлово. Они ехали записываться в гимназию. Были среди них и Иванка с Нино.

В город они приехали перед обедом и сразу стали в очередь у гимназической канцелярии. В основном здесь были городские ребята: изнеженные, белолицые, нарядные. Но были и дети крестьян: смуглые от солнца и ветра, с мозолистыми руками, в грубой домотканой одежде и царвулях.

Каждый ждал своей очереди. Неожиданно по каменной лестнице застучали четкие шаги, зазвенели шпоры. Мальчишки и девчонки, как по команде, повернули головы. Чеканя шаг, к канцелярии, мимо длинной очереди, шел атлетически сложенный майор с черными подстриженными усиками. Справа от него мелко семенила одетая с иголки белокурая девочка. Офицер держал в руке розу, время от времени подносил ее к лицу и жмурился словно от удовольствия. Он вошел в канцелярию, как в свой дом, даже не постучавшись.

Через несколько минут дверь широко распахнулась и майор с дочерью вышли. Отец, придерживая одной рукой саблю, помахал на прощание директору гимназии. Розы у него уже не было. Ее держал в руке директор — сорокалетний мужчина с угодливой улыбкой на остром птичьем лице. Он проводил гостей до порога и, не переставая кланяться, заискивающе уверял: не извольте беспокоиться, все будет в порядке, он лично обо всем позаботится.

Иванка и Нино стояли рядом. Взглядами они проводили надменную офицерскую дочку и переглянулись: неплохо иметь такого важного родителя, которому и директор гимназии кланяется, как общинный прислужник кмету¹.

— Расфуфыренная кукла,— процедил кто-то сквозь зубы.— Ишь, сам папочка явился ее записывать!

Подошел черед Иванки. Она вошла в канцелярию. Директор сидел за столом. Он взял у девушки диплом, увидел одни пятерки, и его птичье лицо засияло.

— Молодец! Такие ученики нам и нужны!

Он передал диплом секретарю и, повернувшись к Иванке, сказал:

— После обеда внеси плату за учебу кассиру гимназии.

¹ К м е т — староста.

Иванка и Нино вышли во двор, чтобы там подождать остальных старо-железарских ребят.

Во дворе гимназии стояла белокурая дочь офицера со своей подружкой. Нино торопливо прошел мимо, окинул ее завистливым взглядом, а вслух пренебрежительно бросил:

— Кукла городская!

Девочка поджала губы, готовая заплакать от обиды. Но не заплакала, а презрительно процедила:

— Деревня неотесанная!

— Ну, ты, полегче, а то я тебе пообщипаю перышки!

— А я скажу папе, и он тебе голову оторвет!

— Пусть только посмеет!

— Еще как посмеет! Он командует целым отрядом.

— Ну и что с того, что командует? Велика важность!

— А вот и велика! Его солдаты окружили горы и не дают партизанам выбраться из кольца.

— Если хочешь знать, то отец вон той девчонки без царапинки выходит из любого кольца. Он запросто может расправиться с любым офицером. Поняла теперь?!

Нино повернулся к Иванке, довольный, что так ловко утер нос надменной горожанке, но в глазах девочки не было одобрения.

Иванка будто окаменела. Лицо у нее стало бледнее полотна. Нино почувствовал, что сболтнул что-то лишнее.

Они молча глядели друг на друга, а офицерская дочка круто повернулась на каблуках и побежала в канцелярию гимназии.

Старо-железарские парни и девчонки расположились во дворе гимназии, чтобы пообедать. Они развязали узелки, достали хлеб, брынзу. Ели молча, без привычных шуток, словно предчувствуя какую-то беду.

После обеда они гурьбой отправились к кассе вносить плату за обучение. Приняли всех, только свидетельства Иванки у кассира не оказалось. Худощавый мужчина за окошечком лишь пожал плечами:

— Откуда я знаю, где твое свидетельство?

Иванка пошла к директору; тот глянул на девочку поверх очков, и на его остром птичьем личике заиграла насмешливая улыбка:

— Твой отец партизан?

— Да.

— Чего же ты хочешь? Неужели думаешь поступить в гимназию? Марш отсюда, чтоб и духу твоего здесь не было! Дочери партизана — не место в гимназии!

Он брезгливо сморщился и швырнул свидетельство Иванки ей под ноги. Девочка молча подняла его и вышла из кабинета. У нее не было сил сказать директору хоть слово. Мысли в голове перепутались. Ее гнали из учебного заведения, как гонят из господского дома чужую собаку. И все из-за болтовни Нино, из-за подлости офицерской дочки.

Нино ждал Иванку в коридоре. Когда она вышла от директора, он пошел рядом. Опустив голову и запинаясь, заговорил: — Я ж не думал, что она окажется такой подлой... Ябеда! Я просто хотел утереть ей нос. Очень уж расхвасталась своим отцом...

Иванка ничего не ответила. Конечно, Нино сболтнул лишнее не из злого умысла. И все-таки она не могла побороть в себе обиду и боль. Теперь ей не видать гимназии! Придется вернуться в село; в последнее время каждый день приносит ей все новые и новые беды...

До возвращения в Старо-Железаре оставалось еще немало времени: подвода должна была подъехать позже. Старо-железарские мальчишки и девчонки решили побродить по городу. Они гуляли по бульварам, останавливались и разглядывали витрины магазинов. Иванка зашла в книжную лавку и купила необходимые учебники для первого года обучения в гимназии. Девочка твердо решила заниматься дома самостоятельно, чтобы весной сдавать экзамены вместе со всеми гимназистами.

На постоянный двор она пришла с кипой учебников под мышкой. В закопченную корчму входили озабоченные крестьяне. Они вздыхали, охали, ругали горожан. Иванка частенько слышала в селе нелестные отзывы крестьян о карловских торговцах, адвокатах, лавочниках и корчмарях. Но от отца знала, что в городе есть и хорошие и плохие люди. А вот она сама не встретила здесь ни одного хорошего человека и чувствовала себя беспомощной. Город показался ей чужим и враждебным. Ей вдруг захотелось поскорее уехать отсюда, вернуться домой, в Старо-Железаре.

Иванка не знала, что всего через несколько дней она снова окажется в Карлово. Но уже не по собственной воле...

В КАРЛОВСКОЙ ТЮРЬМЕ

В последнее время Иванка редко показывалась на улицах села. Она рано утром уходила с матерью в поле, вечером помогала ей по хозяйству, ухаживала за скотиной и птицей.

На игры времени не оставалось. Изредка, взяв с собой Шаро, она выгоняла на луг козу. Но и тогда старалась не встречаться с другими ребятами, которые пасли овец, волов и коз. Девочка держалась подальше от них, пасла козу у самого леса. Обычно она отправлялась с большой торбой, доверху набитой продуктами. И возвращалась с полной торбой, но теперь в ней были дикий ревеня, щавель и другие травы. Или же тащила вязанку хвороста.

В тот вечер Иванка поливала грядки. Неожиданно с улицы донесся шум мотора. Девочка выпрямилась и поставила лейку на землю. Во двор вошли двое мужчин в гражданской одежде. Прямо-таки близнецы. Все на них было одинаковое — и шляпы, и плащи, и ботинки.

Шаро с яростным лаем бросился к незванным гостям. Иванка прогнала собаку и со смутной тревогой направилась к незнакомцам. Ноги у нее вдруг подкосились, сердце тоскливо сжалось. Остановилась шагах в десяти от «близнецов».

— Мать дома? — спросил один из них.

— Нет.

— Ладно, узнает от соседей. Пошли с нами.

Иванка не сдвинулась с места. Она хорошо помнила, что сказал ей на прощание отец: «Если почувствуешь, что тебе угрожает арест, сразу уходи. Не жди моего сигнала».

Кажется, ее собираются арестовать. Дело пахнет тюрьмой. Ведь пришли не сельские полицаи, а агенты карловской полиции. Надо уходить, но, видно, теперь уже поздно!

— Чего столбом стоишь? Иди!

Иванка шагнула вперед — босая, в стареньком ситцевом платье.

За воротами стоял закрытый черный автомобиль с темными занавесками на окнах. Шофер распахнул перед ней заднюю дверцу.

По дороге агенты говорили о каком-то футбольном матче и словно не замечали девочки. А у нее в душе нарастала тревога. Все ее мускулы были напряжены до предела. Еще миг, и она вскочит и выпрыгнет из машины. Но как выбраться из этого черного сундука? В околийском полицейском управлении ее наверняка ждут ужасные пытки! Карловской охраны многие боятся, говорил ей отец.

Девочку втолкнули в камеру с сырыми стенами. Было совершенно темно. Иванка стояла у закрытой на ключ двери, не в силах сделать и шагу. Только через несколько минут, когда глаза привыкли к темноте, она разглядела в углу этого камен-

ного мешка силуэт человека. Узник лежал на охапке соломы. Человек шевельнулся, застонал и привстал на локте.

Это был пожилой мужчина, небритый, по одежде — горожанин. Он долго и пристально разглядывал девочку, потом спросил:

— Ты откуда?

— Из Старо-Железаре.

— Гимназистка?

— Нет. Весной закончила прогимназию.

— В селе еще кого-нибудь арестовали?

— Не знаю. Сюда меня привезли одну.

Узник опять пристально и долго всматривался в девочку, затем снова лег. Иванка хотела спросить, что ее ждет, но раздумала. Ни с кем говорить не надо: можно ненароком сказать что-нибудь лишнее.

Незнакомец молчал. Временами он тихо стонал. Эти глухие стоны взрослого человека вызывали у нее жалость. Иванке захотелось хоть чем-нибудь помочь ему. Она присела возле арестованного и спросила:

— Дядя, тебе больно?

— Немножко...

— А там... бьют?

Мужчина ответил не сразу. Может быть, и он опасался незнакомой девочки.

— Бьют, но держи язык за зубами. Ты чья будешь? Как зовут твоего отца?

— Тодор, Тодор Пашкулов.

— Ты дочка Тодора?! — оживился заключенный и даже приподнялся на локте. — Тогда слушай, доченька. Вот что я тебе скажу. С твоим отцом мы старые и добрые друзья. Я уже вряд ли выйду отсюда живым. Если выберешься, передай Тодору: из меня палачи не вырвали ни слова. Но он там должен знать: в наши ряды пробрался провокатор. Он все сообщает полиции. Пусть его раскроют и ликвидируют. Скажи, что ты была в одной камере с дядей Траяном. Если тебя отпустят, зайди к моей жене. Мала ты еще, но постарайся утешить ее. Мой дом найти легко.

Он объяснил, где живет, и добавил:

— Познакомься с моим сыном, он твой ровесник.

Этого человека она не знала, но он говорил как друг. Ну что ж, она тоже выдержит все пытки, не скажет палачам ни слова! Хорошо, когда рядом человек, когда у тебя с ним одинаковая судьба.

Иванка стояла посреди камеры и напряженно вслушивалась в шум и топот в коридорах. От приближающихся шагов агентов и жандармов у нее перехватывало дыхание: сейчас дверь камеры откроется и... Но вот шум в коридорах затих. Замерли все звуки и на улице. Город погружался в сон.

Наступило время, когда, как она слышала, в тюрьмах пытаются арестованных и вешают осужденных.

В полночь два уже знакомых ей агента — «близнеца», в нахлобученных на глаза мягких шляпах, привели ее в пустую комнату с голыми стенами. Здесь стоял лишь стол, покрытый газетами, да три жестких табурета. За столом сидел офицер — рослый мужчина с тонкими черными усиками. Он поднес к лицу пышную розу и нюхал ее; с кисти руки свисала на ремешке толстая плеть из бычьих жил.

Это был тот майор, которого Иванка уже видела в гимназии. Интересно, знает ли он, что ее не приняли в гимназию из-за его дочери, что его дочь донесла на нее директору? Или она сначала сообщила услышанное отцу, и майор позвонил директору гимназии?

Это тот самый майор Тотев, о котором Иванка немало слышала и от отца, и от партизан, и от односельчан. Самый злобный враг партизан и ремсисов во всей Карловской околии. Палач с белой розой в руке... Офицер впился в девочку холодными глазами и резко спросил:

— Когда ты в последний раз виделась с отцом?

— Когда его арестовали.

— И больше ни разу с ним не встречалась?

— Ни разу.

— Ты, видно, считаешь, что мы так сразу тебе и поверим? Алексей, начинай!..

И потом девочка потеряла всякое представление о часах, о днях и об окружавших ее людях. В ее затуманенном сознании негасимым огоньком горел лишь отцовский наказ: «Для врагов ты всегда должна быть немой!»

Иванку били резиновыми дубинками, привязывали к ее рукам оголенные электрические провода и пускали по ним ток. Орали:

— Ну что, еще добавить?! Будешь говорить? Говори! Признавайся!

Наклонялись к ней, чтобы услышать хоть одно слово, хоть единый стон...

Сколько прошло дней, Иванка не знала. Ей было трудно отличить день от ночи. В тюремной камере она осталась одна.

Незнакомому доброго человека, карловского рабочего, куда-то увели.

Однажды утром ее разбудил колокольный звон. Видимо, был воскресный день или церковный праздник. Иванка с огромным трудом встала и, медленно переступая, подошла к узенькому оконцу. Лицо у нее опухло и почернело. На теле виднелись кровоподтеки и синяки. На ладонях вздулись белые волдыри от пыток раскаленным железом.

Теперь девочка была похожа на маленькую старушку. Даже самые близкие, пожалуй, не узнали бы ее сейчас. Наверное, и отец с трудом смог бы узнать в этом измученном существе собственную дочь.

Колокольный звон гремел в утренней тишине. И этот несмолкаемый протяжный гул пугал Иванку. Он казался ей недобрый предвестием.

В полдень в камеру вошел майор Тотев. В правой руке он держал розу, но плети у него не было...

Через открытую дверь в каменный мешок падал свет. Иванка лежала в углу. Увидев офицера, она, опираясь руками о мокрую стену, тяжело встала, выпрямилась.

— Спрашиваю в последний раз,— с расстановкой заговорил Тотев, делая упор на каждом слове.— Скажи, кто поддерживает связь с твоим отцом?

Иванка глубоко вздохнула, но ничего не ответила.

— Если мы узнаем, что ты встречаешься с ним, в живых тебе не быть. Я уничтожу тебя. Поняла?

Девочка продолжала молчать.

— Запомни, я не шучу. Я люблю детей, люблю цветы. У меня есть дочь твоих лет, но я и ее не пощадил бы, если бы узнал, что она встречается с партизанами. Я раздавил бы ее, как этот цветок!

Майор швырнул на цементный пол розу и наступил на нее каблуком сапога. На месте розы осталось зеленоватое пятно.

— Ну, а теперь иди и помни, что я тебе сказал! — приказал Тотев.

Девочка с большим усилием сделала шаг, но покачнулась и упала на каменный пол.

Чьи-то грубые руки подхватили ее под мышки и потащили из камеры по каменной лестнице.

ОДИНОЧЕСТВО

Иванка очнулась от сильной тряски и увидела, что находится в черном полицейском фургоне, в котором ее привезли в тюрьму. Перед их домом автомобиль остановился. Агенты торопливо сбросили девочку прямо на землю и укатили. Иванка ползком добралась до калитки. Придерживаясь за каменную ограду, встала на ноги и, опираясь о стену, медленно двинулась к крыльцу. Хриплым голосом негромко позвала:

— Мама!

Никто ей не ответил.

Прибежал Шаро, радостно запрыгал вокруг, заскулил. Иванка тяжело опустилась на скамейку под абрикосовым деревом. Обняла собаку, прижалась к ней. По щекам девочки потекли слезы. Наверное, мама сейчас в поле. А может, и с ней недоброе случилось? Если так пойдет и дальше, то их дом опустеет. Останется только один верный Шаро.

Прибежала соседка, разостлала под деревом шерстяной домотканый коврик, осторожно усадила на него Иванку. Потом принесла горячее молоко, накрошила в него хлеба и стала с ложечки, будто малого ребенка, кормить Иванку.

Вечером пришла с поля тетя Илина. Увидев Иванку, она кинулась к дочери, прижала ее к груди и заплакала. Сквозь рыдания она и корила и утешала ее одновременно. В голосе матери звучали и тревога, и боль, и упрек, и ласка.

Иванка попросила позвать кого-нибудь из своих подруг. Тетя Илина рассердилась: не успела прийти в себя, на ногах стоять еще не может, а уже опять рвется к подругам. Вбила себе в голову, что если уж ее в селе нет, то и некому выполнить отцовские поручения!

— Не надо, мама,— тихо попросила Иванка.— Пойми, не могу я сейчас быть одна. Хочется увидеть подруг, развеяться, услышать от них, что происходит в селе.

Тетя Илина неодобрительно покачала головой, но все-таки пошла позвать подруг. Через полчаса она вернулась и сказала, что девочки скоро придут.

Но они не появились ни вечером, ни на другой день. Вместо них пришла мать одной из девочек — изможденная, преждевременно состарившаяся женщина. Крестьянка поздоровалась и, часто моргая, заговорила плачущим голосом:

— Иванка, душенька, не обижайся ты на нас, но оставь наших девочек в покое, не старайся с ними встречаться. Ради

бога, не накличь беду и на наши дома! Видишь, что эти изверги с тобой сделали?

Иванка молча лежала на кровати. Мать и гостья негромко разговаривали, но девочка уже не слушала их. Неожиданно горло у нее сжалось. Ей стало горько и больно. Может, оттого, что подруги не пришли ее навестить? И Нино тоже не появлялся. А может, оттого, что после страшных побоев она боялась остаться на всю жизнь калекой? Если ее еще раз арестуют, живой из тюрьмы ей не выйти. Но почему она должна погибнуть в тюрьме? Почему должна умереть так рано? Она же еще ничего не видела, ничего не узнала в жизни! Даже в гимназию ее не приняли. А ее сверстники осенью поедут в Карлово, закончат гимназию и станут учиться на инженеров, докторов, учителей. Она же останется простой пастушкой, неучем... Может быть, она действительно занимается не своими делами?

Но даже если бы ее и приняли в гимназию, то все равно бы исключили: рано или поздно узнали бы, кто ее отец.

Ее будут гнать отовсюду, все будут бояться дружить с нею.

И она останется одна-одинешенька.

Не останется, а уже осталась...

Тетя Илина проводила гостью и, вернувшись, присела на кровать к Иванке. Она погладила дочку по плечу:

— Вот тебе и на! Чего это ты расхлюпалась?! Не стоит плакать, доченька, успокойся.

Она вытирала платком мокрые щеки дочери и все говорила, говорила:

— Послушай, доченька, не надо тебе сейчас ни с кем встречаться. Сиди дома, пока окрепнешь, поправишься. А там будет видно, что делать.

Ласковый голос матери успокоил девочку, и она незаметно заснула.

Часом позже Иванка внезапно вскочила и испуганно закричала:

— Не хочу, не хочу! Я сижу дома и ни с кем не встречаюсь!

Девочка забилась в угол деревянной кровати, худенькие плечи ее вздрагивали. Встревоженная мать бросилась к Иванке. В комнате, кроме них, никого не было. Агенты-«близнецы», которые приезжали за девочкой в черной закрытой машине, просто привиделись ей во сне.

Тетя Илина обняла дочку, уложила в постель и села рядом.

— Спи, милая, спи. Не бойся, никого тут нет. Успокойся, родная. Если будешь так волноваться, то совсем расхвораться. Постарайся ни о чем не думать.

НЕЗНАКОМЕЦ

После полудня на площади слышался шум автомобильного мотора. Иванка, сидевшая на скамейке под абрикосовым деревом, насторожилась, прислушалась. Шум усиливался, приближался. Мимо дома Пашкуловых промчалась черная легковая автомашина и скрылась в конце улицы.

Иванка вскочила и испуганно бросилась в дом. Она металась по комнатам, ища, где бы спрятаться. Не найдя безопасного места, она выбежала во двор, юркнула в сарай, забралась на сеновал. Но и это убежище показалось ей ненадежным. Если полиция станет ее искать, то непременно обнаружит. И все-таки она не решилась выйти во двор, затаилась на сеновале.

Шум мотора затих. Она услышала, как в доме хлопнула входная дверь, потом снова, но уже громко. Видно, ее закрыли со злостью. Во дворе слышались легкие материнские шаги.

Иванка осторожно спустилась с сеновала, выглянула из сарая.

Мать сообщила, что жандармы арестовали двух товарищей отца. Чего доброго, и до Иванки доберутся. Лучше уж ей сидеть на сеновале. Так спокойнее. А она станет носить на сеновал еду и все необходимое. Если Иванка хочет, то и книги будет ей носить. Только бы она никуда не ходила.

Девочка послушалась и целыми днями не вылезала с сеновала. Она пряталась и от своих, и от чужих. Стоило ей заснуть или задуматься, как снова видела подвал общины, черную полицейскую машину, тюремную камеру, повешенного партизана. Девочка приходила в себя и испуганно озиралась.

В те дни полиция арестовала еще нескольких крестьян из Старо-Железаре. Стало известно, что и в соседних селах идут повальные аресты. Рассказывали о схваченных и расстрелянных партизанах. Потом все поутихло. Иванка вышла из своего убежища. Однако на улице не показывалась — сидела дома. Мать теперь одна ходила в поле.

Однажды вечером тетя Илина задержалась дольше обычного. Иванка накормила поросенка, загнала кур и закрыла курятник. Пришла на кухню и стала жарить на ужин яичницу.

Неожиданно кто-то тихо постучал в дверь. Девочка окаменела — ни жива ни мертва. Даже сообразить не успела, что же делать: спросить, кто стучится, или же спрятаться под кроватью?

Стук повторился — легкий, осторожный. И снова тревожная тишина. Нет, это не полицейские и не тайные агенты охраны. Те врываются в дом с шумом и грохотом.

Иванка робко приоткрыла дверь.

Перед ней стоял незнакомый худощавый юноша в кепке, в поношенной одежде. Его обувь, брюки, рубаха, лицо — все было покрыто толстым слоем сизой пыли. Видно, немалый путь проделал он пешком.

— Добрый вечер, — поздоровался парень.

Иванка ответила на приветствие неуверенно, настороженно. Она все еще не могла прийти в себя, не знала, как поступить: пригласить незнакомца в дом или поговорить с ним через порог.

— Ты дочка Тодора Пашкулова?

— Ну я.

— Можно войти? — спросил юноша и, не дождавшись приглашения, шагнул вперед.

В комнате гость крепко пожал Иванке руку. По внешнему виду был он вроде человек городской. Но ладони широкие, мозолистые, как у старо-железарских ребят. Сразу видно — не из маменькиных сынков...

— Меня зовут Илия. Мой отец послал меня к тебе. В карловской тюрьме вы с ним в одной камере сидели. Он рассказывал тебе обо мне. Отцу удалось бежать, когда его вели на допрос к следователю. Теперь он скрывается. Отец подробно объяснил, как найти ваш дом, так что я никого не расспрашивал — сам нашел. Мне поручено восстановить связи с ремсистойкой организацией. Из-за повальных арестов и массовых расстрелов мы растеряли многих людей. Одних схватили, другие испугались, затаились, как улитки в раковинах. Все связи оборвались. Не знаю, к кому здесь и обратиться.

— Но и я ничего не знаю... — робко встала Иванка, избегая смотреть парню в глаза.

— Если и ты не знаешь, то кто же тогда в вашем селе знает?

— Да я... я вовсе и не ремсистка, — запинаясь, оправдывалась Иванка.

— Вот тебе и раз! Как это не ремсистка? Мне хорошо известно, какие серьезные поручения ты выполняешь!

— Я не ремсистка и никого из ремсисов не знаю,— уже твердо произнесла Иванка.

— Понятно! Не веришь, боишься? Может, ты и права! Но я не враг. Ничего плохого не замышляю. Я и вправду пришел, потому что возникли большие трудности. Пароля, с которым приходят к тебе связные, я не знаю. Но если не веришь, что поделаешь, придется поискать в Старо-Железаре кого-нибудь другого. Дай хоть воды. Во рту все пересохло!

Пил он жадно, большими глотками. Потом ушел, не попрощавшись, не подав руки. Даже не оглянулся.

Иванка не пошла его провожать.

Ей строго-настрого запретили говорить о подпольных делах с людьми, не назвавшими установленного пароля. Любой провокатор, подосланный полицией, мог вести себя так же, как этот парень.

Но юноша производил хорошее впечатление. Наверное, потому она и не смела глядеть ему в глаза. Отказалась связать его с ремсистами не потому, что боялась. Она просто не желает больше заниматься опасными делами! Не желает — и все! Зачем ей снова попадать в подвал общины или в лапы карловской охраны?!

Да она просто-напросто выгнала юношу! Это ложь, неуклюжее оправдание, будто отказалась помочь человеку не из страха, а из осторожности! Она даже не сообразила: что человеку нужна была не вода, а еда. У него, видать, целый день во рту и крошки не было. И пришел он, конечно, пешком, издалека, раз весь в пыли. Теперь ему придется ходить из села в село, пока... пока его не арестуют! Такого схватить легко, ведь ему негде переждать, он же никого не знает в окрестных селах.

Иванка торопливо отломилла краюшку хлеба, завернула в полотенце и выскочила из дома.

Во дворе она столкнулась с тетей Илиной, которая сметала с царвулей пыль.

— Ты куда? — спросила она.

— Да тут, недалеко...

— Опять за свое?

— Оставь, мама, я после тебе все объясню.

— Ох, господи! Ну что мне с тобой делать!.. — сквозь слезы запричитала мать.

Иванка вышла на улицу. Юноши нигде не было. Наверное, пошел в Ново-Железаре. Надо его догнать!

Девушка обогнула село, прошла больше километра, но никого не встретила. Не мог он уйти далеко за такое короткое время. Он пошел этой дорогой или же напрямик, через виноградники и сады, подальше от любопытных глаз. Все равно деваться ему некуда, какой бы дорогой ни пошел, а есть одно местечко, через которое в любом случае должен пройти, потому что вокруг глубокие овраги.

Иванка направилась в дол, через который, по ее расчетам, юноша обязательно должен пройти. Прождала около часа. Никто не появлялся. И тогда она решила возвратиться домой.

Девочка шла медленно, вслушиваясь в каждый шорох тихой летней ночи.

Впереди показался силуэт человека. Иванка метнулась с дороги и спряталась за большим кустом. Человек шел быстро, вот он уже поравнялся с ней. Иванка узнала парня и окликнула:

— Илия!

Тот остановился.

Девочка вышла из укрытия и подошла к нему:

— Извини... я действительно сомневалась в тебе, но что поделаешь... после таких провалов и арестов...

Иванка заранее продумала, что скажет: он пришел, не зная пароля, и она не имела права связывать его с кем бы то ни было. Но, оправдываясь, она все же не призналась, что просто боялась.

Он уловил ее смущение:

— Оставь. Я бы на твоем месте, пожалуй, так же поступил.

— На, возьми! Ты же голодный! — она сунула юноше в руки сверток с едой. — Где ты пропадал?

Илия взял сверток, не ожидая приглашения. Объяснил, что ходил искать знакомого гимназиста, но долго плутал, да так и не нашел его дом. И решил больше не рисковать, не привлекать к себе внимания.

Иванка объяснила, кого надо искать в Ново-Железаре, сообщила и пароль. А о Старо-Железаре пусть он не беспокоится. Она сама сделает все, что нужно.

Они попрощались и разошлись в разные стороны.

Девочка шла неторопливо. На душе у нее было легко и радостно, как у человека, который выполнил свой долг. Она

не чувствовала усталости. Останавливалась у перекрестков, внимательно осматривала улицы, быстро перебегала их, словно пряталась от кого-то.

Эта игра с воображаемой опасностью, которая якобы подстерегает ее, доставляла ей удовольствие. Иванка чувствовала себя сильной, умелой и находчивой. Ей казалось, что она ловко обводит вокруг пальца своих преследователей.

На углу своей слободы Иванка остановилась. Ей почудился шорох. Но сколько она ни вслушивалась, сколько ни всматривалась в вечерние сумерки, никого не услышала и не увидела. Тихо двинулась вперед. Позади опять послышался шорох. И не успела она обернуться, как кто-то с силой толкнул ее в спину.

Иванка упала лицом вниз. Не успела ни головы поднять, ни вскочить или крикнуть. На нее обрушился град ударов: пинки тяжелых сапог — злобные, жестокие, без единого слова.

Сколько это продолжалось, Иванка не знала: она быстро потеряла сознание.

Измощенная женщина, которая приходила к Иванке и просила не впутывать девочек в свои опасные дела, проснулась еще затемно. Обычно она вставала перед восходом солнца. Надо успеть подоить корову, выгнать ее в стадо, управиться по хозяйству. А потом бежать в поле, на работу. Но теперь ее разбудил тоскливый и жалобный вой собаки.

Крестьянка вышла во двор. Собака выла недалеко, на соседней улице. Женщина пошла посмотреть, что там стряслось.

Выл Шаро, пес Тодора Пашкулова. Он сидел на задних лапах и, подняв морду к темному небу, выл, как волк. Рядом с ним, на земле, что-то лежало...

Пожилая женщина испуганно перекрестилась и попятилась. Лучше быть подальше от греха, не впутываться в это дело, сделать вид, будто ничего не видела и не слышала. Если ее увидят возле этого расprostертого на земле тела, хлопот не оберешься — начнутся расспросы, пересуды. Поползут по селу всякие слухи.

И она вернулась во двор, пошла в коровник. Пес продолжал выть. И женщина не выдержала, поспешила на его жалобный зов.

— О боже мой! Иванку убили! — воскликнула она, приблизившись к телу.

Крестьянка отогнала собаку и склонилась над девочкой. Иванка глухо стонала, изо рта у нее вытекала тоненькая

струйка крови. Женщина подняла девочку, но та не могла стоять на ногах. Осыпая проклятиями бандитов, она осторожно понесла Иванку на руках.

Целую неделю тетя Илина отхаживала зверски избитую дочь. Приходили в дом односельчане. Одни приносили кислого молока, другие — масла, третьи — вареную курицу.

Как-то на рассвете тетя Илина вышла во двор и вдруг под дверью увидела что-то завернутое в полотенце. Она развернула сверток — это был кувшин с медом! Кто мог оставить мед? Она и представить себе не могла, кто бы это мог сделать. В их селе пчеловодством занималось несколько человек. Но кто из них? Мед оставили ночью, днем побоялись — могут увидеть и обвинить в симпатиях к неблагонадежным.

Через два дня тетя Илина снова утром обнаружила под дверью кувшин с медом. Только теперь она сказала о таинственных подарках Иванке.

Иванку очень обрадовали эти подарки неизвестных друзей. Ничего, что люди боятся приходить днем. Важно другое! Значит, есть в селе те, кто и в эти тяжелые дни хотят помочь ей, думают о ней.

И участие незнакомых друзей для нее было дороже, чем мед.

Иванка понимала, что в селе ей постоянно угрожает опасность. Но сейчас она нужнее именно здесь. А выдержит ли она, если ее снова схватят и отправят в Карлово? Может, надо поскорее встретиться с отцом и попросить его как можно быстрее переправить ее в партизанский отряд?

А пока Иванка решила построить себе тайник, чтобы ее опять не застали врасплох. Дядя Ангел посоветовал выкопать яму для тайника в дальнем углу сада, под грудой бревен. Поздно ночью пришли два парня и стали копать яму. Иванка относилa землю и разбрасывала ее по всему саду. Тетя Илина дежурила у ворот, чтобы полиция не нагрянула внезапно.

БАТРАЧКА СВЯЩЕННИКА

Обычно по утрам сельский священник ходил по двору, занимался хозяйством, а в полдень отправлялся в поле, где работал батрак. И в это утро он, как обычно, обходил дворовые постройки — без рясы, без головного убора, в одной рубашке.

— Сатана длиннобородая! Утроба ненасытная! Ешь за двоих коров, а молока даешь только кружку. Ну, погоди,

придет твой судный час, пушу тебя под нож. Стой смирно, дьявол рогатый, хватит верещать! — бранил он козу.

На улице заблеяла чья-то коза, и поповская «ненасытная утроба» ответила ей радостно и громко.

— Реви, реви, окаянная! Все бы тебе носиться по полянам. Вот продам тебя, узнаешь, почем фунт лиха. Никто за тобой не станет так ухаживать...

Священник выглянул на улицу. Пастушка вела на длинной веревке белую козу. Поп подошел к ограде.

— Эй, чадо, ты чья будешь? Не Тодора ли Пашкулова?

— Его.

— Ты каждый день пасешь свою козу?

— Каждый день.

— Услыхал господь мою молитву! Ты-то мне и нужна. Попаси и мою обжору ненасытную. Дома травы на нее не напасешься. За работу моя попадья даст тебе какое-нибудь старое платишко. Тебе или матери сгодится.

Иванка пропустила мимо ушей поповскую болтовню о старом платье. Заметив, что девочка раздумывает, поп еще пуше стал уговаривать ее.

— Ладно, батюшка, согласна.

— Вот и хорошо! — обрадовался поп. — А то этот косматый дьявол и мои царвули сожрет.

Поп поспешно отвязал козу и вывел ее за ворота. Вернувшись во двор, он пошел к сараю и тихонько запел что-то веселое.

Вечером Иванка рассказала дяде Ангелу, что поп попросил пасти его козу. Дядя Ангел неожиданно очень обрадовался:

— Иванка, а ты бы не согласилась поработать у попа? Стать чем-то вроде батрачки?..

— Служить попу?! Да я скорее останусь голой, босой и голодной, чем соглашусь на такое!

— Завидного в этом мало, но для дела было бы полезно...

На следующее утро, принимая от священника «ненасытную утробу», Иванка как бы между прочим сказала:

— Батюшка, может, вам еще что надо делать? Я умею и жать и копать. Могу и бахчу посторожить...

— Вот хорошо, чадо! — обрадовался поп. — Будешь сторожить свою бахчу, поглядывай и за моей. Мы же соседи! А то детвора слишком шалит. И ты устраивайся прямо в моем шалаше.

«Мне как раз этого и надо!» — подумала девочка и с готовностью согласилась:

— Ладно, батюшка, буду и вашу козу пасти, и бахчу сторожить. А за работу заплатите, сколько не жалко.

— Первый раз слышу такое! — удивился поп. — Ты всегда нанимаешься на работу, не торгуясь?

— Я, батюшка, знаю, что вы человек добрый, не обманете меня. Нам сейчас тяжело без отца...

— Гм, гм, смотри, какая разумная дочка у плотника. А люди болтают всякую чепуху... Bravo, дочь моя! Беру тебя в работники и не обижу. У попадьи много всякого добра. Найдется и годная для носки одежда и обувь. Ты только старайся. И бахчу сторожи, и козу паси. А я, пожалуй, пригоню тебе и корову, поглядывай и за ней.

— Ладно, батюшка! Если нужно, могу и навоз вывезти в поле, и травы накосить и привезти.

— Надобно, чадо. Если согласна, делай и это. Трудись добросовестно, а я в долгу не останусь.

Девочка погнала коз, а поп решил, что забот у него теперь поубавится и не грех выпить за удачу рюмочку ракии: ничего, что до обеда еще далеко. Он направился к крыльцу и тихонько запел.

В первое же воскресное утро Иванка нагрузила полную телегу навоза. Священник сам взял вожжи и сел на передок телеги. Девочка примостилась сзади. Доехали до бахчи, распрягли кобылу. Иванка весело сказала:

— Батюшка, идите собирайте спелые арбузы по холодку, пока их солнце не пригрело. А с навозом я и сама управлюсь.

— Сначала помогу тебе, а после и пойду. Арбузы так быстро не согреваются.

— Идите, батюшка, идите. Я и сама управлюсь:

Иванка торопилась выгрузить навоз до возвращения попа. От напряжения и усталости у нее дрожали руки и ноги. На дне телеги лежали две большие торбы. Девочка вытащила их и, сгибаясь под тяжелой ношей, отнесла в ближайший густой кукурузник. Торопливо вернувшись, она смахнула с днища остатки навоза и не спеша направилась к священнику. Вместе погрузили на телегу арбузы, и в полдень поп уехал в село.

Стемнело. Иванка бродила возле шалаша, прислушиваясь к шорохам. Шаро, почуяв беспокойство хозяйки, поднял голову, насторожился, заскулил. Девочка привязала его у шалаша и отошла в сторонку.

В рощице слышался крик совы. Иванка приложила ладони к губам и заухала, как филин. Сова откликнулась. Девочка радостно бросилась к рощице.

Под деревом стоял парень с карабином за плечом, в тесной гимназической куртке, в солдатской пилотке. Иванка протянула ему обе руки:

— Здравствуй, Динко!

— Здравствуй, Иванка! Тебе — тысяча приветов и особый — сама знаешь, от кого. Приготовила нам чего-нибудь?

— Две торбы.

— Спасибо тебе. И молодец, что так одурачила попа.

— Ты все шутишь, а мне не до веселья. Реветь хочется! Не могу я оставаться в селе. Передай отцу, что я хочу уйти к вам, стать партизанкой. А из Старо-Железаре я все равно убегу, ведь меня могут снова арестовать.

— погоди, отчаянная голова! Ты же дисциплинированный солдат. А солдат, как тебе известно, беспрекословно выполняет приказы командира.

— Да поймите же вы наконец, что у меня сил уже не хватает...

— Ты все время говоришь, что нет сил, что не выдержишь. А держишься молодцом. Тебе что, грозит провал?

— Пока нет, но оставаться в селе я больше не хочу!

— Но ты очень нужна здесь!.. Ну, до скорой встречи. Я передам командиру наш разговор. Он и решит, что делать.

На рассвете три партизана глухими тропами пробирались к вершинам Средна-Горы. Каждый нес за плечами большую торбу, набитую продовольствием. Первым шел парень в гимназической куртке и солдатской пилотке. Светало, но в лесу еще стоял сумрак. Внезапно они услышали мужской голос:

— Прибыли!

Парни приросли к месту от неожиданности. Динко мгновенно вскинул карабин. В нескольких шагах от них, под деревом, стоял Тодор Пашкулов — в толстом шерстяном свитере, с автоматом в руках.

— Нельзя сразу хвататься за оружие, — с укором сказал он юноше.

— Мы же, товарищ командир, не видели тебя, — оправдывался Динко. — Да и далеко ты ушел от лагеря.

— Ну, рассказывайте.

Динко неторопливо и обстоятельно стал докладывать, с кем из верных людей они встречались в селах, о чем говорили. Тодор нетерпеливо переступал с ноги на ногу, кивал головой и торопил:

— Ну, а дальше?

- Дойдет черед и до Старо-Железаре.
- А ты, парень, начни с него.
- Я же докладываю по порядку... Видел Иванку. Ее пока не трогают. Она сторожит поповскую бахчу. Очень просится к нам в отряд.
- Что, грозит провал?
- Пока нет, но она настаивает, чтобы ее забрали. Я, товарищ командир, скажу откровенно: это кремь, а не девчонка! Напрасно боишься за нее. Пусть пока остается в селе и делает свое дело.
- Мальчишка ты еще, Динко,— сказал Тодор.— Ведь следят за каждым шагом девочки. Едва ли она сможет и дальше выполнять задания. Да и слишком много она перенесла. Не по годам! Теперь боится, что не выдержит пыток при новом аресте. Лучше ей быть здесь, при мне...
- Ну, если так, давай скорее заберем ее.
- Когда вы договорились встретиться?
- В воскресенье вечером.
- Вот тогда и возьмете ее с собой. Если, конечно, за эти дни с ней ничего не случится.

«И МНЕ НЕЛЕГКО...»

Давно взошло солнце. Давно уже в соседней комнате хлопотала по хозяйству мать. А Нино все лежал. Ему не спалось, думать тоже ни о чем не хотелось.

Дверь тихонько скрипнула. Нино закрыл глаза и стал дышать глубже, словно и не собирался просыпаться. Дверь так же осторожно закрылась.

Видно, мать проверяла, спит ли он. Нино приподнял голову с подушки, потянул носом — никаких запахов. А как было бы хорошо, если б мама напекла пампушек! Тогда бы он не медлил. Тогда бы он сразу вскочил с постели.

Нет на свете ничего вкуснее горячих пампушек! Пампушек из сдобного теста, еще теплых, мягких, пышных, обильно посыпанных сахарной пудрой...

Да, нет ничего лучше пампушек! Вот только в последнее время пампушки в их доме стали редким лакомством. А раз Нино не чувствует никаких вкусных запахов, куда спешить?

Дверь снова приоткрылась, и Нино опять зажмурился, притворился спящим. Сквозь ресницы он разглядел лицо матери. Похоже, она чем-то встревожена или озабочена. И чего

это она хочет, чтобы он встал? Если к добру — он встанет, а если нет, зачем торопиться?

Интересно, может ли человек, когда он что-то делает, знать заранее — к добру это или к беде? Вряд ли! Видимо, большинству людей это не дано. Вот Иванка — другое дело. Она знает, что делает и для чего. Правда, ей от этого ничуть не легче. Беды сыплются на ее голову...

Дверь в третий раз открылась. В комнату вошла мать, приблизилась к кровати. Нино опять решил было сделать вид, что спит, но неожиданно для самого себя открыл глаза.

— Проснулся?

— Ага.

— Ну, вставай.

Заставляет его вставать, а сама села на кровать и внимательно посмотрела на сына. Этот пристальный взгляд не предвещал ничего хорошего.

Сон как рукой сняло. Он привстал на локте.

— Послушай, сынок, зачем ты брал у дедушки мед?

Рука у него внезапно обмякла, и голова плюхнулась на соломенную подушку.

— Брал... Поесть...

— А куда девались кувшины?

— Да... кажется, я разбил один.

— Я что-то не видела осколков.

— Я относил...

— Кому?

Она допытывалась все настойчивее. Нино показалось, что ее взгляд — хмурый и недоверчивый — сверлит его. Было ясно, что ему так просто не отвертеться, что никакие хитрости не помогут. Мальчишка вздохнул и сказал:

— Мед я относил Иванке, когда она болела.

Он считал, что такой ответ поразит мать, что она всплеснет руками, заохает и станет ругать его. А ему вовсе не хотелось, чтобы она сердилась. Чего доброго, узнают обо всем отец и брат, и тогда спасения не жди. Но мать лишь вздохнула и тихо сказала:

— Я так и знала. Впутывает она тебя в свои дела... Ну, а если Иванка проговорится, скажет, что ты приносил ей мед? Ты подумал, что будет с нами?

— Она не знает, что это я.

— Как это — не знает?

— А так, не знает. Я носил мед ночью и оставлял его под дверью.

Мать помолчала. Она уже не смотрела на сына недоверчиво. И ему показалось, что в кротких, вечно озабоченных материнских глазах мелькнуло нечто похожее на удивление. Они как будто даже посветлели от скрытой улыбки.

— Ну, а если узнает отец?

— Узнает, если ты скажешь. Кроме тебя, никто об этом не знает.

— О-о, вон каким ты стал! — сказала мать, но в ее голосе Нино не уловил тревоги.

Мальчику захотелось поделиться с матерью:

— Ты думаешь, мне легко? Я же тебе рассказывал, что случилось с Иванкой в гимназии. Это я виноват, что ее не приняли. Да к тому же ее страшно избили. И знаешь, я почти уверен, что это сделал отец. Он хотел забить ее до смерти — навсегда разделаться с ней. Я хотел, чтобы никто не знал, что я помогаю Иванке. Потому и носил мед тайком, когда она болела. А ты сама знаешь, они теперь не то что меда, хлеба не едят вдоволь...

Мать продолжала слушать молча. Оказывается, она плохо знает своего сына...

— Будь осторожен, сынок! — со вздохом сказала она. — Не дай бог, кто узнает, беды нам тогда не миновать...

ДУШНО, КАК ПЕРЕД ГРОЗОЙ

Через несколько минут Нино вышел во двор. Брат чистил конюшню. Увидев Нино, он насмешливо спросил:

— Изволил проснуться?

— Как видишь.

— Что вам угодно на завтрак? — Старшой отвесил глубокий поклон. — Может, запрячь вороных и вы совершите утреннюю прогулку, дабы нагулять аппетит?

— Я и так голоден.

— А мне показалось, что ты в последнее время потерял аппетит!

Нино ничего не ответил. Ему не хотелось вести разговор в таком духе.

— Что происходит с тобой, малыш? Ты уже не считаешь меня своим другом?

— Похоже на то...

— Послушай, упрямец, я уже хлебнул лиха и мог бы дать тебе совет. Уж не связался ли ты с Иванкой?

Старшой стоял в дверях конюшни, опираясь на вилы, и пристально смотрел на Меньшого.

— Это твои выдумки.

— Я же вижу, что тебя терзают какие-то тайны. У нас с тобой в жилах течет одна кровь. Мне тоже в свое время пришлось делать выбор, поэтому я догадываюсь, что это за тайны.

— Никаких тайн у меня нет!

— Ладно, но может, тебе дать все же пару советов?

— Держи их при себе.

— Смотри, не пожалей после!

— Если и пожалею, тебя это не касается!

Обстановка накалялась. Разговор становился все острее. И Меньшой решил, что благоразумнее уйти.

Он вошел в кухню. Мать месила в квашне тесто.

— Хлеб собираешься печь?

— Хлеб.

Она подняла голову, и мальчишка приметил лукавый огонек в ее глазах.

— Что тебя еще интересует?

— А что меня может интересовать?

— Пампушки, например...

Мать выпрямилась, развела перепачканные тестом руки:

— И пампушек испеку, и пирог приготовлю, только ты, сынок, будь осторожен. Остерегайся всего, что может навлечь беду на наш дом. Мал ты еще. Вот вырастешь большой, доживешь до отцовских лет, тогда и поступай, как знаешь.

— Хорошо, мама, я тебя понял.

— Закончи хоть учебу, а дальше будет легче...

И мать снова принялась месить тесто.

Вскоре она позвала сыновей завтракать.

В этот момент вернулся отец — осунувшийся, небритый, жалкий. Он еще больше сгорбился, плечи у него опустились. Атанас тяжело плюхнулся на трехногий табурет.

Сыновья и мать умолкли. Ищейка не любил, когда его расспрашивали о делах. Изредка он сам рассказывал, где был, что делал, жаловался на неудачи.

На этот раз он не сказал ни слова. Напрасно они ждали, что отец расскажет, где был и почему вернулся так поздно.

Атанас попросил молока. Мать принесла глиняную крынку.

— А куда подевались кувшины? Что-то давно я их не вижу!

Никто ему не ответил.

— Перебили, а теперь скрываете?

— Я разбил один, — выдавил Нино и поперхнулся.

Мать заметила его смущение и набросилась на мужа:

— Пей из крынки, ничего с тобой не станется. Ишь расхотелся. Кувшины ему подавай!

— Да я просто так спросил! — оправдывался Атанас. — Не вижу их давно, вот и спросил...

— Ешьте, дети, ешьте! Пампушки получились вкусные. Нино, бери, сынок, ешь. Чего надулся, как мышь на крупу?

— Да я... я уже наелся, — ответил мальчишка и, ни на кого не взглянув, вышел во двор.

«Ох, какой беспокойный стал», — с тревогой подумала мать.

Нино отправился к площади. Возле бакалейной лавки стояло несколько полицейских. Дальше, у корчмы, толпились жандармы. Зачем они опять пожаловали в их село? Известно, что ищут такие люди! Уж лучше держаться подальше...

Дул ледяной ветер, холодом дышала и земля, остывшая за ночь, а Нино было жарко и душно.

Он отправился на поле, что за околицей села. Ему хотелось забраться в какой-нибудь сад, сбивать там плоды, топтать и давить их. Может, на душе полегчает. Нино казалось, будто веревки стягивают ему грудь, не дают дышать. Ему не хватало воздуха.

Но он знал, что никуда не заберется. Не хватит смелости. Он просто мямля! Если встретит на поле ребят — поиграет с ними. А если никого там не будет — погуляет немного и вернется домой. Несмотря на ссоры с братом и отцом, дома все-таки лучше. Он поможет матери по хозяйству. Ей в последнее время достается...

Ну, хорошо, он сейчас уйдет подальше от полицейских. А дальше что? Это же не спасет от беды, которая может в любой момент свалиться на его голову!

Предчувствие беды пугало Нино. И он чувствовал себя разбитым, беспомощным, совершенно неспособным что-нибудь решить или сделать. Он ненавидел самого себя.

Неожиданно из сливового сада вышла девочка с козой и собакой. Нино узнал Иванку и невольно ускорил шаги, заторопился ей навстречу.

КРЕПКОЕ РУКОПОЖАТИЕ

Иванка пообедала и легла с книгой возле шалаша. Со стороны села показалась одинокая повозка. В ней сидел человек в черной одежде.

— Поп!

Она спрятала книгу в торбу и побежала к козам. Поп не должен видеть, что она лежит и читает. Иванка сделала вид, будто занята делом. Священник позвал ее грузить арбузы. Лицо у него было мрачное. Похоже, он хотел сообщить ей плохую весть.

— Батюшка, да вы уж не захворали?

— Гм, гм... нет, я здоров.

— Сядьте и отдохните, я сама управлюсь.

Священник все пытел, вздыхал, многозначительно поглядывал на Иванку и как-то суетливо укладывал в повозку арбузы.

И только когда погрузили арбузы, он не выдержал:

— В село приехали жандармы. И что им надобно?

Жандармы! Теперь в Старо-Железаре опять пойдут аресты! В первую очередь возьмутся за тех, чьи родные и близкие ушли в партизаны, и за тех, чьи фамилии помечены красным крестиком в общинном черном списке.

— Ой, живот болит! Батюшка, может, это из-за котелка? — жалобным голосом спросила Иванка, изобразив на лице страдальческое выражение.

— Какого котелка?

— Вашего. Сегодня утром я принесла в нем бобовую похлебку. Ваша попадья дала. А когда поела, то увидела, что котелок нелуженый, медь покрылась зеленью. Теперь вот рези в животе, спасу нет...

— Вот тебе и на! Да что она, старая дура, ослепла совсем, не видела, в какую посуду похлебку наливает?! О господи, что же теперь делать?

— Надо скорее вернуться домой.

— Ну что ж, поехали. Я хотел было немного кобылу попасти. Ладно, садись скорей...

И они отправились в село. На околице Иванка сошла с поповской телеги и через сливовые сады погнала козу домой.

Выйдя из сада, она увидела Нино.

— Где ты пропадаешь? Прячешься от меня, что ли? — еще издали заговорил Нино.

— Не прячусь, а сторожу поповскую бахчу и пасу его козу.

— Ты домой?

— Куда же еще?

— Лучше зайди к кому-нибудь из подруг или спрячься за виноградниками. Переждать надо. Потом вернешься домой.

- Зачем это?
- Жандармы приехали в село.
- Знаю.
- Когда ты успела узнать, ты же еще и в селе не была?
- Такие новости сорока на хвосте носит.
- Тебя ничем не удивишь, — с сожалением вздохнул Нино.
- Отчего же, спасибо за весть.

И она повела козу дальше.

Однако в ее тоне Нино уловил настороженность. Эта девочка боится его. Сказала, что идет домой, а направилась к дому Лики.

Почему она ему не верит, все сомневается, подозревает? Да она не имеет права держаться с ним так! Нельзя, чтобы она думала, будто он хитрит. Особенно сейчас, когда ее могут снова арестовать. Держится с ним, как... как с сыном полицейского. А может, потому, что еще не знает о том, что он помогал ей?

Иванка успела отойти шагов на десять — пятнадцать. Нино догнал ее и спросил:

- Понравился мед?

Девочка остановилась. Какое-то мгновение она стояла к нему спиной, будто раздумывая о чем-то. Потом повернулась.

- Не понравился мед?
- Какой мед?
- В небольших кувшинах. Совсем свежий.

Иванка снова помолчала.

Внимательно вглядываясь в ее лицо, он понял: она что-то обдумывает и вслушивается в его голос. Эта ее недоверчивость мучила мальчишку, становилась нестерпимой.

— Это я оставлял мед под дверью. Три раза. Собака меня знает и не лает. Я не мог приходить к вам днем. Боялся, что увидят. Дедушка сказал, что мед и масло могут тебе помочь скорее выздороветь. Вот только масла достать не смог...

Иванка все так же молча и пристально смотрела на мальчишку.

Поглаживая собаку, Нино с грустью произнес:

— С Шаро мы уже давно стали друзьями, а с тобой никак не можем...

Иванка шагнула к мальчишке, кончиками пальцев коснулась его руки, которой он гладил Шаро, и тихо сказала:

— Спасибо тебе, Нино. Больше я не буду сомневаться в тебе.

— Только, может, мы никогда с тобой больше не увидимся! — воскликнул с горечью мальчишка и вдруг прикусил губу.

Это тайное опасение вырвалось неожиданно для него самого. Лицо Иванки помрачнело.

— Увидимся... Только бы... Только бы меня не арестовали снова. До свиданья, мне пора. Не знаю, что меня ждет!

Иванка взяла правую руку Нино и крепко пожала ее:

— Спасибо тебе!

— Я уже был у вашего дома, — сдерживая волнение, торопливо заговорил Нино. — Жандармов там нету. Они еще никого не арестовывали. Может, вечером... Будь осторожна... Тебе, наверно, лучше сейчас вернуться домой, а не идти к Лике...

Она кивнула головой и почти прошептала:

— Еще раз спасибо тебе, Нино!

Иванка побежала через поле, за ней помчались собака и коза.

Нино долго смотрел вслед девочке. Пальцы его левой руки невольно прикоснулись к ладони правой, словно он хотел еще раз ощутить дружеское прикосновение. Он все еще сомневался, было ли это прикосновение на самом деле или только приснилось ему. А если было, то нельзя ли сохранить его навсегда, на всю жизнь?!

СНОВА ОДНА

Дома Иванка застала школьную подругу Стану. Та была очень напугана, рассказывала, что из города нагрянуло много жандармов. И все время спрашивала:

— Что теперь будет? Что они с тобой сделают? Что теперь делать?

— Убежим из села, сейчас же, немедленно!

— А как найдем наших?

— Пустяки. Только бы успели убежать! Иди собирайся.

— Мама и старшая сестра не пустят меня.

— А зачем их спрашивать? Сколько раз мы с тобой об этом говорили?

— Как же без спроса?

— Ну, тогда оставайся с ними.

— Эх, Иванка! Думаешь, мне легко?

— Не знаю, легко ли тебе, а мне уже ничего хорошего ждать не приходится.

— И мне не слаще. Из-за старшего брата нас всех могут арестовать и отправить в Карлово.

— Тогда чего медлишь? Собирайся! Да поскорее. Я буду ждать тебя у виноградников.

— Хорошо.

Иванка забегала по комнатам, засуетилась.

— Вот твоя одежда,— услышала она голос матери.— Я приготовила ее давно, только не хочется отпускать тебя.

— Мама! Мне же опасно оставаться в селе!

— А разве в горах не опасно?

Еще весной Иванка сшила себе суконные брюки. Уже тогда девочка знала, что они ей понадобятся. Иванка натянула брюки, надела шерстяную куртку. Сунула в рюкзак краюшку хлеба и белье. Взяла и маленький маузер, из которого училась стрелять.

Тетя Илина, увидев дочь, готовую отправиться в опасный путь, не удержалась и заплакала. Ей не хотелось отпускать дочь, но и удерживать Иванку было опасно.

Иванка обняла и поцеловала на прощание мать. Крадучись вдоль плетня, огородами вышла за околицу. Нино, наверное, уже ушел домой. Кругом было безлюдно. Она подошла к виноградникам и тихо позвала:

— Стана!

Никто не ответил.

«Похоже, я пришла рано»,— подумала девочка.

Может, со Станой что-нибудь случилось? Но, скорее всего, ее просто не пустила сестра. Со стороны сельской площади слышались голоса. Яростно залаяли собаки, грянул одиночный выстрел, раздался женский крик...

По всему видно, Стана не придет. Надо уходить одной. Но где искать партизан, если уговорилась встретиться с ними только через три дня?

Иванка нерешительно направилась к селу. Она шла, останавливалась, прислушивалась, оглядывалась. Но никто не встретился ей. Девочке казалось, вот сейчас ее нагонит Стана — самая близкая ее подруга. Но, видимо, зря она ждет ее. Не придет Стана. Иванка продолжала медленно идти к дому, размышляя, как же ей быть. Если вернется домой, сегодня же вечером ее схватят и бросят в общинный подвал, а может, увезут в Карлово и снова ее будут мучить.

А чего им стоит, например, вывезти ее ночью за город и выстрелить в спину... «при попытке к бегству»...

Ей вспомнился недавний разговор с Нино.

Интересно, а Нино пошел бы с ней, если бы она ему предложила? Едва ли! Побоится. Непонятно только, кого он боится больше: отца, брата или самого себя? Не хватает у него смелости на такие опасные дела. Ни у него, ни у одной из ее подруг.

Снова она осталась одна. Одна-одинешенька! И чего она медлит, не уходит, пока не поздно?

Иванка остановилась.

В Старо-Железаре ее ждала верная гибель. Что ждет ее в лесу, она не знала. Но там вряд ли будет страшнее...

И девочка вернулась к виноградникам. Она поняла: ждать подругу бесполезно и опасно. Тяжело вздохнув, девочка зашагала на север, к горам.

Иванка ступала осторожно. Правую руку все время держала в кармане, крепко, до боли сжимая маузер. При каждом шорохе она вздрагивала и останавливалась, с замиранием сердца ждала окрика.

Виноградники кончились, и девочка вошла в акациевый лесок. Вокруг стояла тишина. Иванка устала до изнеможения. Не столько от ходьбы, сколько от нервного напряжения. Она решила немного отдохнуть и забралась в густой кустарник. Но сидеть долго не смогла: опасно, нужно поскорее добраться до гор. Она снова вскочила и зашагала к горам, не разбирая дороги, напрямик. Сейчас важно уйти как можно дальше в горы. А там она найдет своих...

Смеркалось, Иванка невольно ускорила шаги. Сколько она прошла, девочка и сама не знала. Время от времени она поглядывала в сторону Паничер, Черничева и Старо-Железаре. Там мерцали родные огоньки. Наверно, уже полночь, Иванка решила немного поспать. Легла в густой траве, подложив под голову рюкзак. Уснула мгновенно, но спала недолго. Вскочила, прислушалась: вокруг было дико и пустынно, лишь несмолкаемый звон сверчков наполнял тишину горной ночи. Иванка поняла, что она во сне чего-то испугалась, и снова легла.

Но не успела глаз сомкнуть, как опять вскочила. Шагах в двадцати от нее что-то зашуршало. Может, какой зверь? Волк или медведь? А может, и человек! Не раздумывая долго, девочка схватила рюкзак и со всех ног бросилась прочь. Шум за спиной усилился. Она понеслась что есть духу, больно ударяясь о деревья, спотыкаясь о камни и корни, падала, вскакивала и снова мчалась вперед, теряя последние силы. Неожиданно она оступилась и плашмя упала на землю.

Шум прекратился. Иванка оцепенела. Конец! Сейчас хищ-

ник набросится на нее, и никто не узнает, что она так глупо погибла в лесу...

Девочка лежала, ожидая смерти.

Зверь приближался. Станный шум! Она ясно различала стук копыт. Это ее озадачило и в то же время немного успокоило. Иванка встала, направила маузер в темноту и от страха чужим, срывающимся голосом крикнула:

— Стой! Стрелять буду!

Не дождавшись ответа, она выстрелила.

В темноте кто-то шархнулся в сторону. И тут девочка разглядела... осла!

Не веря собственным глазам, Иванка шагнула к животному. Да, перед ней стоял ослик. Девочка облегченно вздохнула. Только теперь она почувствовала, что пот заливает ей глаза. Ноги дрожат. Она не знала, что ей делать — смеяться или плакать. Подошла к животному, ощупала его спину, бока, голову. Ослик стоял спокойно и, кажется, был доволен, что обрел в этом глухом лесу друга.

Даже не ранила его! Вот так стрелок!

Хорошо хоть, никто не видел ее позора.

А этот ослик, видимо, заблудился. Увидев человека, он побежал за ним, боясь одиночества. А она бежит, чтобы остаться одной. И что они теперь будут вдвоем делать?

Иванка гладила ослика по голове, прижималась к нему щекой.

— Ну, Марко, что нам теперь делать? Пойдем каждый своей дорогой. Вдвоем идти нельзя. Тебе, может, и нужна компания, а для меня это опасно.

Ей было приятно разговаривать с живым существом, слышать собственный голос.

— Раньше и я боялась оставаться одна, а теперь надо быть одной. Так безопасней. Если бы со мной были Нино или Стана, тогда дело другое.

Она попыталась прогнать животное. Однако ослик боялся темноты и жался к ней, не желал уходить.

— Ну, тогда хоть ложись, что ли!

Но ослик не захотел и ложиться. Он ходил вокруг, видимо успокоенный присутствием человека, обнюхивал кусты и траву

Иванка улеглась в траву и, как и прежде, подложила под голову рюкзак.

Она не знала, сколько времени проспала. Разбудил ее солнечный луч, который пробивался сквозь густую листву деревь-

ев. В лесу было уже светло. Ослик, видимо, еще на рассвете ушел к своему хозяину.

Девочка вскочила и торопливо зашагала по лесу, прямо через заросли боярышника и ежевики, держась подальше от горных троп.

ПЕРВЫЙ ТРОФЕЙ

Целый день Иванка продиралась сквозь густые заросли, а никого не встретила. Ночевать она забралась в чашу.

Рано утром с восходом солнца снова отправилась дальше. И этот день прошел в бесплодных скитаниях. Девочка часто останавливалась, прислушивалась, осматривалась, но не заметила никаких признаков партизан.

В полдень Иванка присела поесть. Открыла рюкзак и ахнула: хлеб кончился. Стояла невыносимая жара, трудно было дышать, мокрая кофта прилипала к спине. Приходилось отбиваться от целых полчищ мух и слепней.

Из-за тревог и голода последнюю ночь девочка почти не спала. Чуть заалел восток, она опять двинулась в путь. Хотелось есть, но утолить голод было нечем. Иванка чувствовала, что силы покидают ее. Если она и сегодня не найдет партизан, придется вернуться домой. Девочка забиралась в малинники, однако редко находила там ягоды.

Неожиданно она услышала детские голоса. Прячась за деревьями, Иванка осторожно пошла на этот шум. На лесной поляне она увидела пастушат — двух мальчишек лет десяти. У них наверняка найдется еда. Она попросит у ребят хоть кусок хлеба, уж они-то ей не опасны.

Иванка несколько минут стояла, внимательно осматриваясь, прислушиваясь: взрослых нигде не было. Девочка смело вышла на поляну и направилась к мальчишкам. И вдруг замерла на месте — на другом конце поляны лежал человек! По виду простой крестьянин. Но рядом с ним лежали выгоревшая на солнце форменная фуражка и винтовка. Ясно, что это полевой сторож. Чуть в стороне, на сучке дерева, висела торба. По всему видно — с продуктами. Нужно ее забрать.

А сторож, видно, спит крепко. Как большинство сторожей. Да если он и проснется, она сумеет справиться с ним.

Она так проголодалась, что, пожалуй, справится не только с этим полевым сторожем, но и с целой дюжиной таких, как он. Ну, может, и не с дюжиной, а с этим-то одним наверняка...

Иванка взглянула на торбу и сглотнула слюну. Осторожно ступая, она направилась к дереву.

Девочка подошла к торбе, приподнялась на цыпочках, чтобы снять ее с сучка. И вдруг услышала за спиной торопливые шаги. Быстро оглянулась, но было уже поздно.

Грубые руки сжали ее, словно клещи. Девочка попыталась было вырваться, однако крестьянин держал ее крепко.

— Ага, попалась, голубушка? Поймал-таки я тебя! — торжествовал полевой сторож. — Ты думала, я спал, да? Как бы не так. Я все видел и стерег. Прикинулся, будто сплю, ты и попалась! Из Старо-Железаре? Дочка партизанского командира! Сбежала из села. Ну, теперь айда в общину. Я как чувствовал, что поймаю тебя, — радовался крестьянин. — За тебя обещались выдать кругленькую сумму!

Подбежали пастушата. Они тоже слышали о старо-железарской девочке. И стали упрашивать сторожа:

— Отпусти ее, дядя Рашо. Отпусти!

— Эй вы, кыш отсюда!

Но пастушата дергали его за рукав и уговаривали отпустить девочку.

Сторож разозлился и пнул мальчишку ногой:

— Пш-шел отсюда! Башку оторву!

В первую минуту Иванка так испугалась, что оцепенела. Не было никаких сил даже пальцем шевельнуть, не то что вырываться из цепких рук крестьянина. Потом мелькнула мысль: если сторож приведет ее в село — ей несдобровать. Надо действовать быстро и решительно, пока еще не поздно.

Девочка изловчилась, выхватила маузер и выстрелила в воздух:

— Убирайся прочь, негодяй!

Сторож испуганно отшатнулся и заорал:

— Караул! Убивают!

Он оглядел себя, лихорадочно ощупал руками. Крови нет и боли не чувствует. Значит, цел! И кинулся к винтовке.

Иванка еще раз выстрелила, но уже прямо под ноги крестьянину. Сторож так и присел. Не добежал до винтовки, не успел схватить ее. Девочка, не сводя маузера с дрожащего крестьянина, подошла к винтовке, подняла ее и закинула ремень за плечо.

— Значит, отведешь меня в общину и передашь властям, а? Продажная шкура! Награды захотел! Предатель!

Перепуганные пастушата снова жалобно загалдели. Но теперь они спрашивали Иванку:

— Сестрица, не стреляй в дядю Рашо! Он... он это понарошку сказал, чтобы испугать тебя,— сквозь слезы пролепетал один из мальчиков.

— Отдай ему винтовку,— просил и второй.— Он тебе ничего плохого не сделает.

— Я никому слова не скажу, что видел тебя. Истинный крест! — умолял плаксивым голосом сторож.— И они тоже будут молчать. Ведь ты понимаешь сама, проговорюсь, и меня арестуют и в тюрьму отправят. Дети останутся сиротами...

Иванка сняла было винтовку, но, увидев протянутые к ней трясущиеся руки предателя, решительно перекинула ремень через плечо.

— Винтовку я тебе не отдам. Мальчишки подтвердят в общине, что я силой отобрала ее. А мне оружие пригодится. Торбу с едой я тоже заберу. Вы все трое вернетесь в село, когда стемнеет. Если узнаю, что вы ушли раньше, пеняйте на себя.

Иванка забрала торбу. Полевой сторож и мальчишки продолжали ее упрашивать, но девочка уже не обращала на них внимания.

Шла она быстрым шагом, торопилась уйти как можно дальше от этих мест. К тому же боялась, что пожалеет этого бедняка и вернет ему оружие. А ей хотелось, чтобы в отряде ее встретили с похвалой:

«Молодец, Иванка! Ты настоящий боец. Становись в строй!»

Вступит в партизанский отряд с боевой винтовкой. Не каждый приходит в отряд с таким вот трофеем!

Девочка очень спешила и совершенно выбилась из сил. Видимо, сказалось и волнение. Иванка радовалась, что избежала страшной беды, что не выстрелила в несчастного крестьянина, но ее беспокоило и другое. А вдруг пастушата и сторож сразу спустятся в село, сообщат о ней, и там организуют погоню? Далеко ли успеет она уйти? Куда ей деваться, если она не знает дороги к своим?! И вообще, поступила она неразумно. Она ничуть не удивится, если в отряде вместо похвалы ее отругают.

Девочка шла, не останавливаясь, не отдыхая. Поднималась по горным склонам все выше и выше, удалялась от опасности, а мысли путались в голове. Имела ли она право поднимать оружие против этого бедняка сторожа? Может, он и не враг?

Она и сама сейчас не знала, могла бы она выстрелить в крестьянина. А может, она уже стала другой?

Наверное, там, куда она торопится из последних сил, она и в самом деле должна быть другой.

Трудно, ох как трудно взбираться на крутые вершины!

И все-таки девочка шла, карабкалась, падала, вставала и снова шла, не останавливаясь.

ПУСТЬ ОН РЕШАЕТ

Солнце уже садилось, когда Иванка увидела родник. Она подошла к нему и упала как подкошенная. Припала пересохшими губами к студеной струе и с жадностью стала пить. Напилась и вдруг почувствовала, что последние силы оставили ее. Какая бы опасность ей ни угрожала, она больше не может сделать ни шагу. Ей необходимо полежать, отдохнуть! Ни пить, ни есть, ни спать — ничего не надо! Только лежать, не двигаться.

За спиной у нее прошелестела сухая трава, будто прополз уж. Иванка с трудом села и вздрогнула.

Перед ней стоял парень. По одежде невозможно было определить, городской он или сельский. На нем были резиновые царвули, брюки из грубого сукна, черная куртка. Руки он держал в карманах.

— Ты кто такая? — спросил незнакомец.

— А ты кто?

— Я прохожий.

— А я прохожая.

— Ты откуда?

— Из Житницы.

— Кто тебя сюда послал?

— Много будешь знать, скоро состаришься!..

Этот человек ей не нравился. Уж не погоня ли? Ишь, учинил допрос, как следователь, измерил подозрительным взглядом с головы до пят! Плохо, ох плохо, что она сидит. Он же легко может скрутить ей руки. Вон какой крепыш! И не такой простой, как полевой сторож.

Девочка решила встать. Поднимаясь, она попыталась вытащить из кармана маузер, но парень ухватил ее за кисть правой руки и крепко сжал. Рука разжалась, и пистолет упал на землю.

— Ты эти штучки брось, я ведь могу ненароком и пристрелить! — строго сказал незнакомец и показал ей парабеллум.

Обычно такое оружие носили полицейские и тайные агенты

охранки. Но оно могло быть и у партизан. Иванка заколебалась: свой или нет?

Парень свистнул. Из-за деревьев показался второй парень, в солдатской гимнастерке, без погон, с винтовкой в руках. Он вполне мог сойти за общинного полевого сторожа. Но мог быть и партизаном! Иванка все еще не решила, как ей вести себя с этими людьми. А вдруг это погоня за ней?!

Второй парень тоже стал задавать ей вопросы. Иванка молчала. Убедившись, что расспрашивать упрямую девчонку бесполезно, они приказали ей идти вперед. Первый парень забрал винтовку и торбу, которые она оставила возле родника.

Ее повели в горы. Иванка знала: там, высоко в горах, нет никаких сел. Это немного успокоило ее. Около получаса шли молча. Потом остановились. Один из парней остался охранять пленницу, а второй скрылся за деревьями. Сумерки сгустились.

Минут через тридцать парень в солдатской гимнастерке без погон снова показался из-за деревьев. Следом за ним торопливо шагал широкоплечий мужчина невысокого роста. В вечернем сумраке трудно было его разглядеть. Но его фигура и походка показались Иванке знакомыми. Девочка невольно шагнула навстречу. А через мгновение бросилась к нему радостно.

— Папа!

Отец и дочь крепко обнялись.

Сквозь слезы Иванка взволнованно рассказывала отцу о своих мытарствах, а он, сам взволнованный, говорил:

— Не спеши, доченька, успокойся и рассказывай все по порядку. Маму и всех близких забрали. За этим жандармы и приезжали.

— Откуда ты знаешь?

— Мне положено знать все, что происходит в селах.

— И маму арестовали?

— Да.

— Может, наши люди плохо проверили? Может, она спряталась и ее не нашли?

— Хорошо бы...

— А я вот трое суток блуждала по лесам...

— Такое случается и с нами.

— Товарищ командир, полюбуйте, что она с собой принесла,— сказал парень с длинноствольным парабеллумом.

Одной рукой он подал командиру винтовку, а другой незаметно сунул маузер Иванке в карман. Словно это она сама отдала ему на время свое оружие.

— Откуда у тебя винтовка?
— Отобрала у полевого сторожа. Он хотел меня арестовать, и я чуть не пристрелила его.
— Ого, да ты у меня герой! Похоже, дочка, не подведешь меня в отряде.

Иванка прижалась щекой к отцовскому плечу и промолчала. Хорошо, что ее не расспрашивают о подробностях. Потом она сама расскажет обо всем, пусть тогда отец сам судит, где она поступила правильно, а где ошиблась...

Р О З А

Партизаны жили в землянке, обшитой изнутри густым плетнем из тонкого хвороста. Сверху ее покрывал дерн. Так что издали невозможно было узнать, что это жилище. Часовые располагались в окрестностях партизанского лагеря, на возвышенных местах, откуда можно было увидеть приближение непрошенных гостей.

Сюда редко приходили люди. Чабаны пасли овец ниже, на пологих склонах гор. Лесорубы здесь не появлялись. А лесники, как они сами признавались, не рисковали «лезть в пасть медведю». Потому появление незнакомой девочки в районе лагеря беспокоило двух часовых. И они решили, что это провокация: полиция подслала девчонку, чтобы обнаружить партизанский лагерь. Позднее этот арест Иванки вспоминали со смехом и шутками.

В первый же день пребывания в лагере Иванке дали новое, партизанское имя.

Возле землянки сидели Тодор Пашкулов (в отряде его называли Игликовым), Иванка и Герцен.

Герцен, бывший студент, а теперь опытный партизан, тоже был родом из Старо-Железаре. Его избрали политкомиссаром отряда, и он стал ближайшим помощником командира.

Худощавый, энергичный, жизнерадостный, политкомиссар часто обходил окрестные села. В свободные минуты он писал стихи, запоем читал книги, любил проводить политбеседы с партизанами, любил жаркие споры во время этих бесед.

Когда давали нелегальное имя новому партизану, Герцен предлагал имя какого-нибудь революционера, деятеля рабочего и коммунистического движения.

В это утро, после завтрака, они уселись перед землянкой.

Командир задумчиво сказал:

— Назовем тебя, дочка, Розой. Роза — лучший из цветов.
— Роза, — вмешался Герцен, — имя бесстрашной революционерки Розы Люксембург.
— Верно, комиссар, — согласился Игликов.
— Роза Люксембург, — мечтательно повторила юная партизанка.

Она невольно вспомнила слова пароля, с которым приходили к ней посланцы отряда, и все, что было связано с этим паролем. Этого ей не забыть никогда.

Иванка вскочила, вытянувшись.

— Я с честью буду носить это имя! — воскликнула она.

Отец пристально посмотрел на дочь и улыбнулся.

— Садись, дочка, и слушай. Теперь ты партизанка. В отряде ты у нас самая молодая. Внизу, в селе, жизнь трудна, но тут потяжелее. Хотя и там, в селе, ты держалась мужественно. Не посрамила отца. — Командир прижал Иванку к груди, поцеловал в голову и отвернулся, чтобы скрыть волнение. Потом глухо приказал:

— Герцен, введи ее в курс наших дел. Да проверь, как она владеет оружием.

Комиссар долго расспрашивал Иванку о жизни в селе. Девочка в свою очередь интересовалась жизнью в лесу. Незаметно наступил вечер. Сумерки окутали лагерь. Вокруг было спокойно и тихо. Однако ей почему-то казалось, что готовится операция, о которой ей не говорят, потому что ее считают ребенком.

Было начало августа, и большинство партизан спали не в землянке, а прямо на поляне, под открытым небом. Отец предложил ей лечь на его нарах, но девочка обиделась: что она, маленькая, чтобы спать на отцовских нарах! И улеглась рядом с партизанкой Райной. Она лежала с открытыми глазами, считала звезды в небе и ждала приказа выступить в поход. И... дождалась!

Команда была подана очень тихо, почти беззвучно. Чтобы она, Роза, не слышала. Но Роза вскочила раньше других партизан, закричала: «Вперед!» Но тут кто-то преградил ей дорогу.

...А в это время командир партизанского отряда Игликов услышал приглушенный крик. Он привстал на локте и увидел, что дочка подняла голову над подушкой и смотрит на него широко раскрытыми глазами.

— Папа,пусти!.. Разрешии мне... — умоляющим голосом просила она.

— Куда пустить? Что разрешить? — встревоженно спросил отец.

Девочка огляделась вокруг и вдруг сообразила: все это ей приснилось, никто ее не держит! Просто она укрыта тяжелым отцовским кожаным пальто — в горах летние ночи холодные. Она разглядела, что слева, у нее под боком, спит Райна. Она перебралась к отцу и смущенно и радостно уткнулась лицом ему в грудь, крепко обняла за шею, как делала это, когда была совсем маленькая, и затихла.

Вскоре отец услышал ее ровное и спокойное дыхание. Весь лагерь давно спал и только он не мог глаз сомкнуть. В горле застрял комок, и глаза пощипывало. Пожалуй, командир и сам не мог бы объяснить — почему. Может, виноват в том влажный ночной туман. Но Пашкулов ощущал в груди какую-то непонятную боль и в то же время смутную радость, надежду...

К Л Я Т В А

Каждый новичок, принятый в партизанский отряд Игликова, в первые же дни давал клятву. Подготовка к этому событию начиналась сразу по прибытии будущего бойца в лагерь. Игликов и Герцен, даже если хорошо знали человека, говорили с ним обстоятельно, подробно расспрашивали, почему он пришел в отряд, как представляет себе вооруженную борьбу, готов ли отдать жизнь ради спасения народа.

Такую подготовку должна была пройти и Роза. Герцен отвел девочку в сторону от землянки, долго и внимательно смотрел на нее, потом, улыбаясь, покачал головой.

— Ну, говори же, — нетерпеливо произнесла Роза. — Ты словно на весах меня взвешиваешь.

— Ты права, что-то в этом роде.

Комиссар увидел Игликова и окликнул его:

— Товарищ командир, иди сюда. Зачем ее расспрашивать? Тут случай особый. — Он пожал плечами.

— Ты все же поговори с ней...

— Нет, она еще слишком мала. Не можем же мы принимать клятву у девочки. Давай лучше зачислим ее в хозяйство, а оружие передадим кому-нибудь из старших.

Роза вспыхнула, густой румянец покрыл ее щеки. Она решительно шагнула к Герцену и срывающимся голосом спросила:

— Это у меня ты не примешь клятву? Отберешь оружие?!
Ее тихий голос не предвещал ничего хорошего. Комиссар на всякий случай отступил на шаг и озадаченно пробормотал:

— Ладно, ладно, не кипятись. Разберемся...

— Если ты так думаешь, то мы с тобой не разберемся...
Пусть весь отряд решает этот вопрос.

— Еще чего! Если мы станем собирать отряд по таким поводам, то нам придется заседать с утра до вечера.

Разговор накалялся, и Игликов поспешил вмешаться:

— Хватит, Герцен, не дразни девочку. А ты, Роза, чего ерепенишься? Не видишь, комиссар шутит? Садитесь!

Все трое сели. Командир улыбнулся:

— В нашей суровой жизни, дочка, без шуток не обойтись. Только сейчас Герцен перестарался.

— Орла ты вырастил, бай Тодор! — воскликнул комиссар. — Роза, дай руку! Не смотри на меня как на кровного врага! Мир! И давай договоримся — больше шуток и смеха! Это нам нужнее хлеба.

До конца дня Роза ходила вокруг землянки и шепотом повторяла слова клятвы.

На следующее утро пятнадцать бойцов партизанского отряда выстроились в две шеренги. Все были в чисто выстиранной и заштопанной одежде, при оружии.

Роза вышла вперед и подняла над головой сжатую в кулак правую руку.

Ни на одном школьном экзамене девочка так не волновалась, как сейчас, в это августовское утро, когда она стояла перед партизанским строем.

В ее воображении рождались героические картины. Розе представлялось, как в темную ночь партизаны пробираются мимо полицейских постов и засад, как народные мстители строят баррикады, сражаются с жандармами, занимают города и села — очищают родную землю от угнетателей. И вот наступает всенародное ликование — приходит Свобода.

Среди освободителей рабочих и крестьян — и она, самая юная партизанка. Голос Розы звенел в глухом лесу:

— Клянусь именем нашего измученного народа отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь за полное торжество правды и свободы в Болгарии!

Перед ее глазами вставали картины ее ареста. Девочка слышала свист полицейских плетей, рыдания матери. Видела направленное на нее дуло пистолета. И она твердо произносила слова клятвы:

— И если я нарушу клятву, если не устою перед врагом и проявлю малодушие, если чем-нибудь запятнаю имя бойца Народно-освободительной армии, если не выполню поручения партии и РМС, пусть навеки падет на меня народное презрение! За страх и предательство как для врага, так и для меня — всеобщая ненависть и пуля!

Роза приняла из рук отца его «черногорца» и поцеловала партизанское оружие.

Игликов обнял дочь и поцеловал ее в голову.

Потом партизаны подходили к Розе, крепко пожимали ей руку, поздравляли, дружески хлопали по плечу.

А Герцен отвел юную партизанку в сторону и шутливо заметил:

— Как это получилось — я тебе дал один текст клятвы, а ты читала совсем другой?!

Роза смутилась. Ей казалось, что все эти слова были в тексте клятвы. Но, может быть, она и добавила то, что ее волновало...

* * *

Вечером девочка читала партизанам стихи.

Партизаны сидели прямо на земле под деревьями и слушали юную артистку, вспоминали о том, что сами пережили до прихода в отряд, думали о будущих операциях и мысленно клялись быть такими же преданными своему делу, как герои стихотворений Смирненского, которые читала им Роза.

ВМЕСТЕ С ОТЦОМ

В отряде была лишь одна девушка — Райна. От отца Иванка узнала, что Райна из Родомирской околии, а училась в Пловдиве. Власти собирались ее арестовать, но девушка убежала, и друзья переправили ее в партизанский отряд.

Обе девушки быстро подружились и все свободное время проводили вместе. Роза знала, что о партизанской жизни расспрашивать нельзя, но любопытство не давало ей покоя. Они садились где-нибудь вместе, и Роза с такой мольбой смотрела на новую подругу, словно хотела сказать: расскажи о себе, о Пловдиве, о своей жизни в отряде!

Такие беседы скрашивали длинные августовские вечера.

Как-то утром партизаны расселись полукругом возле зем-

лянки. Подошел Игликов — как всегда подтянутый, чисто выбритый, строгий:

— Мы с комиссаром предлагаем приговорить к смерти предателей из окрестных сел.

Партизаны внимательно слушали имена ненавистных всем людей. Свое одобрение они выражали кивком головы или тихими односложными возгласами.

Среди названных двое были известны и Розе — это сборщик налогов Никола и полицаи Атанас Ищейка. Девочка задумалась. Они оба заслужили такой приговор. Но что будет с Нино?..

— Нельзя щадить предателей народа, — говорил командир...

Розе хотелось задать ему этот вопрос, но она не осмелилась. Раз уж принято такое решение и к тому же его огласил отец, значит, так и должно быть.

Вечерами партизаны по одному или по двое уходили вниз, в села. Там они встречались с единомышленниками, подпольщиками, беседовали с коммунистами и ремсистами. В лагерь возвращались с продовольствием, одеждой и новым оружием.

Роза хотела сходить в Старо-Железаре. Однако ей отказали: пусть сначала освоится с партизанскими порядками, научится хорошо владеть оружием.

Через месяц Игликов взял ее с собой.

Больше полугода они не были вместе. Сколько раз она мечтала о том, чтобы отец слышал и видел то, что она делает! Но он был далеко. И вот теперь, оставшись с отцом наедине, она принялась расспрашивать его обо всем, о чем в присутствии других не смела спросить.

Отец не случайно решил взять ее с собой. Пусть накапливает опыт, закаляется, учится партизанской хитрости и ловкости, слушает его беседы с крестьянами.

Встречались они с ятаками — верными помощниками партизан. Побывали в нескольких селах. Отец говорил с людьми, а она слушала. Спали они в пастушьих хижинах и в сельских домах.

Никто и не подозревал, что она девчонка. И ее одежда, и жесты, и походка — все было мальчишеское. Обыкновенный парнишка, еще ни разу не брившийся. Разве что волосы длинноваты. Но это никого не удивляло. Известно, в лесу парикмахерских нет. А на время этой операции Розе и имя дали другое, мальчишеское — Максим.

В первый день они укрывались в доме ятака в одном из

соседних сел. Поздно вечером они вошли в черную от копоти комнату. Окна были завешены домоткаными ковриками. Хозяйка пригласили гостей к столу. Угощение было небогатым для конца лета: несколько луковиц, помидоры, виноград, брынза. Да и откуда ему быть богатым в доме бедняка!

Игликов разговорился с хозяином. Роза, быстро поужинав, отодвинула от стола свой стул.

Хозяйка, женщина уже пожилая, не прислушивалась к разговору мужчин, ее больше интересовал юный партизан. Она смотрела на него с материнской жалостью. В глазах у старой крестьянки появились слезы.

— Говоришь, сынок твой? — неожиданно спросила она у Игликова.

— Единственный. Забрал в отряд, а то ведь гады погубят его, Максимом зовут.

— Максим, — повторила крестьянка и сочувственно покачала головой. — А твоя жена где?

— Она больна. Но и ее не пощадили — интернировали, отправили в другой конец Болгарии.

Утром хозяйка подала партизану узел с женской одеждой.

— Возьми, сгодится.

— Зачем нам женская одежда? — удивился Игликов.

— Для Максимки...

— Я же говорил, это мальчишка!

— Ты-то говорил, да я не слепая, вижу — мочки на ушах с дырочками. Значит, сережки носила. Вот и поняла, какой это мальчишка... На, бери, бери одежду! Вам, мужикам, не понять... Тяжко женщине в лесу среди вас...

Отец засмеялся, с благодарностью пожал руку наблюдательной крестьянке.

ВОЗМУЖАНИЕ

В начале осени 1943 года партизанский отряд Игликова увеличился вдвое. К тому времени многочисленные войска и полиция со всех сторон окружили Среднегорье.

Отряду Игликова было поручено совершить налет на одно из соседних сел.

В полдень командир отдал приказ выступать.

Партизаны двигались цепочкой, бесшумно, осторожно. К вечеру они спустились к подножию Средна-Горы, ничем не обнаружив себя.

Роза, с небольшим рюкзаком за спиной и трофейным кара-

бином, шла вместе со всеми. В кармане у нее лежал и ее маленький старый маузер. Левый сапог сильно жал, и нога болела. Наверное, она стерла ее до крови. Однако девочка не жаловалась, даже старалась не хромать. Боялась, что ее могут вернуть в лагерь.

У опушки леса партизаны сделали привал, чтобы отдохнуть перед броском. Но необходимо было выставить посты. Роза сама попросила, чтобы ее поставили часовым. Пусть все видят, что она не устала. В полночь партизанский отряд вновь вытянулся цепочкой, пробираясь через виноградники, фруктовые сады, небольшие рощицы.

На железнодорожной станции людей не оказалось. Не было и ни одного поезда. Группа партизан укрылась за порожними вагонами. Командир приказал Герцену и Розе занять дежурку. Комиссар пошел впереди, не снимая пальца со спускового крючка автомата.

Дежурный, толстенный старичок, дремал за столом. Увидев двух вооруженных людей, он испуганно вскочил и, не говоря ни слова, поднял руки вверх.

— Оружие есть?

— Не... нету.

Роза проверила ящики стола. Оружия и в самом деле не было.

Партизаны захватили вокзал без единого выстрела и двинулись к зданию общины.

Роза снова шла рядом с Герценом. На первом перекрестке они выставили патруль. Один из патрульных был еще совсем молодой парнишка.

Герцен и Роза отошли шагов на пятьдесят, когда услышали окрик:

— Стой! Руки вверх!

Это был голос молодого парня.

Прогремели выстрелы.

Герцен и Роза залегли за каменной оградой. По соседней улице пробежали два человека: наверное, ночной патруль общины. По ним открыли стрельбу, и один из бежавших споткнулся и упал. Второй, выронив винтовку, продолжал бежать.

По нему уже не стреляли.

Герцен и Роза вернулись назад, к оставленным на перекрестке партизанам. Молодой парень был тяжело ранен. Его товарищ склонился над ним и растерянно бормотал:

— Он крикнул им, приказал сдаваться... а они открыли огонь первыми...

— Чего же вы их не опередили? — сурово спросил комиссар.

— Мы же думали, что они сдадутся... — оправдывался партизан.

Раненый умер на руках у Розы.

Она приподняла его голову, расстегнула ворот рубашки, приложила ухо к груди и замерла.

— Герцен, он уже не дышит! Неужели... Герцен, неужели он?.. — ее голос задрожал.

Комиссар распорядился унести убитого, а Розе приказал следовать за ним. Но она сидела возле мертвого, оцепенев. Герцен подхватил ее под руки, поставил на ноги.

— Держись, не раскисай! Слышишь?

Перед зданием общины толпился народ. В огне большого костра партизаны жгли налоговые архивы. С балкона гремел голос отца. После него говорил комиссар.

Из толпы крестьян кто-то выкрикнул:

— А где старо-железарская девочка?

— Командир, где твоя дочка?

Роза плохо соображала, что происходит. Она смотрела на собственные руки. Ей казалось, что она все еще держит отяжелевшую голову убитого юноши.

Хорошо, что темно и никто не видит ее растерянности. Ей казалось, что на руках у нее — кровь убитого партизана. А может, это не кровь? Может, это багровые отблески пылающего костра?

Девочку вытолкнули вперед. До ее сознания дошел лишь голос отца:

— Скажи людям что-нибудь, дочка. Смелее!

Она стояла среди партизан и невидящим взглядом смотрела на крестьян, собравшихся на площади.

Чуть не плача, Роза воскликнула:

— И почему он не стрелял в них первым?!

Она почувствовала, что отец крепко взял ее за локоть. Чтобы ободрить дочь, он сказал:

— Говори смелее и громче!

Голос юной партизанки окреп:

— В наших сердцах не должно быть жалости к тем, кто поднимает оружие против народных мстителей, предатели и палачи заслуживают только ненависти и пули!

В толпе послышались одобрительные возгласы. Юная партизанка не понимала, почему люди вокруг так взволнованы. Она удивилась, что кто-то поднял ее на руки...

Отряд вернулся в лагерь в середине следующего дня. На отдых было отведено несколько часов. Партизаны почистили оружие и легли отдыхать — кто в землянке, а кто и прямо под деревьями, на листе и сухой траве. Бодрствовали только часовые. Не спалось и Розе. Она разыскала старо-железарского парня, спавшего на пастушеской бурке, толкнула его в плечо: — Горан, проснись. Ну, пожалуйста!

Молодой партизан, такой же широкоплечий и крепкий, как и ее отец, что-то пробормотал сквозь сон. Девочка стала его тормошить и не оставила в покое, пока парень не открыл глаза и не сел.

— А, это ты? Чего тебе не спится?

— Горан, не спи, пожалуйста. Пойдем, поучи меня стрелять, я хочу стрелять без промаха.

— Ладно, только сначала дай отоспаться.

— Прошу тебя, Горан! До вечера еще далеко, успеешь отдохнуть.

Роза так горячо упрашивала его, что Горану пришлось встать и отправиться с ней на стрельбище — в овраг.

Часа через два они вернулись. Роза сказала:

— Понимаешь, хочу научиться стрелять без промаха, так, чтобы ни туман, ни дождь, ни мрак не были помехой.

— Научишься,— усмехнулся Горан.

— Скажи, Горан, а скоро новая операция? Я думаю, что стоило бы совершить налет на какое-нибудь село, подальше от лагеря. Пусть враги думают, что партизанских отрядов много, что они повсюду. Чего сидеть сложа руки и ждать? Под лежащий камень вода не течет!

— Пойди и скажи это командиру.

— Пошла бы, да не могу! Был бы на его месте кто другой, не побоялась бы — пошла.

Через неделю отряд предпринял новую операцию, но она оказалась неудачной. Отряд еле вырвался. Вернувшись в лагерь, партизаны обсуждали события, и Роза была с ними.

— Что бы с нами случилось, если бы в этом селе оказались полиция и войска? Отряд был бы уничтожен. Наверное, было принято неправильное решение,— сказала девочка.

Командир пристально взглянул на нее: она говорила серьезно и смотрела строго. Командиру не верилось, что это его Иванка. Он не знал, что и делать. Радоваться ему или сердиться?

После совещания он нашел девочку возле землянки. Роза сидела на бревне и штопала разорванную куртку. Командир нерешительно остановился под развесистым буком и стал наблюдать за дочерью. Роза склонила голову над шитьем, волосы упали ей на лоб. Вид у нее был сосредоточенный, казалось, она размышляла о каком-то важном деле. Так углубленно и напряженно размышляют ее ровесники во время экзамена. Только она, похоже, стала совсем взрослой.

Игликов услышал шаги за спиной и оглянулся. Лукаво улыбаясь, к нему подходил Герцен.

— Что же это получается, командир!.. — с притворным огорчением воскликнул комиссар. — Уже и свои начинают распинать на кресте?!

Командир усмехнулся, но на шутку не ответил.

— Она мне всегда помогает, — задумчиво проговорил он наконец. — Понимаешь, вроде на моих глазах росла, а не заметил, как...

— ...как птенец расправил крылья и полетел.

— По правде сказать, Герцен, я много раз мечтал о том дне, когда она станет самостоятельной. Но это время наступило совсем неожиданно для меня. И мне почему-то немного грустно. Странная это штука — родительские радости и заботы. Кажется, ты и счастлив, а все чего-то боишься; вот и я боюсь: а вдруг какая-то беда свалится на мою девочку.

ТРУДНОСТИ

С наступлением осени пришли и первые серьезные трудности.

Солдаты и полиция прочесывали леса. Партизанские отряды вынуждены были укрываться на неприступных скалистых вершинах или уходить в другие, безопасные места. При таких непрерывных переходах да еще под обложными осенними дождями о землянках не приходилось и мечтать. Партизаны нередко вынуждены были оставлять продукты и снаряжение, люди от усталости валились с ног. Продовольственные запасы быстро таяли. А пополнять их было неоткуда: полицейские заставы и патрули держали под усиленной охраной все окрестные села. Повальные аресты привели к тому, что некоторые из помощников и связных партизан затаились, отошли от борьбы: перестали снабжать партизан продуктами и одеждой, не приходили на явки.

В отряде Игликова теперь часто довольствовались только похлебкой из муки. Партизаны усаживались вокруг закопченного котла, повар подавал одну-единственную ложку. Каждый мог зачерпнуть из котла лишь один раз и тут же передавал ложку другому. Если кто-то медлил, его торопили:

— Ешь быстрее, остальные тоже голодны.

Партизаны бродили по окрестным низинам и оврагам, обшаривали все кусты, собирали желуди. Разрывали землю вокруг пней. Иногда находили там черепки и варили их в котлах. Если попадались ужи, с них ловко сдирали кожу и пекли мясо на углях.

С каждым днем жизнь в отряде становилась все тяжелее. Люди теряли силы, болели от истощения. А дожди все не прекращались. Уже листва с деревьев спала. Голые темные ветви наводили тоску. Надвигалась зима. Каждый знал: выпадет снег, и начнутся морозы, жизнь в горах станет еще трудней.

По утрум Роза чувствовала себя разбитой. Тело казалось чужим и непослушным.

Девочка все чаще стала находить в карманах крохотные кусочки сахара. Она любила сладости и, когда выдавали такое лакомство, мгновенно съедала его. Но вскоре опять обнаруживала в кармане маленький кусочек сахара...

Роза видела, как тяжело ее отцу. Он сильно похудел, стал реже шутить. Раньше в любых походах он ухитрялся побриться. Мог побриться даже у какого-нибудь ручья, при луне! А теперь все чаще ходил заросший и хмурый.

Дочь понимала, что словами отцу не поможешь. И решила тайком класть ему в карманы кусочки сахара из своего скудного пайка. Сладости, думала она, должны дать ему силы.

Однажды отец подошел к Розе, когда она задумчиво сидела в сторонке.

— Как дела, дочка?

— Отлично.

— Вижу, что не отлично. Зачем обманываешь?

— А у тебя как, папа?

— Неважно. Надо готовиться к зиме. А полиция оборвала многие наши связи с населением.

— Почему ты не пошлешь людей в села?

— Послать легко, да только смогут ли они вернуться? Кругом шныряют полицейские патрули, всюду засады.

— Пусти меня. Я пойду одна.

Отец сидел рядом с Розой и сосредоточенно протирали масляной тряпкой свой «черногорец». Он сделал вид, будто

внимательно осматривает оружие, с увлечением чистит маузер, с которым его связывала старая и верная дружба.

— Ну, чего замолчал, говори.— Девочка положила ладонь на отцовскую руку.

— Что ты сказала?

— Не хитри, отец! Ты все прекрасно слышал.

Командир опустил глаза и вздохнул:

— Гм... Н-да...

Юная партизанка молчала. С болью в сердце смотрела она на осунувшееся родное лицо, на глубокие складки, изрезавшие его лоб, на сурово сдвинутые брови, из-под которых на нее глядели глубоко запавшие глаза.

— Видишь ли, дочка, я немного просчитался. Думал, что уже нынешней осенью мы будем встречать Красную Армию. Считал, в горах зимовать нам не придется. В отряде слишком много людей. Среди них есть и не привыкшие к суровой жизни. Тяжелые условия действуют на них плохо. Необходимо что-то срочно предпринять. Надо восстановить связь с селами, обеспечить регулярное снабжение отряда продовольствием и одеждой. Нужно ликвидировать самых отъявленных врагов народа, чтобы поднять дух населения. Ты всегда умело выходила из любого сложного, запутанного положения. На тебя я могу положиться, могу доверить тебе самостоятельное дело. Ты хорошо знаешь наших связных в селах, сумеешь найти их и поговорить. Подумай, не торопись — дело серьезное. Можешь ли ты пойти на это опасное задание?

— Могу ли я? И ты еще спрашиваешь?

— Я знал, что ты ответишь, отчаянная головушка! И все-таки ты еще раз серьезно подумай. Задание очень важное.

Он встал.

— И больше никогда не клади мне в карманы сахар. Хотя я тебя и похвалил, но не думай, что ты можешь перехитрить меня.

— Но я не...

— Ладно, ладно, не ты. Но впредь заруби себе на носу: ничего мне в карманы не клади. Я отдаю тебе свой паек, а ты мне его возвращаешь. Не забывай, жизнь меня крепко трепала, закалила. И голодать мне приходилось. А у тебя организм еще слабый, можешь и захворать. Как в этих условиях тебя лечить?

— Хорошо, папа, я больше этого не сделаю.

Партизаны отдыхали. Одни чинили одежду, другие читали, третьи собрались и о чем-то оживленно говорили. Розе хотелось быть вместе со всеми, но она боялась, что партизаны заметят ее радостное возбуждение. И девочка решила пойти и побродить по лесу.

Накануне прошел сильный дождь. Земля раскисла, в лощинах блестели лужи. В лесу стояла тишина. Даже птичьих голосов не было слышно. Только откуда-то издалека, снизу, доносились глухие удары топора, звонко стучал по сухому дереву дятел.

Юная партизанка брела по лесу, слушая приглушенный шум собственных шагов. Она не думала, куда идет, не знала, как далеко ушла от лагеря. В каком-то овражке она вдруг увидела кизилевое дерево, обрадовалась и побежала к нему. Вот какой неожиданный подарок! Девочка набрала ягод и хотела уже пойти обратно, но вдруг заметила двух мальчишек. По виду они были года на два младше ее. Быстрым взглядом Роза окинула овражек. Поблизости не было ни волов, ни овец или коз. Не слышно было и колокольчиков. Странно! Что они ищут так высоко в горах? Девочка оглядела себя с головы до пят. Ничего примечательного. Простое деревенское платье, шерстяная безрукавка, обыкновенные башмаки. Легко сойдет за пастушку.

С беззаботным видом зашагала она вперед, на ходу ловко бросая в рот спелые кизилевые ягоды. Мальчишки увидели ее и остановились. Одежда на них подозрительно оттопыривалась. Видно, они что-то прятали. Тот, что был повыше, сжимал в руке аккуратно выстроганную палку. Второй мальчишка, со следами оспы на лице, нахлобучил кепку на глаза и пугливо озирался.

— Привет! — поздоровалась Роза.

Мальчишки не ответили. Они молча, с недоверием рассматривали незнакомку.

— Вы откуда? — дружелюбно спросила девочка.

— Из Мытницы. А ты откуда?

— Я из соседнего села. Пасу телят. Да вот попался кизил, сладкий. Попробуйте, какой сладкий! — она подала обоим мальчишкам по пригоршне крупных ягод.

Мальчишки сунули ягоды в карманы, даже не попробовав.

— А ты... ты, случаем, не партизанка? — спросил тот, что повыше.

Роза громко засмеялась:

— Я? Партизанка?! Да ты видел когда-нибудь партизан? Они же обвешаны оружием с ног до головы. У каждого автомат, по два пистолета, полные карманы гранат и патронов. Ну и придумает же! Ты старший, что ли?

— Ну, я. А что?

— Как тебя зовут?

— Продан.

— А тебя?

— Николка.

— А меня зовут Розалиной.

— Так ты не партизанка,— с разочарованием протянул Продан, продолжая недоверчиво разглядывать девчонку.— А я думал, ты Иванка из Старо-Железаре. Ну, дочка командира партизанского.

— Знаю, видала ее. Мы и вправду немного похожи. Она и ростом с меня. И глаза у нас одинаковые — карие. Постой, постой, да вы не ее ли ищите?!

Мальчишки переглянулись.

— Не бойтесь, говорите.

— Скажи, а может человек встретить ее в горах? — спросил Продан.

— Может, конечно. Если не замышляет худого.

— Кто? Это мы-то?

— Во, ляпнула! Да если хочешь знать, мы как раз ее и ищем! — выпалил Николка, но Продан так стрельнул в него глазами, что паренек сник.

— Понимаешь, как тебе сказать... интересно... очень хочется увидеть ее. Мужики и бабы только об ней и говорят...

— И мне хочется ее увидеть. Но она не встречается с людьми незнакомыми, случайными. Ее же могут выдать полиции...

— Это мы-то случайные! — с возмущением воскликнул Продан.

— Ты думаешь, что ли, мы легавые, да?! Да если хочешь знать, у нас партизаны ночевали! — хвастливо выпалил Николка.

На этот раз «старший» не только сердито посмотрел на своего товарища, но и оборвал его.

— Я думаю, ее можно увидеть, но только завтра,— после некоторого раздумья сказала Роза.

— Почему завтра?

— Один чабан сказал мне, что завтра она обещала заглянуть в эти края. Спустится во-он к тем кошарам.

— Вон к тем?

— Ага.

— О-о! Туда часа два, а то и три ходу.

— Далеко?

— Нешто близко! Но ради Иванки можно и туда прийти,— согласился Продан.— Понимаешь, тяжело выбираться из села. Кругом полицаи шныряют. Еще отправят в участок.

— А что, в участке страшно?

— Спрашиваешь! Туда лучше не попадать. Мы как раз хотели кой о чем расспросить Иванку. Мы слыхали — ее разов десять арестовывали, пытали, однако ж она не призналась, словечка не сказала полицаям! Как это у ней получается? Может, какой секрет знает? Люди говорят, она ест какую-то траву и потому не чувствует никакой боли. Трава эта будто так действует, что как человека не пытай, что с ним ни делай, он молчит. Хочется нам помочь Иванке. Может, ей что-нибудь нужно.

— Отец сказал, что партизанам сейчас очень трудно,— пояснил Николка.— Он нас и послал. Отправляйтесь, говорит, в лес одни, чтобы полицаи не догадались; может, вам и удастся встретиться с партизанами.

Продан махнул рукой: мол, чего уж теперь хитрить. Ясно — они с этой девчонкой думают одинаково. Словом, свои люди.

— Ну, теперь понятно. Люди мы свои. Скажи, как нам отыскать того чабана, чтобы повидаться с Иванкой? Мы и сейчас пришли не с пустыми руками.

— Старшая сестра связала толстый свитер и велела передать его Иванке. А то уже зима на носу,— выложил Николка.

— Знаете, ребята, что мы сделаем? — чуть помолчав, заговорила Роза доверительно.— Давайте-ка мне все, что вы ей принесли. Я сама схожу к чабану. Он меня знает и поверит мне. А если мы придем все вместе, то он ничего не скажет. Я отдам ему ваши подарки, а он передаст их Иванке. Договорились? А завтра в полдень поднимитесь вон на ту вершину. Видите? Я вас буду там ждать. Вместе и сходим к чабану.

Мальчики охотно согласились и вытащили из-под одежды две торбы.

— Кто твой отец? — спросила Роза у Николки.

— Жестянщик Стойко. Мы с Проданом двоюродные братья.

— Ну, ребята, а теперь — по домам. И будьте осторожны. О нашей встрече никому ни гугу! До завтра!

И Роза зашагала к овчарне, на которую указывала маль-

чишкам. Но в первом же овражке свернула в противоположную сторону и отправилась в партизанский лагерь.

Мальчишки шли домой, возбужденно переговариваясь.

— А если эта девчонка заберет наши торбы себе? — тихо спросил Николка.

— Ну что ты! Не может быть.

— Кто знает? Может, она здорово облапошила нас. Побегит сейчас в полицию и... нас арестуют...

— Если нас схватят, то стиснем зубы и будем молчать, как Иванка. Ясно? — строго сказал Продан.

— Э-эх, вот бы отыскать такую траву, которая помогает Иванке молчать.

— Может, никакой травы и нету. Может, люди зря болтают. Если заметим, что нас хотят арестовать, сразу же уйдем к партизанам.

— А нас возьмут? Мы же маленькие!

— Если тебе угрожает арест, возьмут! — убежденно ответил Продан.

— Чего мы тогда тянем? Давай удерем к партизанам.

— Вот повидаемся с Иванкой, тогда и решим. Как она скажет, так и сделаем.

ДОПРОС В ЛЕСУ

Мальчишки пришли на условленное место вовремя. Под одеждой они опять прятали торбы с продуктами. Они долго ждали в дубовой рощице. Девчонка не появлялась. Нигде не было видно и чабана, не слышно и звона колокольчиков его отары. Продан и Николка стали озираться, но уйти не решились.

Вдруг из-за деревьев появилась их вчерашняя знакомая. Она была в той же шерстяной безрукавке, в стареньком, выгоревшем на солнце платье.

— Здравствуйте, ребята! — весело поздоровалась она.

— Ну, что? — нетерпеливо спросил Продан.

— Все в порядке.

— Что в порядке?

— Передала продукты товарищам.

— Каким товарищам? — исподлобья недоверчиво глянул на нее Продан.

Николка растерянно дернул за облупленный козырек своей кепки, отчего она совсем закрыла ему глаза.

— Товарищам, для которых вы приносили продукты.
— А где же Иванка? Мы увидим ее?
— Увидите.
— Когда?
— Когда захотите.
— Послушай, хватит нас дурачить! Говори толком! — сжав кулаки, вскипел Продан.

— Я Иванка. Куда уж ясней?!

Мальчишки опешили. Николка даже рот разинул. Переглянулись. Верить ей или не верить? А может, проучить эту языкатую девчонку, чтоб не разыгрывала их?! Так отлупят, что до своей деревни ползком не доберется!

— Пошутила и хватит! — выдавил наконец Продан, сдерживая злобу. — Чего нас за нос водишь? Смотри! Отдубасим так, что живого места на тебе не останется!

— Вы же хотели встретиться с Иванкой? Вот я и пришла. Спасибо вам, ребята, за все. Чем доказать, что я та, которую вы ищете?

— Сколько годов Иванке?
— Четырнадцать.
— Ладно. А какой класс закончила?
— Прогимназию.
— Верно. Какие оценки у ней в свидетельстве?
— Круглые шестерки.
— Точно. А сколько раз ее арестовывали?
— Три раза.
— Бреешь! Десять!
— И не брешу вовсе. Два раза арестовывали в селе и один раз приезжали за мной из Карлово.
— Ладно, пускай будет по-твоему. А какое у нее правило?
— Перед врагом — всегда молчать!
— Во, точно! А ее отец... ну, значит... твой отец, кто он?
— Был плотником, а теперь командир партизанского отряда.

— Верно! А чего ты больше всего любишь?

Этот вопрос поставил Розу в затруднение. Она улыбнулась:

— Трудно ответить. Люблю читать стихи, петь, играть в спектаклях, танцевать. Люблю читать книги. Могу целый день просидеть над книгой и даже не есть. Хотела поступить в гимназию, но меня не приняли...

Николка дернул Продана за рукав, отвел в сторону и зашептал:

— А если она про все узнала от людей, как и мы?

— Погоди ты! — отмахнулся Продан и продолжал строгий допрос: — Какой пистолет был у... с каким пистолетом была Иванка в селе?

— Вот с этим маузером, — девочка достала из кармана и показала маленький пистолет.

— Все точно! Выходит, ты и есть Иванка! Только уж больно просто, по-деревенски ты одетая...

— А ты как представляешь себе партизан? Неужели поверил, будто мы с головы до ног обвешаны оружием? На спине пулемет, на каждом плече по автомату, и карманы забиты гранатами! Ну, все, друзья! Допрос закончен! Садитесь и слушайте, что вам нужно делать...

Мальчишки торопливо сняли торбы. Продан уселся перед Розой, по-турецки поджав под себя ноги. А Николка продолжал ходить вокруг, разглядывая девочку со всех сторон. Видно, он никак не мог смириться, что это именно та девчонка, о которой по селам рассказывают столько самых невероятных историй.

— А я еще вчера догадался, что ты Иванка, но помалкивал. Вот! — вдруг с гордостью выпалил Николка.

— Не бреши! — оборвал его Продан. — Кто мне говорил: «А если эта девчонка заберет наши торбы себе? Она здорово нас облапошила...»

— Да это я просто так, понарошку сказал, — смутился Николка.

— Не спорьте, ребята! Я хочу вам сказать, что вы оба слишком неосторожны. Вчера вы совершенно незнакомой девчонке сразу выложили, куда идете, кого ищете в лесу.

— Но ты же Иванка! — растерянно пробормотал Николка.

— Я-то Иванка, да ты этого не знал. Полиция могла подослать сюда и другую девочку, похожую на меня. А вы и выложили бы ей все от начала до конца. И что было бы после, а? Соображаешь? — Роза повернулась к Николке и укоризненно добавила: — Да ты еще, похоже, любишь прихвастнуть: «Партизаны у нас ночевали!» Чего молчишь, а?..

Мальчуган ничего не ответил. Он густо покраснел и уселся у Розы за спиной.

— Зря ты так! Врага и по роже видать, — рассудительно возразил Продан. — Как бы он ни вырядился, за версту видать, что за птица. Нас не так просто обмануть...

— И все-таки, ребята, будьте осторожны! Передайте большой привет своим родителям от моего отца. Им, и только им, вы можете сказать, что виделись со мной. Ясно?

Мальчишки кивнули головами.

— Запомните крепко: о наших встречах никому ни слова!

— Будем молчать! — как клятву, произнесли мальчишки.

— Теперь о задании. Вы сможете съездить в Карлово?

— Ого куда! — присвистнул Николка. — Аж в Карлово!

— Далеконько... — заколебался Продан.

— Скажите своим отцам, что это важное задание и что его вам дал сам командир партизанского отряда. А если кто-нибудь другой спросит, куда вы идете, ответите, что к врачу.

— А если мы заблудимся или чего перепутаем? — спросил Николка.

— До железнодорожной станции дойдете пешком, а там сядете на поезд. А как добраться до станции, вам каждый объяснит. А теперь слушайте внимательно и постарайтесь запомнить адреса, которые я вам назову.

Она несколько раз повторила имена людей и адреса.

— Все понятно?

— В следующее воскресенье опять приходите сюда. Вместо меня придет другой человек. Но вы его легко узнаете. Он вернет вам пустые торбы. А теперь пора прощаться. Все сделайте так, как я сказала. И будьте осторожны!

Но мальчишкам не хотелось так быстро расставаться.

— Расскажи нам что-нибудь, — попросил Продан.

Оба уселись поудобнее и не оставили Розу в покое до тех пор, пока она не ответила на все вопросы, которые их волновали.

СРЕДИ ГОЛОГО ПОЛЯ

Розе дали задание обойти некоторые села и передать своим людям распоряжение Игликова. Никаких писем при ней не было. Связные хорошо знали ее. Достаточно было Розе явиться в дом верного человека, и тот сразу поймет: пришла дочь Пашкулова, пришла по поручению районного комитета партии.

Девочка взяла с собой оружие, а рюкзак брать не стала. Хотя уже крепко похолодало, она была лишь в шерстяной безрукавке и в старом платье. Посмотришь со стороны — обыкновенная деревенская девчонка. Идти разведнице приказали только ночью. И только находясь далеко от Старо-Железаре, она могла идти и днем, да и то лишь в крайнем случае.

Она старалась держаться подальше от больших дорог. В села пробиралась с особой осторожностью, шла самыми глухими улицами. Днем отсыпалась где-нибудь в сарае или на

сеновале. Детей она боялась не меньше, чем полицейских. Роза хорошо знала: молва о ней идет по всему району. Стоит кому-нибудь из детей увидеть ее, и всему селу будет известно.

Все, с кем она в эти дни встречалась, расспрашивали ее о жизни партизан. Роза рассказывала, и нередко получалось так, что многие партизанские дела выглядели в ее рассказах более успешными, чем были в действительности. По ее словам выходило, что и победа уже совсем близка. Может быть, уже к Новому году партизаны спустятся с гор и вернутся в села.

Некоторые из связных с неожиданной готовностью заявляли, что выполняют любое задание. Но по их чрезмерной горячности Роза понимала, что они говорят так, чтобы поскорее от нее избавиться. Если ее обнаружат у них, то и дом сожгут, и их самих в тюрьму отправят, а может, и расстреляют.

Иногда Роза слышала, как хозяйка ругает мужа: мол, он не щадит близких, готов погубить семью. Девочка понимала: все эти ссоры из-за нее. И спешила покинуть такой дом.

Однажды Роза лежала на чердаке и услышала подобную ссору. Она осторожно выбралась из своего убежища, тихонько спустилась по лестнице, вышла на улицу.

Село еще спало, но петухи уже горланили во всю мочь. Видимо, скоро наступит рассвет. Куда деваться в такое время?

Она вышла из села, но не успела отойти от последнего дома и нескольких шагов, как заметила невдалеке под деревом догорающий костер — в темноте мерцали угольки. У костра слышался говор. Наверно, это был пост общинной охраны. Охраняют село. Боятся, что могут неожиданно нагрянуть партизаны. А скорее всего, они разожгли костер для собственной безопасности — вряд ли партизаны станут поднимать лишний шум, скорее, обойдут пост стороной...

Роза осторожно обошла костер и вышла к общинному пастбищу. Но тут из кустов опять послышались голоса. Эти костра не разводили, но зато громко разговаривали. У них была своя хитрость — пусть их слышат издали и остерегаются...

Небо на востоке быстро бледнело. Нужно было спешить. Роза, крадучись, пошла вдоль плетней крайних домов села, наткнулась на какой-то овражек, промытый вешней водой, и отправилась по его руслу.

Уже совсем рассвело, когда она вышла из овражка и увидела, что находится среди голого поля: кукурузу уже убрали, землю успели перепахать. На таком открытом месте ее могут легко увидеть и сообщить в общину о подозрительной девчонке из чужого села!

Роза почти ползком добралась до тернового куста и спряталась. Отсюда все поле было видно, как на ладони. Сразу заметишь любую опасность. Но если кто обнаружит, то от пули здесь ей не уйти.

Выбора у нее, однако, не было. И она осталась в терновнике. У нее не было с собой ни воды, ни еды. Значит, весь день она будет голодной. Ну, ничего, это ей не в новинку.

Где-то далеко заржал конь. Донесся звон колокольчиков, — видно, где-то поблизости паслись овцы. Над горой, поросшей лесом, показалось солнце. Роза немного успокоилась, когда увидела, что поблизости нет дорог. Значит, людей рядом не будет. И она задремала.

Проснулась внезапно: невдалеке кто-то закашлял. Девочка испуганно приподнялась на локте.

Перед ней стояла небольшая собака с черной косматой шерстью и острой мордой. Казалось, пес недоумевал, обнаружив в терновнике девочку.

Роза поняла: это охотничья собака. Она попыталась было прогнать ее, чтобы та не привела сюда и своего хозяина. Пес дружелюбно повертел обрубленным хвостом, но с места не двинулся. Послышались тяжелые шаги. Кто-то спросил:

— Бараче, ты что там нашел? Длинноухого?

Не вставая, девочка осторожно вытащила из кармана браунинг. И еще теснее, всем телом, прижалась к холодной земле.

Шаги слышались все ближе, все отчетливее. Голос прозвучал совсем рядом:

— Ну, Бараче, шугани-ка его оттуда, пальнем по косому из двустолки.

Через густые сплетения терновника Роза разглядела сначала потрепанную фуражку, потом — небритое лицо кирпичного цвета. И вот уже на виду весь человек — здоровенный мужик в рваной одежде, с охотничьим ружьем в руках. В любой момент он мог пальнуть. Ждет, что сейчас косой выскочит из кустов... Все они, охотники, такие одержимые! Могут стрельнуть и наугад, даже по малейшему шелесту, не видя дичи!

Крестьянин подошел к терновнику шагов на пятнадцать и остановился. Видно, заметил что-то. Верный своей охотничьей страсти, он поднял двустолку... Но выстрелить не успел.

Роза крикнула:

— Не стреляй!

Крестьянин вздрогнул. Он не мог сообразить — действительно ли слышал человеческий голос или ему только почудилось. Он только таращился и часто мигал...

— А я гляжу — сереет что-то... Думал — здоровенный заяц, а выходит...

Он приставил ружье к кусту и сел в нескольких шагах от разведчицы.

— Гляди-ка, экого зайца нашел! — охотник улыбнулся. — Да убери ты свою пушку! И не бойся меня. Ты из Старо-Железаре?

Роза сунула браунинг в карман, но продолжала крепко сжимать его в руке. Как держаться с этим человеком? Друг он или враг? Она молча, изучающе рассматривала крестьянина.

— Нет, не из Старо-Железаре.

— Не скрывай! — улыбнулся крестьянин снова добродушно. — Я не слепой. Ты дочка Пашкулова. Вылитый Тодор! Знаю твоего отца, и он меня знает. В армии вместе служили.

— А хотя бы и так! Ты-то сам кто такой?

— Э-э, голуба, я-то бродяга! Брожу вот с ружьишком по горам, по долам, ловлю свое счастье. Мое дело, дочка, ясное. А вот как ты здесь очутилась?

Роза не ответила. И он сказал:

— Да не бойся ты меня! Я тебе худа не желаю. Чего это ты схоронилась посреди поля? Тут тебя враз заметят и охотники и чабаны...

— Поневоле.

— Гм... понятно. Не стану дале допытывать, чтоб не думала обо мне плохо. Дурного не замышляю. Но скажу тебе, дочка: уходи отсюда поскорей, покуда еще не поздно. Если чего надо, скажи — помогу.

— У меня нет еды...

Охотник неторопливо достал из торбы краюху хлеба, несколько стручков красного перца, две луковицы и лепешку брынзы.

— Вот все, что у меня есть. Бери! Если мало, я могу еще принести...

— Спасибо. На сегодня хватит, а потом я раздобуду. И не сердись на меня, дядя, приходится остерегаться каждого незнакомого человека.

— И ты не гневайся, дочка. Хорошо, что крикнула. Я ведь тоже мог ненароком пальнуть.

Крестьянин попрощался и ушел.

Роза долго следила за ним. Если он пойдет в сторону села, значит, предаст, если двинется к лесу — можно быть спокойной. Охотник зашагал к лесу. Однако и теперь Роза не успокоилась. Жизнь в последние недели и особенно нынеш-

ние скитания по селам заставляли ее все время быть начеку. Откуда ей знать, может, он войдет в лес, сделает круг и побегит в общину!..

Надо поскорее уходить из этой терновой ловушки, чтобы не застали врасплох. Девочка встала и решительно зашагала к лесу, на юг. Внешне она шла спокойно и даже беззаботно, как шла бы любая деревенская девчонка. Но в душе она была собрана и готова к опасностям. Ее поддерживала мысль о том, что она выполняет важное задание партизан. И, выполняя его, она приближает победу.

В САДУ АТАНАСА ИЩЕЙКИ

В пятницу ночью Роза добралась до Старо-Железаре, переночевала у родных. А в субботу вечером отправилась в сад сельского полицая Атанаса Ищейки. Она спряталась в глухом углу сада, примыкающем к улице, и стала наблюдать, кто выходит из этого дома и кто входит туда. Роза понимала, что идет на риск, но ей нужно было увидеть Нино.

Пришел домой Старшой, а Меньшого все не было.

Вернулся и Атанас Ищейка. Роза сразу узнала его по сгорбленной фигуре. Полицай прошел шагах в тридцати от нее. Девочка, увидев полицейского, вздрогнула, будто ее укололи булавкой.

Ей вспомнилось партизанское совещание, на котором были приговорены к смерти предатели народа.

Вот она, возможность, которой Роза страшно боялась. Полицейский был рядом, его можно было застрелить.

Но она не смогла выстрелить в того, кого партизаны приговорили к смерти. А ведь он дважды стрелял в ее отца, зверски избил и ее, хотел до смерти ее затоптать коваными сапогами. Этот человек принес немало горя и бед беднякам Старо-Железаре. Почему она заколебалась? Пожалела изверга? Или вспомнила, что она выполняет важное задание, что ждет не полицейского, а его сына?

Она больше не могла оставаться в саду и решила уйти. Убедившись, что улица безлюдна, Роза перемахнула через плетень и, прижимаясь к каменным оградкам и дощатым заборам, направилась к своему дому. Тяжелые мысли одолевали ее: что она скажет своим товарищам в горах, как оправдывается перед ними?!

ЧЕРНОЕ ПЕПЕЛИЩЕ

Роза остановилась перед родным домом.

На каменной ограде висело большое объявление. Девочка огляделась, подошла к объявлению, осветила его карманным фонариком и прочитала выведенные крупным, жирным шрифтом слова:

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ!

**Кто передаст властям живыми или мертвыми
Тодора Пашкулова и его дочь Иванку Пашкуло-
ву, тот получит вознаграждение в размере
100 000 левов или по 50 000 левов за каждого в
отдельности.**

Роза усмехнулась и решила прихватить с собой это объявление. Пусть полюбуются в партизанском отряде.

Оглядев улицу и не заметив никакой опасности, девочка вошла во двор. Она знала, что в доме никого нет, и все же с волнением прислушивалась: а вдруг услышит в комнатах материнские шаги.

Она взялась за ручку входной двери, нажала на нее — закрыто на ключ. Постучала в окно — гробовая тишина. Да и кто может ей ответить в этом покинутом доме?

Из ночного мрака выскочил Шаро и заскулил от радости. Она обняла собаку и прижала ее к груди.

— Охраняешь дом, дружок?

Внезапно Роза услышала шаги. Она метнулась в сторону, встала за абрикосовым деревом и властно окликнула:

— Кто идет?

— Я.

— Кто такой?

— Не узнала?

Роза сунула пистолет в карман и почти побежала к амбару. Это был Нино.

Он долго жал ей руку и, оглядев, разочарованно сказал:

— А я представлял тебя совсем другой...

— С автоматом и гранатами?

— Не знаю, но другой...

— Нашли тебя мальчишки? Ты сделал то, о чем я тебя просила?

— Как видишь — выполняю твои приказы. И где ты откопала таких сопляков?

— Случайно познакомилась. А ты не смейся над ними. Ребята отлично выполняют задания. А как ты?

— Сама видишь — стоило тебе позвать, и я сразу же прилетел. Не знал, где тебя ждать, и потому весь вечер просидел под амбаром. В компании с Шаро. Решил, что сюда-то хоть на минутку, а заглянешь.

— А что это у тебя под мышкой?

— Догадайся.

Девочка взяла из его рук пакет, развернула и увидела рядный тулупчик.

— Ты купил его?

— Ха, купил. Откуда у меня такие деньги?! Я стащил его у той, помнишь, расфуфыренной городской куклы, дочки майора Тотева. Теперь будет у тебя на зиму теплая одежда.

— Спасибо.

Девочка надела тулупчик.

— Как на меня сшито!

Они стояли под навесом амбара. Роза принялась расспрашивать Нино о жизни в городе, о гимназии, об одноклассниках. В полночь они попрощались.

Нино прошел шагов сто, когда услышал за спиной окрик:

— Стой! Стрелять буду!

Мальчишка вскочил в ближайшие ворота. Прогрели выстрелы.

Стреляли во дворе Пашкуловых. Значит, окликнули не его, а Иванку! В нее стреляли! Кто — отец или сборщик налогов? А может, кто из жандармов?

Они приехали из города и устроились в Старо-Железаре, как в собственном доме.

Нино вернулся назад.

У ворот Пашкуловых он столкнулся со сборщиком налогов. Никола был возбужден, размахивал пистолетом.

— Видел ее?

— Кого? — спросил мальчик.

— «Кого, кого!» Иванку Пашкулову, вот кого, — раздраженно крикнул сборщик налогов. — Она вошла во двор.

— Дядя Никола, это она, наверняка она. Я тут увидел одну девчонку, похожую на нее, пошел следом, но упустил.

— Потому что раззява!

— Побоялся подойти ближе. Могла пристрелить. У меня же нет оружия. Ты все только обещаешь дать пистолет, а сам так и не дал.

— Хватит болтать! Беги в общину и скажи, что она скры-

лась в собственном доме. Ну, попалась птичка! Никуда теперь от меня не уйдет! Оцепим двор и схватим ее!

— Лучше сходи сам, дядя Никола. Мне могут и не поверить. Лучше я тут спрячусь. Она поймет, что ты ушел в общину, и выйдет. А я прослежу, куда она направится.

— Ладно, спрячься за забором. Я сам пойду. Ну, попляшут они у меня!

Сборщик налогов чуть не бегом заторопился к общине.

Нино осторожно прошел во двор и тихо свистнул. Никто ему не ответил. Он еще раз свистнул, потом позвал:

— Иванка! Это я, Нино. Выходи скорее, пока не пришла полиция. Скорее, Иванка!

Безлюдный двор ответил молчанием.

Паренек направился было к сараю, но в этот момент на улице послышался топот бегущих людей, и он поспешил вернуться.

— Ну, что, не показывалась? — тяжело дыша, прохрипел сборщик налогов.

— Нет.

— Сейчас она у меня вылезет как миленькая, — злорадно прорычал Никола и крикнул: — Эй, слушай меня! Выходи, иначе подожжем весь двор!

Полиции притащили две канистры с керосином, забежали вокруг дома, облили горячим стены, окна и двери. Из другой канистры облили амбар и сарай.

В соседних дворах послышались голоса, захлопали двери, по всему селу залаяли собаки. К дому Пашкуловых стали подходить заспанные крестьяне.

У амбара кто-то чиркнул спичкой. Ярким пламенем вспыхнул пучок соломы. Какой-то жандарм поджег амбар, сарай, двинулся с пылающим факелом к дому. Вспыхнули оконные рамы и двери...

Толпа на улице, перед домом Пашкуловых, ахнула, загудела. Послышались гневные выкрики:

— Да вы хуже башибузуков! Головорезы!

— Она еще ребенок! Поймите жалость!

— Хоть бы кто барахло из дома вынес! Мужики, чего вы ждете?!

Несколько мужчин бросились во двор. Но полицейский окрик остановил их:

— Назад! В дом не входить! Буду стрелять!

Полыхали дом, амбар и сарай. Трещали стропила и балки, с грохотом рушились крыши. Огненные языки достигали вер-

шины высокого тополя во дворе, заливая кровавыми отблесками все село.

Нино, кусая губы, стоял в стороне. Он не замечал, что по его щекам текут слезы. Он боялся, что из пылающего дома выбежит Иванка, что она еще здесь, не успела уйти...

«Неужели она подумает, что это я ее выдал?..»

Дом, амбар и сарай сгорели дотла. Двор почернел от пепла и сажи. Голые деревья вытянули над пепелищем черные ветви и покачивали ими.

КАК ПТИЦА ФЕНИКС

На следующий день, в воскресенье, Нино должен был уехать в Карлово. Но он сказался больным и утром не встал с постели. Подошла мать, приложила ладонь к его лбу — мальчик и вправду весь горел.

Вечером Нино сказал, что ему стало лучше, и вышел на улицу. Ему хотелось повидаться с приятелями. Мать не пыталась его удерживать — раз легчало, пусть прогуляется. На занятия он все равно уже опоздал. Да и лучше ему побыть дома, пока не поправится окончательно. Кто за ним станет ухаживать в городе?

— Ох, сынок, не приключилась ли твоя болезнь по другой причине? — вздохнула мать, заставляя его поесть.

Нино ничего не ответил и, не поев ничего, поспешил уйти. Одна из подруг Иванки была выслана из Старо-Железаре. Другая, маленькая и робкая Лика, оставалась в селе. Ничего утешительного сказать она не могла. И Нино предложил ей отправиться с ним на поиски Иванки. Они пошли к сожженному дому Пашкуловых. В начале улицы, на перекрестке, он попросил Лику остаться и внимательно следить за улицей. Если появятся люди, пусть немедленно свистнет.

Паренек вошел во двор и остановился. Вечер был темным, безлунным.

Ах, если бы из этого черного мрака появилась Иванка... живая и невредимая! Возникла бы живая из пепла, как птица феникс!

Мальчишка даже вздрогнул от этой мысли.

Как ему хотелось услышать знакомые шаги, голос Иванки! Но двор пугал своей зловещей пустотой. Черные, обгорелые стены дома и сарая выглядели зловеще. Неожиданно откуда-то выскочил Шаро и радостно запрыгал вокруг Нино, а потом

помчался в дальний угол сада, где лежали бревна. Нино пошел следом. Пес забрался под бревна, шумно обнюхал воздух, тихо заскулил и принялся царапать лапами землю.

Мальчишка опустился на колени, разгреб хворост и старые листья и наткнулся на доски. Он постучал по ним пальцем: это была деревянная крышка тайника. Снова постучал и тихо позвал:

— Иванка! Это я, Нино. Если ты здесь, выходи, никого нет.

Крышка приподнялась. Мальчик подхватил ее и сдвинул в сторону. Шаро радостно залаял.

Снизу, из черной ямы, показалась Иванка. Такая, какой он хотел ее видеть,— целая и невредимая.

— Ты один?

— Один. Выходи скорее!

Иванка выбралась из ямы, увидела сожженный дом и вдруг заплакала горько.

— Дом...

— Уходи быстрее, пока тебя не увидели! Скорее!

Девочка не двигалась с места. Ее плечи вздрагивали. Нино взял ее за руку и вывел на улицу.

Вокруг не было ни души. Лишь на перекрестке одиноко маячила Лика.

На прощание Нино крепко стиснул локоть Иванки и подтолкнул вперед:

— Скорее уходи!..

Собака побежала за хозяйкой, но девочка строго сказала:

— Вернись, Шаро, ты можешь выдать меня.

Шаро не хотел уходить от нее. Они ведь так давно не виделись! Тогда Нино взял пса за ошейник и держал до тех пор, пока девочка не скрылась в ночи.

Роза шла неуверенно, временами ее покачивало от слабости. Двинулась она прямо через поле, через сливовые сады и виноградники — держалась подальше от дорог, где могли быть полицейские засады. Девочка выполнила задание и теперь спешила вернуться в партизанский отряд.

Нино побежал домой. Дома была одна только мать. Он попросил чего-нибудь поесть. Ел мальчишка с таким аппетитом, какого у него давно уже не было.

Мать сидела в сторонке, сложив руки на груди. Она наблюдала за сыном с тихой радостью, угадывая сердцем, что ее дитя здорово и счастливо.

— Все прошло, сынок?

— Угу,— ответил Нино, торопливо глотая пищу.

— Где же ты пропадал так долго?

— Ходил по селу.

— Ты что-то скрываешь от меня.

— А что мне скрывать? — Нино смущенно улыбнулся.

Мать глубоко вздохнула, но ничего не ответила. Помолчав, тихо сказала:

— Растете, взрослеете, а я опять остаюсь одна... Трое вас, и все трое на три стороны глядите, а я — на четвертую. Друг друга понять не можем.

— Но мы-то с тобой понимаем друг друга!

— Было время, понимали. Сердце подсказывает, что и у тебя появились свои тайны, и ты от меня что-то скрываешь.

Мальчишка ничего не ответил.

Мать снова помолчала, вытерла краешком платка набежавшие слезы и тихонько спросила:

— Жива она, сынок?

Нино так и замер, потом повернулся лицом к матери. На его губах дрогнула робкая улыбка. Он кивнул головой.

ВЫСТРЕЛЫ СО ВСЕХ СТОРОН

23 ноября 1943 года.

Густой, непроглядный туман. В двух шагах ничего невозможно разглядеть. В такую погоду лучше всего сидеть дома, в жарко натопленной комнате. А в лесу земля раскисла от непрерывных осенних дождей.

Сыро и в землянке. Но тут хоть ветер не пронизывает до костей, есть нары из плетней, застланные сухой листвой.

На часах стоял один из новичков — Веселин. Райна отпраздновала смену его на посту, но партизана на месте не оказалось. Весь отряд вышел на поиски пропавшего человека. Но тот как сквозь землю провалился!

Веселин был из тех партизан, которых приняли в отряд этой осенью. Товарищи припомнили, что в последние дни новичок выглядел угрюмым, растерянным. Может, поверил полицейским обещаниям: власти, мол, помилуют тех партизан, которые добровольно явятся в общины с повинной.

Видимо, Веселин сдался властям. Нужно немедленно уходить, оставить лагерь. Но куда пойдешь в горах в такой непроглядный туман? Где укрыться от проливного дождя, от холода и пронизывающего ветра?

Партизаны спрятали часть отрядного имущества в дуплах,

часть закопали в землю. В рюкзаки и торбы уложили только самое необходимое. Едва ли они и сами знали, куда направятся. Важно было уйти подальше от лагеря, где их теперь ждет гибель!

Как это нередко бывает в подобных случаях, отряд сбился с пути, заблудился. После многочасового перехода снова очутились в тех же местах — недалеко от села Климентово.

На опушке леса партизаны увидели пожилую женщину. Она пасла волов. Поговорили с ней и попросили на следующий день принести немного соли, спичек, ниток.

Вечером отошли подальше в горы.

Утром 24 ноября Игликов взял с собой одного партизана и сам отправился в условленное место — на встречу с крестьянкой. Трое других партизан ушли в село Черничево — проверить, сдался ли властям Веселин. Надо было знать, что делать дальше.

Пожилая женщина принесла обещанное и поторопилась уйти. Командир возвратился к товарищам.

Дней десять назад партизанский отряд разделился на две группы, чтобы легче было перезимовать. Одна группа осталась под командованием Игликова. В нее входили, кроме тройки, ушедшей в село Черничево, еще семеро партизан. Почти все они были из Старо-Железаре.

Эта семерка укрылась в густом подлеске — молодом дубняке, еще не сбросившем пожухлую листву. Никто не снимал рюкзаков, говорили шепотом, не выпускали из рук оружия.

В низине послышался неясный говор. Партизаны притихли. Через несколько минут до них донесся приглушенный голос:

— Смелее прочесывайте заросли!

— Солдаты! — прошептал Игликов.

Затаив дыхание, партизаны впились глазами в командира: каков будет приказ?

А что ему оставалось, кроме надежды, что в этой чащобе их не заметят, как это случалось уже не раз.

— Останемся здесь! — сказал Игликов и пополз вперед.

Командир слышал треск сушняка под ногами людей. Где-то прогромыхал сорвавшийся с кручи камень, раздался треск сломанной ветки. Туман стоял все такой же густой. В этой молочной мгле ничего нельзя было разглядеть. Впереди командира послышался кашель: кто-то приближался, не боясь выдать себя. Игликов залег за большим камнем, взяв автомат на изготовку, положил палец на спусковой крючок и стал ждать.

Между деревьями неясно вырисовывалась фигура солдата.

Он медленно шел, подоткнув полы шинели за пояс и опираясь на карабин, как на палку. Игликов взял его на прицел.

Солдат продолжал взбираться в гору, не подозревая об опасности. Вот он остановился, чтобы перевести дух, и тут увидел лежащего за камнем партизана. Похоже, он и глазам своим не поверил: долго всматривался и, убедившись, ахнул.

На какую-то секунду солдат оцепенел, продолжая, как близорукий, вглядываться в незнакомого человека, который взял его на мушку, но почему-то не стрелял...

Игликов свободной рукой показал солдату, чтобы тот обошел его стороной и сделал вид, будто ничего не заметил.

Солдат словно окаменел и лишился дара речи.

Партизан прошептал:

— Скажи своему товарищу, пусть возьмет еще правее.

Только услышав чужую речь, солдат пришел в себя, испуганно завертел головой. Он никак не мог сообразить, что от него хотят. Игликов повторил свою просьбу. Солдат наконец кивнул головой и крикнул:

— Эй, земляк! Здравко! Возьми правее, а то мы с тобой совсем рядом идем.

— Хорошо! — отозвался Здравко.

Солдат обогнул заросли дубняка. Он шел, втянув голову в плечи, словно ждал, что ему выстрелят в затылок.

Шаги постепенно затихли, и Игликов услышал за спиной облегченный вздох:

— И на этот раз пронесло!

— Молодец, командир. Легко отделались!

«Кажется, спасены», — подумал и командир. Но прошло каких-нибудь пять-шесть минут, и где-то впереди, откуда только что прошли солдаты, вновь послышались шаги. Наверное, двигалась вторая цепь. Значит, они в кольце!

Куда бы они теперь ни сунулись, их всюду встретят свинцом.

В таком положении самый надежный и испытанный способ — ждать. Выжидать, а там дело покажет. А если начнут по ним стрелять, партизаны ответят огнем и попытаются вырваться из окружения. Первая цепь солдат ушла к вершине горы, а вторая так и не появилась.

Напряженное ожидание показалось Игликову мучительнее самых трудных случаев из его нелегкой партизанской жизни.

Прошло еще около получаса. Внезапно со всех сторон дружно грянули выстрелы. Командир всем телом прижался к земле. Пули свистели у него над головой, ударялись о камни,

за которыми он скрывался, с тупым чмоканьем впились в стволы деревьев. Сверху на него посыпались срезанные пулями дубовые ветки. Он вдруг почувствовал резкую боль в правой ноге. Ранили!

Стрельба прекратилась так же внезапно, как и началась.

Игликов приподнял голову, чтобы осмотреться, и услышал совсем близко властный голос:

— Вы окружены! Сдавайтесь!

— Как бы не так! — ответил Игликов и прицелился. Но не успел нажать на спусковой крючок, как автоматная очередь прижала его к земле.

Снова послышался голос офицера:

— Вы окружены! Сдавайтесь, иначе мы вас уничтожим!

Командир партизанского отряда привстал, прицелился и нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Осечка! Видно, патроны за эти дождливые недели отсырели. Игликов рванул затвор на себя, патрон мягко шлепнулся на влажную землю.

В этот миг последовала новая автоматная очередь и вынудила его залечь за камнем.

«Солдатик все-таки выдал... или, может, кто-то другой заметил нас,— лихорадочно думал Игликов.— Теперь нам отсюда не вырваться».

В нескольких шагах от командира раздался оглушительный взрыв. Он так и не успел понять, что произошло.

Кто-то из его товарищей крикнул:

— Вперед, за мной!

Игликов больше ничего не видел и не слышал. Последней его мыслью было отдать Герцену приказ: «Принимай команду! Веди людей! Прорывайся!» Но он не успел произнести ни звука. Командир не чувствовал боли. Просто ему показалось, что он быстро летит в черную пропасть...

Но он недолго пролежал без сознания. Очнулся и с трудом встал на ноги. Солдаты окружили пленных плотным кольцом, направив на них автоматы и штыки карабинов.

Игликов чувствовал себя совершенно разбитым. Он слышал, как кто-то из его товарищей заплакал. Слышал, как Роза прошептала:

— Почему, почему так случилось?..

Партизаны тихо переговаривались:

— Кто нас предал. Веселин или та крестьянка?

— Может, солдат или тот, что шел с ним рядом?
— Конец, братья. Мы попали в капкан.
— В капкан,— повторил Игликов.— Хоть бы девочек пощадили...

ТОТЕВ И ГИМНАЗИСТЫ

Майор Тотев пошел в казарму и увидел, что полицейские сгрудились в кучку и что-то с интересом рассматривают. Заметив офицера, они смолкли и встали по стойке «смирно».

— Что это вы рассматриваете? — поинтересовался офицер.

— Ничего особенного,— заискивающе ответил усатый старшина, и кончики его пышных усов подобострастно поползли к ушам.

— А что ты прячешь за спиной?

— Пустяки, господин майор, мелочь.

— Что за мелочь?

— Да шубенка тут одна, господин майор.

— Где ты ее взял?

— У девчонки, господин майор, у дочки командира партизанского.

— Мелочь? Не зря люди считают вас мерзавцами! — с неожиданным раздражением произнес офицер.

— Да нешто ей добро оставлять, господин майор?! Девчонку все равно пустим в расход. Пускай хоть что-нибудь достанется нашим детям. Жалованья-то нашего ни на что уже не хватает...

— Ну-ка покажи!

Увидев тулупчик, Тотев побледнел.

— Так у кого ты его взял?

— Я ведь вам сказал, господин майор, у девчонки, партизанки.

Майор скрипнул зубами и вышел.

Минут через десять в кабинет к майору Тотеву привели Розу. На руках у нее были стальные наручники. Ее обезображенное побоями лицо распухло.

Тотев, широко расставив ноги, остановился перед партизанкой. В правой руке он держал белую розу. Он поднес цветок к лицу, понюхал. На руке висела толстая плеть из бычьих жил.

— Ну, скажешь наконец откуда у тебя эта вещь? — глухо спросил жандармский офицер.

Партизанка молчала.

— Говори! — свирепея, закричал офицер.

Он швырнул розу на стол, и через мгновение плоть со свистом рассекла воздух и обожгла шею девочки. Удары следовали один за другим. Руки у девочки были скованы, и ей нечем было защититься от ударов палача. Она только зажмурилась и низко опустила голову. От ударов ее кидало из стороны в сторону, но партизанка старалась стоять на ногах, держаться прямо.

Взбешенный молчанием девочки, жандармский офицер потерял контроль над собой. Он выхватил пистолет и прохрипел:

— Убью-у!

Но и на этот раз Роза не проронила ни слова.

И тогда офицер рукояткой пистолета ударил девочку по голове.

Через полчаса Тотев был в гимназии. В руках он держал тулупчик. Майор подошел к дочери, белокурой гимназистке, сидевшей за первой партой, отрывисто спросил:

— Твой?

— Да.

Майор, еле сдерживая ярость, заговорил, обращаясь к гимназистам:

— Кто-то из вас украл у моей дочери эту вещь и переправил партизанам. Кто это сделал? Пусть признается добровольно. Иначе я стану допрашивать каждого в отдельности!

Гимназисты молчали. Часы в коридоре громко отсчитывали секунды, и каждый с трепетом считал удары маятника, которые впервые стали четко слышны в классе, — один, два, три... Дрова в печке так сильно пылали, что она гудела и пытела, как паровоз.

— Раз... два... три! — сосчитал и жандармский офицер, потом достал из кобуры пистолет: — Ну, признавайтесь!

Печка гудела все сильнее и громче. Казалось, что она вот-вот взорвется под напором огня. В классе вдруг стало невыносимо жарко и душно.

— Молчите? Запомните, если виновный сам во всем признается, я, может, и прощу его. Но если будет упорствовать, я жестоко расправлюсь и с ним, и с теми, кто его покрывает.

Гимназисты сидели за партами ни живы ни мертвы. Никто не шелохнулся.

— Ты кого-нибудь подозреваешь? — спросил майор дочку.

Белокурая гимназистка испуганно пожала плечами — нет, она никого не может подозревать.

— Есть среди вас кто-нибудь из Старо-Железаре?

Из-за парты медленно поднялась гимназистка со смертельно перепуганным, бледным, как полотно, лицом.

С задней парты у окна встал Нино.

— Та-ак! — протянул офицер и подошел к гимназистке.

Директор, стоявший у доски, как провинившийся мальчишка, на цыпочках засеменил к жандармскому офицеру и прошептал ему на ухо:

— Она состоит в организации «Бранник»¹, господин майор. Едва ли...

— А ты? — круто повернулся Тотев к гимназисту.

— Да вы что, господин майор?! Да я таких дел боюсь как огня! — ответил Нино, «оскорбленный» подобным чудовищным подозрением.

— Не ты? Знаю я, что за народ в вашем селе.

— Господин майор, из Старо-Железаре действительно многие ушли к партизанам. Но мой отец — сельский полицейский. Он лично стрелял в партизанского командира и ранил его. Отца не раз пытались убить. Можете спросить у нашего старосты или сборщика налогов. Они хорошо меня знают. Мне кажется, что в классе вообще никто не способен на что-либо подобное.

Тотев вернулся к доске и уже другим тоном сказал:

— Ты не очень-то обижайся. А у кого мне спрашивать, я и сам знаю. Даю вам три дня сроку. Если вор сам придет и признается, я прощу его. Если нет, то рано или поздно я узнаю, кто это сделал, и тогда виновного ждет расстрел...

Он хлестнул плетью по голенищу сапога и вышел из класса. Шпоры резко и громко звякнули. Класс молчал.

«МЫ НЕ ОСЛАБИМ МУСКУЛЫ СТАЛЬНЫЕ»

Перед зданием общины на площади стояла группа схваченных партизан. Их связали одной веревкой, на всех были наручники.

Рядом прохаживались жандармы. Был здесь и Атанас Ищейка. Он размахивал кулаком перед лицом Тодора Пашкулова и злорадно шипел:

— Ну, что, попался наконец в капкан? Теперь получите пулю в лоб и ты, и твоя доченька. Ишь, герой! Неуловимый!

¹ «Б р а н н и к» — болгарская молодежная фашистская организация в дореволюционной Болгарии.

Вот тебе, получай, неуловимый! — Полицейский ударил командира в лицо.

Тодор покачнулся, но веревка, которой он был связан с остальными товарищами, не дала ему упасть. Партизанский командир набрал полную грудь воздуха и смачно плюнул сельскому полицаяу в лицо.

— Слушай ты, буржуйский холуй, — задохнувшись от гнева, произнес Тодор. — Недолго тебе небо коптить, месяца не пройдет, как с тобой за все рассчитаются!

— Убью-у! — бешено заорал Ищейка, размахивая пистолетом.

— Связанного человека убить легко. Это может сделать любой легавый ублюдок вроде тебя...

— Я бы тебя тут же, на месте, уколошил, если бы не приказ водить вас по селам. Пускай сперва все увидят, чего вы стоите, а пуля от вас не уйдет.

Днем огласили приказ старосты: «Всем жителям села собраться на площади и плевать в лицо предателям родины и шпионам Москвы». Но никто не вышел из домов. Село, казалось, вымерло. И только густой осенний туман стлался над крышами домов, сиротливо полз по безлюдным, пустынным улицам Старо-Железаре.

Под вечер полицейские и жандармы рассыпались по всему селу. Они врываются в дома, с угрозами выгоняли крестьян на улицу. Люди, опустив головы и что-то недовольно бормоча, медленно шли к общине. Никто не подошел к связанным партизанам. Люди стояли широким полукругом в дальнем конце площади.

Из-за побоев у Розы что-то случилось с глазами. Она не видела, как женщины украдкой вытирали слезы краешками платков. Напротив нее одиноко стояла пожилая крестьянка, и девочке показалось, что женщина всхлипывает. Роза долго всматривалась в нее и наконец узнала — это была мать Нино. Уж ее-то наверное никто сюда силой не пригонял, ее могло привести на площадь только сочувствие.

Неожиданно девочка услышала голос отца: немного хриплый, но все такой же сильный и уверенный.

— Братья, жалейте не нас, а тех, кто сейчас у власти. Не мы, а они дрожат за свои шкуры, потому что их дни сочтены! Майор Тотев ударил плетью по голенищу сапог:

— В подвал их! Быстро!

Полицейские и жандармы стали торопливо толкать партизан в спины, бить их прикладами...

Когда над селом опустились вечерние сумерки, у зарешеченного оконца каменного подвала кто-то остановился. К ногам партизан упал узелок. Игликов поднял его, развернул и увидел буханку еще теплого, видно, только что испеченного хлеба и круг брынзы. Он выглянул в окошко: пожилая женщина неторопливо удалялась. Худая, измученная, она шла, опустив голову и сжавшись от вечернего холода.

— Кто это? Не могу узнать.

Роза встала рядом с отцом:

— Это мать Нино.

— Не может быть!

— Она. Я и на площади ее видела. Она стояла и плакала.

— Муж собирается нас расстреливать, а жена — носит нам хлеб. Что-то непонятно, — произнес один из партизан.

— Наверное, Ищейка почуял, что Красная Армия подошла к нашим границам, что фашистам приходит конец, вот и решил подмазаться, — отозвался другой.

— Да нет, — возразила Роза, — она или сама решила принести еду, или ее послал Нино.

Девочка опустила на земляной пол и сказала:

— Скорее всего, она приносила ужин мужу. Может, даже угощала и жандармов из Карлово. Но все это для того, чтобы передать нам этот хлеб.

— Может, дочка, ты и права, — задумчиво сказал Игликов. — Одно время эта женщина дружила с комсомольцами. Ее отец — наш человек. Ищейка женился на ней по расчету.

Герцен протянул Розе горбушку хлеба. Почти двое суток партизаны ничего не ели, но сейчас девочке кусок не лез в горло. Она машинально мяла пальцами хлебный мякиш. Раненный в ногу парень в рваной, залитой кровью рубаше, прихрамывая, ходил по каменному подвалу. Вдруг он остановился в углу и стал пристально что-то разглядывать на стене.

— Глядите-ка, что тут!

Партизаны повернули к нему головы. Парень по слогам прочитал надпись, сделанную на стене чем-то острым:

Мы не ослабим мускулы стальные.

Роза сидела рядом с отцом. Закованными в наручники руками он попытался взъерошить ей волосы, ласково похлопал по щеке.

— Что же ты не написала стихотворение целиком? — спросил ее Герцен.

— Мне тогда было не до того. Да и трудно сделать это простой спичкой.

— Тогда прочитай его нам,— попросила Райна.

— Не хочется...

— Прочитай, дочка,— попросил и отец.

В каменном мешке, стены которого слышали только стоны и крики избиваемых крестьян, зазвенел голос, который так недавно звучал со школьной сцены:

Борьба сурова и жестока!

Ползут враги со всех сторон...

Подслушивавшие за дверью, в подвал ворвались полицейские и бросились к девочке.

Но партизаны стали в углу плечом к плечу, отеснив Розу назад. Они грудью оберегали девочку от ударов разъяренных полицейских...

Три дня и три ночи семеро партизан прожили, как в кошмарном сне. Окровавленных, обезображенных, оборванных, их водили по окрестным селам, жестоко пытали в подвалах общин.

«СМЕРТЬ ИНОГДА БЫВАЕТ ГОРДОЙ»

27 ноября партизан полумертвыми вывезли в местность Орел. Связанных одной веревкой, их поставили на каменистой площадке. В этих изможденных, босых, обросших щетиной, с жуткими кровоподтеками и ранами людях трудно было узнать прежних партизан.

Роза стояла рядом с отцом. Как и все, она тоже была бошой. Жандармы отняли у нее обувь, сняли теплую куртку и даже старенькую безрукавку.

Стоял конец ноября. Липкий, пронизывающий до костей туман окутывал и пропитывал все вокруг — и деревья, и камни, и людей. Роза дрожала от холода. Простая домотканая рубаха едва прикрывала острые плечики девочки. Слипшиеся от крови волосы невозможно было ни причесать, ни пригладить. Синее от побоев лицо распухло. Полузакрытые глаза смотрели рассеянно и равнодушно, словно все, что происходило вокруг, девочку совершенно не интересовало.

— Вам ясно, для чего вас сюда доставили? — крикнул майор Тотев.

Командир партизанского отряда впился взглядом в жандармского офицера: «Неужели не пощадят ребенка?!»

Тотев развязал веревку, снял стальные наручники с Иванки и заговорил вкрадчиво, с притворным сочувствием:

— Если бы ты не пошла с этими разбойниками, училась бы сейчас в гимназии. Во всем виноват твой отец. Он сбил тебя с толку. Мы можем тебя спасти, даю слово офицера, что я сдержу свое обещание. Но ты должна заслужить наше доверие. Вот тебе пистолет. Застрели отца, и прямо отсюда я отвезу тебя в село. Увидишь свою мать, подруг, будешь учиться в Карлово. Партизаны все равно приговорены к смертной казни, но, по крайней мере, хоть ты останешься в живых. Ты еще девочка, если заслужишь, помилуем тебя. Не думай, что мы звери.

Юная партизанка взяла пистолет.

Рука ее была белая, бескровная и слегка дрожала.

Эту руку восемь-девять лет назад придерживала грубая отцовская ладонь и учила ее выводить крючочки, черточки и буквы, учила писать собственное имя — Иванка Тодорова Пашкулова.

Теперь эта же самая рука должна направить дуло пистолета в грудь отца. В грудь, на которой она когда-то прятала лицо и с замиранием сердца слушала ласковый голос: «Одна ты у меня, доченька. Последнюю рубашу продам, останусь голодный, голый и босой, но отдам тебя учиться в гимназию...» До нее вдруг дошел страшный смысл происходящего. Самый ярый враг ее отца, враг партизан и всех бедняков Карловской околии, хладнокровный палач, на совести которого десятки замученных патриотов, этот палач требует, чтобы она застрелила собственного отца! Нет, ее отец ни в чем не виноват! Он никого не обманывал. Она это понимает. Роза подняла руку.

Эта рука умела крепко держать оружие во время трудных партизанских операций.

Дуло пистолета нацелилось в грудь майора.

Грянуло несколько выстрелов. Но не из пистолета, а из автомата.

Стрелял сам жандармский офицер. Стрелял злобно, остервенело.

Пистолет выпал из детской руки и звякнул о камни. Роза тихо, без стога опустила на землю. Огромным усилием воли она заставила себя поднять голову. Лицо ее быстро блед-

нело. Но, собрав уходящие силы, Роза прошептала строки стихов, которые всегда придавали ей мужества, помогали преодолеть боль:

— «Смерть иногда бывает гордой!»

Своему палачу адресовала она пророческие строки любимого поэта. «Смерть иногда бывает гордой!» — эти слова прозвучали как пощечина...

И Тотев понял это. Автоматная очередь ударила в упор...

— Убийцы! Народ отомстит...

Игликов хотел крикнуть что-то еще, но не успел. Новые автоматные очереди скосили и партизанского командира, и его отважных товарищей.

На мгновение в лесу воцарилась тишина. Жуткая, гробовая тишина! Под кручей, где собрались помрачневшие солдаты, слышался чей-то тяжелый и горький вздох.

* * *

27 ноября 1943 года.

В скромной комнате, у окна, стоял рослый, коротко стриженный гимназист. На кровати в беспорядке валялись нераскрытые учебники и тетради. Юноша взволнованно ходил из угла в угол, к чему-то прислушивался, будто кого-то ждал. На столе, в стакане с водой, стояла алая, свежая роза — еще не распустившийся бутон. Гимназист остановился перед розой и прошептал:

...в черном похоронном катафалке
звездочка, а не холодный труп,
...всей земли не хватит, чтобы сердце,
что горит так ярко, погрести...

Э П И Л О Г

Хмурым весенним вечером над Старо-Железаре прогремел одинокий выстрел. Громко захлопали двери в домах. Но на улице никто не вышел. В это смутное, тревожное время крестьяне предпочитали отсиживаться в домах и лишь тайком выглядывали из-за высоких каменных оград, заборов и плетней на улицу.

Жандармы, присланные из города и расквартированные в школе, засуетились, тревожно забежали по селу. Они-то и нашли тело Атанаса Ищейки. Сельский полицей, разбросав руки, лежал лицом вниз перед воротами собственного дома. На спине у него лежал листок, вырванный из школьной тетради. Жандармы осветили его карманным фонариком. На листке крупно, печатными буквами было написано:

ПРЕДАТЕЛЯМ НАРОДА — НЕНАВИСТЬ И ПУЛЯ!

Несколько дней жандармы безуспешно допрашивали крестьян, расследовали таинственное убийство — все старо-железарцы дружно заявляли, что ничего не видели и не слышали. Когда прогремел выстрел, одни спали, другие ужинали и лишь на другой день узнали об убийстве.

Через несколько недель, когда над селом опустились вечерние сумерки, в Старо-Железаре вошли партизаны.

Сборщик налогов Никола, как обычно, сидел в своей корчме за традиционной стопкой ракии. Неожиданно дверь корчмы распахнулась, и на пороге появился молодой парень с карабином в руках. Быстрым взглядом он окинул мужиков, сидевших за столами в прокуренном зале. Парень явно кого-

то искал. Никола, увидев партизана, тихонько встал и, низко пригнувшись, стал торопливо пробираться между столами к черному ходу.

Грянул выстрел, а вслед за ним раздался звонкий голос юноши:

— Предателям народа — ненависть и пуля!

Перепуганные крестьяне пригнули головы, а некоторые юркнули под столы. Керосиновая лампа погасла.

В наступившей тишине сборщик налогов на мгновение выпрямился, словно хотел потянуться, расправить плечи, и вдруг с оглушительным грохотом рухнул на пол...

...Партизаны сидели возле землянки, когда часовой неожиданно крикнул:

— Братья! Жгут наши дома!

Партизаны вскочили, несколько мужчин взобрались на самые высокие деревья.

Забрался на дерево и Ангел Абаджия. Он смотрел на бесые при дневном свете столбы пламени и считал:

— Один, два, три, четыре...

Дым стлался над селом, окутал все Старо-Железаре. Трудно было установить, сколько партизанских дворов полыхает. Ангел до боли в пальцах сжал рукоятку пистолета и гневно процедил сквозь зубы:

— Ну, погодите, кровососы, мы еще с вами рассчитаемся! Смерть за смерть!

В этот день сожгли семнадцать дворов.

А от села к лесу потянулась печальная вереница подвод. Женщины и дети громко плакали. Крестьян силой выгнали из родных домов и угоняли в далекие края...

Власти интернировали пятьдесят одну семью.

...Два дня ветер раскачивал труп крестьянина, повешенного перед общиной на шелковице.

...Полицейские прикладами затолкали в грузовик пятерых юношей и трех пожилых крестьян и увезли в горы. Через час грузовик вернулся в село пустой...

...Солнечный сентябрьский день. На площадь высыпало все Старо-Железаре. Крестьян никто не принуждал приходить сюда. Они пришли на площадь сами. На балконе общины, засыпанном букетами цветов, стоял Ангел Абаджия. Он держал речь перед крестьянами:

— Братья, конец тирании! Пришел долгожданный день, пришла свобода, за которую и наше село отдало немало дорогих жизней! Земной поклон и вечная память погибшим...

Когда обвешанный оружием Абаджия спускался с балкона, к нему через толпу направилась сгорбленная, преждевременно состарившаяся женщина, одетая в траур. Люди почтительно расступались перед ней, давая дорогу. Женщина подошла к Ангелу и, с трудом сдерживая рыдания, спросила:

— А где же мои, Ангел?..

Абаджия снял шапку и, бережно подхватив женщину, чтобы не упала, скорбно произнес:

— Чем мне утешить тебя, Илина, когда мне и самому тяжело. Крепись, сестра! И гордись мужем и дочкой! Помнишь, как Иванка читала:

Кто в грозной битве пал за свободу —
не умирает: по нем рыдают
земля и небо, зверь и природа,
и люди песни о нем слагают...¹

Тодор и Иванка пали в грозной битве за свободу. Они — настоящие герои...

К Абаджии и тете Илине подошел худой, высокий юноша с тонкой длинной шеей. Абаджия пристально посмотрел на него, узнал паренька и протянул ему широкую мозолистую ладонь:

— Здравствуй, Нино! Ты уж, брат, прости, если чем обидел раньше...

Он дружески улыбнулся и, притянув к себе юношу, крепко обнял его:

— Ну, парень, твое место с нами. Иди к ремсистам! Я считаю, что тебе можно доверить любое дело, даже самое трудное! Работай смело, уверенно, как и учила тебя Иванка, твой верный друг.

* * *

...Пионерский лагерь. Вечерняя поверка. Девочка рапортует:

— Товарищ начальник лагеря, пионерский отряд в полном составе построен. Отсутствует только Роза-Иванка Пашкулова, героически павшая в борьбе с фашизмом.

¹ «Х а д ж и Д и м и т р» — стихотворение Христо Ботева, перевод А. Суркова.

...Пионеры помогают кооператорам собирать урожай. У въезда на огородную плантацию висит табличка: «Бригада имени Розы-Иванки Пашкуловой».

...«Отряд имени Розы-Иванки Пашкуловой», «Дружина имени Розы-Иванки Пашкуловой», «Улица имени Розы-Иванки Пашкуловой», «Дом пионеров имени Розы-Иванки Пашкуловой».

В Старо-Железаре сегодня ничто не напоминает о сожженных фашистами домах партизан. На их месте построены новые дома, более красивые, более просторные. Да и все село стало красивее. На площади стоит памятник из белого вечного мрамора. Памятник четырнадцатилетней героине!

Перед памятником, у ног мраморной девочки, даже зимой всегда лежат живые цветы. Во время школьных каникул сюда идут и едут дети со всех концов новой, социалистической Болгарии, чтобы почтить память отважной партизанки. А из близлежащих районов сюда, к памятнику, приходят те, кому впервые повязывают синие или красные галстуки¹. Здесь же, у памятника, юношам и девушкам вручают комсомольские билеты.

На площадь села Старо-Железаре приходят и старые и молодые, чтобы преклонить колени и помолчать перед ожившей в белом камне девочкой, прожившей короткую, но яркую жизнь. Приходят, чтобы дать клятву самому себе быть таким же упорным, непреклонным, дерзновенным в достижении благородной цели, во имя светлой идеи, как юная героиня, таким же верным своей Отчизне и народу...

¹ В Болгарии синие галстуки носят сентябрята, а красные — пионеры.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Выстрелы в лесу	5
Сборщик налогов	7
Первая помощница	10
Сельские заправки	11
К добру ли?	13
Удастся ли выполнить поручение отца?	17
Письма Нино	20
На посту	23
Благодарность партизан	25
Отцовские радости и тревоги	27
Старшой и Меньшой	28
Выстрел в секретаря райкома	30
Где отец?	33
«Веди меня к отцу!»	36
«Ничего не знаю!»	38
В сене что-то прошелестело	41
Полицейский идет по пятам	44
Вражда отцов	47
Танец роз	49
Грязь	53
Новый арест	56
Ночная схватка	60
Тайник	63
Нельзя жить чужим умом	66
Дети своих отцов	67
Кто кого перехитрил	71
Повешенный партизан	73
Букет роз	77
«Дочери партизана — не место в гимназии!»	80
В карловской тюрьме	82
Одиночество	87
Незнакомец	89
Жалобный вой Шаро	92
Батрачка священника	94
«И мне нелегко...»	98
Душно, как перед грозой	100
Крепкое рукопожатие	102
Снова одна	105
Первый трофей	109
Пусть он решает	112
Роза	114

Клятва	116
Вместе с отцом	118
Возмужание	120
Трудности	124
Посланцы села	127
Допрос в лесу	130
Среди голого поля	133
В саду Атанаса Ишейки	137
Черное пепелище	138
Как птица феникс	141
Выстрелы со всех сторон	143
Тотев и гимназисты	147
«Мы не ослабим мускулы стальные»	149
«Смерть иногда бывает гордой»	152
Эпилог	155

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге

издательство просит присылать по адресу:

125047, Москва, ул. Горького, 43.

Дом детской книги

ДЛЯ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Борис Крумов

РОЗА СВОБОДЫ

Повесть

ИБ № 4740

Ответственный редактор *И. С. Вискова*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *Г. Г. Рыжкова*. Корректоры *В. В. Борисова* и *Э. Н. Сизова*. Сдано в набор 24.03.80. Подписано к печати 12.08.80. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 9,35. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1281. Цена 45 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»